

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

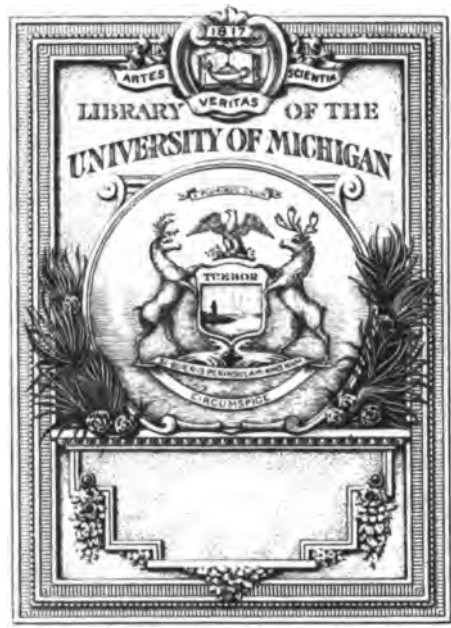
DS
849
.R7
R5

BUHR B

42-

~~15460~~
~~W 410~~
~~W 2062~~

DS
849
R7
R5

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА

О ПЛАВАНИИ ЕГО

КЪ ЯПОНСКИМЪ БЕРЕГАМЪ

ВЪ 1812 И 1813 ГОДАХЪ,

И

О СНОШЕНІЯХЪ СЪ ЯПОНЦАМИ.

Напечатаны по Высочайшему повелѣнію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ Морской Типографіи 1816 года.

127
3.
145

ТАКАТАЙ-КАХИ.

*"Въ каждой землѣ есть свои обыкновенія,
но прямо добрыя дѣла вездѣ таковыми
считаются!"*

*Слова Математическаго Инспектора
ср. Записки Математика Таковскаго
часть 2^я стр. 185.*

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА

О ПЛАВАНИИ ЕГО

КЪ ЯПОНСКИМЪ БЕРЕГАМЪ

ВЪ 1812 И 1813 ГОДАХЪ,

И

О СНОШЕНІЯХЪ СЪ ЯПОНЦАМИ.

Напечатаны по Высочайшему повелѣнію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ Морской Типографіи 1816 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги, для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 1816 года Октября 2 дня.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Г. Яценковъ.*

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА.

L. B. Com.
French No. Reprim
31384
11-19-1935

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

По повелѣнію вышняго начальства, совершено мною троекратное плаваніе къ берегамъ Японскимъ, для освобожденія Капитана Головнина, Митмана Мура, Штурмана Хлѣбникова, четверыхъ матрозовъ и одного Курильца, захваченныхъ Японцами. Всевышній благословилъ сіе предпріятіе вождельными успѣхами: Японцы, убѣдясь въ миролюбивомъ къ нимъ расположеніи Россіи, освободили нашихъ соотечественниковъ, и сверхъ того положено основаніе будущему сближенію двухъ сосѣдственныхъ народовъ ко взаимной ихъ выгодѣ, издавна желаемому Россійскимъ Правительствомъ, но неудававшемуся отъ непредвидимыхъ причинъ.

*Держаю посвятить Всеавгустѣйшему имени ВАШЕ-
ГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, напечатанное по
Высочайшему повелѣнію ВАЩЕМУ на счетъ Кабинета
повѣствованіе о семъ подвигѣ, предпринятомъ съ
ревностными желаніями принести пользу отечеству.*

**ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**

**Вѣрноподданный
Петръ Рикордъ,**

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ, ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

и прочая, и прочая, и прочая.

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА РИКОРДА.

1811 года, 11 числа, въ 11 часовъ по полуночи, и, ежели считашь по древнему обычаю съ Сенсября, то и 11 мѣсяца Юля, постигло насъ шю печальное происшествіе, кошорое останешся въ памяти всѣхъ служившихъ на шлюпѣ *Dianth* на всю жизнь неизгладимымъ, и всегда будешъ возобновляшъ скорбныя чувствованія при воспоминаніи объ ономъ. Извѣстно чинашелямъ, что нещасіе, постигшее Капитана *Головнина*, ввергнувшее насъ въ глубокую шоску и поразившее духъ нашъ недоумѣніемъ, было неожиданно: оно разрушило всѣ наши лестныя виды о возможности возвратиться сего же года въ опечесство, коими услаждались мы при опшправленіи изъ *Каматки* для описи *Курильскихъ* острововъ, ибо, когда свершился роковой ударъ разлученіемъ насъ самымъ ужаснѣйшимъ образомъ съ доспойнымъ и любимымъ нашимъ Начальникомъ и съ цѣлѣйшими сослуживцами, никто уже не помышлялъ о возвращеніи къ своимъ родспвенникамъ и друзьямъ, а всѣ положили швердое упованіе на Бога и единодушно рѣшились, какъ офицеры, шакъ и команда, не осшавляшъ *Японскихъ* бере-

говъ, доколѣ не испытаемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для освобожденія своихъ сослуживцевъ, есѣли они въ живыхъ; есѣли же они, какъ мы иногда полагали, убиты, доколѣ не опомсимъ надлежащимъ образомъ на шѣхъ же самыхъ берегахъ.

Проводивъ Г. *Головнина* со всѣми съѣхавшими съ нимъ на берегъ въ зрительныя шрубы до самыхъ городскихъ воротъ, куда они были введены въ сопровожденіи великаго числа людей и, какъ намъ казалось по отличному разноцвѣтному одѣянію, значащихъ *Японскихъ Чиновниковъ*, и руководствуясь одинакими съ Г. *Головнины*ми правилами, я ни мало не подозрѣвалъ *Японцевъ* въ вѣроломствѣ, и до такой степени былъ ослабленъ увѣренностью въ искренности ихъ поступковъ, что, оставшись на шлюпѣ, занимался приведеніемъ всего въ лучшій порядокъ на случай пріѣзда *Японцевъ* вмѣстѣ съ Г. *Головнины*ми, какъ добрыхъ посѣщителей. Среди такихъ занятій, около полудня, слухъ нашъ внезапно поражается сдѣланными на берегу выстрѣлами и чрезвычайнымъ въ то же время крикомъ, бѣжавшаго толпою изъ городскихъ воротъ народа, прямо къ шлюпкѣ, на которой Г. *Головнинъ* съѣхалъ къ нимъ на берегъ. Посредствомъ зрительныхъ шрубъ мы явственно видѣли, какъ сей народъ, въ безпорядкѣ бѣжавшій, со шлюпки расхвашалъ мачшы, паруса, весла и другія принадлежности. Между прочимъ казалось намъ, что одного изъ нашихъ гребцовъ *мохнатыя Курильцы* понесли на рукахъ въ городскіе ворота, куда вбѣжавъ всѣ, оныя за собою заперли. Въ ту же минуту насмала глубочай-

шая шипина: все селеніе съ морской стороны было завѣшено полосатою бумажною матерією, и попому нельзя было видѣть, что тамъ происходило, а внѣ онаго никто уже не показывался.

При семъ насильственномъ поступкѣ *Японцевъ*, жестокое недоумѣніе объ участи оставшихся въ городѣ нашихъ сослуживцевъ терзало наше воображеніе. Всякой удобнѣе можешь постигать по собственнымъ своимъ чувствамъ, полагая себя на нашемъ мѣстѣ, нежели я могу то описать. Кто читалъ *Японскую* исторію, тотъ легко можешь вообразить, чего надлежало намъ ожидать отъ мстительнаго нрава *Японцевъ*.

Не теряя ни минуты, я приказалъ сняться съ якоря, и мы пошли ближе къ городу, полагая, что *Японцы*, увидя вблизи себя военное судно, переменятъ свое намѣреніе, и, можешь быть, согласятся, вступя въ переговоры, выдать нашихъ, захваченныхъ ими. Но вскорѣ уменьшившаяся до $2\frac{1}{2}$ сажень глубина принудила насъ спастись на якорь еще въ довольноомъ разстояніи отъ города, до котораго хотя ядра наши и могли доспавать, но значительнаго вреда нанесъ были не въ состояніи. И въ то время, какъ мы приготавливали шлюпъ къ дѣйствию, *Японцы* открыли огонь съ поставленной на горѣ башни, которой ядра брали еще на нѣсколько разстояніе далѣе нашего шлюпа. Сохраняя честь опечесивеннаго и уважаемаго всѣми просвѣщенными Державами, а теперь оскорбленнаго флага, и чувствуя правоту своего дѣла, приказано было мною оп-

крыть пальбу по городу съ ядрами. Около 170 выстрѣловъ сдѣлано было со шлюпа: намъ удалось сбить упомянутую на горѣ башарею; при этомъ мы примѣтили, что шѣмъ не сдѣлали желаемого нами впечатлѣнія на городъ, закрываемый съ морской стороны землянымъ валомъ; равно и ихъ выстрѣлы не сдѣлали никакого поврежденія на шлюпѣ. Посему я счелъ за бесполезное далѣе оспаваться въ семъ положеніи: приказалъ прекращить пальбу и сниматься съ якоря. *Японцы*, по видимому, ободренные прекращеніемъ нашего огня, палили безъ разбору во все время нашего удаленія отъ города. Не имѣя достаточнаго числа людей на шлюпѣ, жоиими можно бы было сдѣлать высадку, не въ состояніи мы были предпринять ничего рѣшительнаго въ пользу нашихъ несчастныхъ соповарищей: всѣхъ людей на шлюпѣ оспавалось съ офицерами 51 человекъ. Пошерь любимого и почишаемаго ими Капитана, который о нихъ въ преплытіи великихъ морей, и при перемѣнахъ разныхъ климатовъ, шоликое прилагалъ шщаніе, пошерь прочихъ сослуживцевъ, исторгнушихъ коварствомъ изъ середины ихъ и можешъ бышь, какъ полагали, люшѣйшимъ образомъ умерщвленныхъ, — все сіе до неимовѣрной степени огорчило служащихъ на шлюпѣ и возбудило въ нихъ желаніе отмстить вѣроломству, до такой степени, что всѣ съ радостию готовы были броситься въ средину города и мстящею рукою или доставивъ свободу своихъ соопеченниковъ или заплащя дорогою цѣною за коварство *Японцевъ*, пожертвовашъ самою жизнію. Съ такими людьми и при такихъ чувствованіяхъ неспрудно было

бы произвестъ сильное впечатлѣніе надъ коварными врагами; но тогда бы шлюпъ оставался безъ всякой защиты и могъ легко быть преданъ огню: всякое удачное и неудачное покушеніе осталось бы въ *Россіи* навсегда неизвѣстнымъ, равно и собранныя нами свѣденія въ сей послѣдней экспедиціи при описаніи южныхъ *Курильскихъ острововъ* и много времени и трудовъ стоящее описаніе Географическаго положенія сихъ мѣстъ, не принесли бы также никакой ожидаемой отъ того пользы. Отошедъ далѣе отъ города, спали мы на якорь въ такомъ разстояніи, чѣобы ядра съ крѣпости до насъ не могли доспавать, а между тѣмъ положено было написать къ попавшемуся въ плѣнъ нашему Капитану письмо. Въ ономъ изложили мы, сколь чувствительна намъ была потеря въ лишеніи своего Начальника и сослуживцевъ, и сколь несправедливъ и противенъ народному праву поступокъ *Кунаширскаго* Начальника; извѣстили, что отправляемся теперь въ *Охотскъ* для донесенія вышнему начальству, что всѣ на шлюпѣ до единого, готовы будущъ положить жизнь свою, еслии другихъ не будетъ средствъ къ ихъ вырученію. Письмо подписано всеми офицерами и положено въ стоявшую на рейдѣ лодку. Къ вечеру мы еще отшпанулись по заводу далѣе отъ берега и провели ночь во всякой готовности опразить нечаянное нападеніе непріятеля.

Поутру мы видѣли съ помощію зрительныхъ трубъ вывозимые изъ города на вьючныхъ лошадяхъ пожитки, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чѣобы мы не

покусились какимъ либо средствомъ сжечь городъ. Въ 8 часовъ утра, руководствуясь, хотя съ крайнею печалію, необходимою должностію службы, опѣданнымъ отъ себя приказомъ принялъ я по старшинству моего чина шлюпъ и команду въ свое вѣденіе, и потребовалъ отъ всѣхъ остававшихся на шлюпѣ офицеровъ письменнаго мнѣнія о средствахъ, какое кто изъ нихъ признаетъ за лучшее къ вырученію нашихъ соотечичей. Общимъ мнѣніемъ положено оставить непріятельскія дѣйствія, отъ которыхъ еще можеть сдѣлаться хуже участь плѣнныхъ, и *Японцы*, можеть бысть, покусясь чрезъ то и на жизнь ихъ, если она еще сохранена, а идши въ *Охотскъ*, для донесенія о семъ вышнему начальству, которое можеть избрать надежныя средства къ вырученію захваченныхъ, естли они живы, или къ ошмщенію за коварство и нарушеніе народнаго права, въ случаѣ ихъ умерщвленія.

По разсвѣтѣ послалъ я Шпурманскаго Помощника *Средняго* на шлюпкѣ къ поставленной на рейдѣ кадкѣ осмошрѣть, взято ли шретьяго дня положенное наше письмо. Онъ, не доѣхавъ еще до оной, услышалъ въ городѣ барабанный бой, и возвратился въ чаяніи, что изъ города его атакують на гребныхъ судахъ. И въ самомъ дѣлѣ примѣтили мы одну опвалившую байдару; но она нѣсколько опѣхавъ отъ берега, поставила еще вновь кадку съ черными флагарками. Увидѣвъ сіе, мы потчасъ снялись съ якоря, въ намѣреніи подойти ближе къ городу и послашь гребное отъ себя судно осмошрѣть помянутую кадку, не найдется ли въ оной

письма, или чего другого, по коему бы мы могли до-
 знахся объ участи нашихъ товарищей; но скоро при-
 мѣтили, что сія кадка прикрѣплена была къ веревкѣ, у
 коей конецъ былъ на берегу, и съ помощію коей не-
 чувствительно припугивали ее къ берегу, думая та-
 кимъ образомъ заманивъ шлюпку ближе и завладѣвъ ею.
 Примѣтя сіе коварство, мы спали потчасъ на якорь.
 При малѣйшей возможности ласкали мы себя надеждою
 узнать объ участи несчастныхъ сопутниковъ нашихъ;
 ибо съ того самаго времени, какъ сдѣлались они жерш-
 вою *Японскаго* вѣроломства, судьба ихъ была для
 насъ совершенно неизвѣстна. Съ одной стороны думали
 мы, что мстительность *Азіатская*, при такомъ не-
 пріязненномъ расположеніи, не допуститъ ихъ остав-
 лять нашихъ плѣнныхъ долгое время въ живыхъ, а
 съ другой, разсуждали, что *Японское* Правитель-
 ство, похваляемое всѣми за особенное благоразуміе
 конечно не рѣшится оказать мщеніе надъ 7 чело-
 вѣками, во власъ его попавшимися. Теряясь та-
 кимъ образомъ въ неизвѣстности, мы ничего не мог-
 ли лучшаго придумать, какъ показавъ *Японцамъ*,
 что считаемъ нашихъ товарищей живыми, и что
 никакъ не воображаемъ, чтобъ въ *Японіи* жизнь по-
 павшихся въ плѣнъ не также сохранялась, какъ въ
 прочихъ просвѣщенныхъ Государствахъ. На сей конецъ
 послалъ я Мичмана *Филатова*, къ одному оставленно-
 му безъ людей селенію, на мысу находящемся, прика-
 завъ ему оставить пригошовленное и укладенное по-

рознь съ надписями для каждого изъ офицеровъ бѣлье, бритвы и нѣсколько книгъ, а для мажоратовъ плащье.

14 числа, съ горестными чувствованіями, оставили мы заливъ *Измѣны*, по справедливости названный симъ именемъ офицерами шлюпа *Діаны*, и пошли прямѣйшимъ шрактомъ къ *Охотскому* порту, будучи во все почши время окружены непроницаемымъ густымъ туманомъ. Одна сія туманная погода причиняла плаванію сему нѣкошорую непріятность; вѣтры же были благопріятны и умѣренны. Но ужаснѣйшая изъ всѣхъ бурь свирѣпствовала въ душѣ моей, доколѣ мы по шихоспи вѣтровъ, нѣсколько дней плавали въ виду ненавистнаго острова *Кунашира*! Слабый лучъ надежды по временамъ подкрѣплялъ мой унылый духъ; я льстился мечпою, что мы еще не навсегда разлучены съ нашими поварищами; съ утра до вечера я осматривалъ въ зрительную шрубку весь морской берегъ, надѣясь узрѣшь кого нибудь изъ нихъ на челнокѣ, спасагося изъ жестокаго плѣна, по внушенію самаго Провидѣнія; но когда мы вышли въ пространство *Восточного океана*, гдѣ зрѣніе наше за густошпою тумана простиралось только на нѣсколько сажень; тогда самыя мрачныя мысли мною овладѣли и не преспавали днемъ и ночью наполняя мое воображеніе различными мечпами. Я жилъ въ каютѣ, кошорую 5 лѣтъ занималъ другъ мой *Головинъ*, и въ кошорой многія вещи оставались въ шомъ же порядкѣ, какъ были положены имъ самимъ въ самой день его опѣзда на злополучный берегъ; все сіе напоминало весьма живо о медавнемъ его присушствіи.

Офицеры, входившіе ко мнѣ съ докладами, часто по привычкѣ ошибались, называя меня именемъ Г. Головинна, и при сихъ ошибкахъ возобновляли скорбь, извлекавшую у нихъ и у меня слезы. Какое мученіе шло душу мою! Давно ли, думалъ я, разговаривалъ я съ нимъ о представлявшейся возможности возстановить доброе съ Японцами согласіе, которое было нарушено безразсуднымъ поступкомъ одного дерзкаго человѣка, и въ чаяніи такого успѣха, мы вмѣстѣ радовались и душевно торжествовали, что сдѣлаемся полезными нашему Отечеству: но какой жестокой оборотъ послѣдовалъ вмѣсто сего? Г. Головинъ, съ двумя отличными офицерами и чешырѣма мапрозами, отпоргнувъ отъ насъ народомъ, извѣстнымъ въ Европѣ только по лютейшему прошиву Христіанъ гоненію, и учась ихъ покрыша для насъ непроницаемою завѣсою. Такія размышленія доводили меня до отчаянія во всю дорогу.

Черезъ 16 дней благополучнаго плаванія представилось взору нашему строеніе города Охотска, какъ будто вырастающее изъ океана. Всю построенная церковь была выше и красивѣе всѣхъ прочихъ зданій (1). Низменный мысъ, или, лучше сказать, морская отмель, на которой построенъ городъ, не прежде съ моря открывается, какъ по разсмотрѣніи всѣхъ строеній.

---

(1) Давно не имѣли мы удовольствія видѣть Божій храмъ! Видъ такого Христіанскаго зданія во всякаго мореходца, особенно по испытаніи бѣдствій, вливаетъ какую-то неизъяснимую ободрительную отраду и поражаетъ благопріятныя мысли о жителяхъ новой пристани.

Желая снестись, не теряя времени съ порпомъ, приказалъ я при поднятіи флага выпалить изъ пушки, и въ ожиданіи лоцмана съ берега, мы легли въ дрейфъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ опъ Начальника порта Лейтенантъ *Шаховъ* съ порученіемъ показашъ намъ лучшее мѣсто. По его назначенію, спали мы на якорь. Послѣ сего я ошправился въ *Охотскъ* донестъ о нещастіи и потерѣ нашей на *Японскихъ* берегахъ Начальнику порта флота Капишану *Миницкому*, съ коимъ я и Г. *Головинъ* равнымъ были связаны дружесвомъ со времени нашего служенія на *Англійскомъ* флотѣ. Онъ изъ-явилъ искреннѣйшее соболѣзнованіе въ постигшемъ насъ нещастіи: усерднѣйшимъ принятіемъ взаимнаго участія, благоразумными своими совѣтами и всѣми зависящими опъ него пособіями нѣсколько облегчалъ мою скорбь, усугубляемую помышленіемъ, что вышнее начальство изъ одного просшаго моего донесенія о взятіи Г. *Головина Японцами*, можетъ заключить по первому взгляду, что я не привелъ въ исполненіе всѣхъ зависѣвшихъ опъ меня способовъ для его выручки.

Усмошрѣвъ, что пребываніе мое въ *Охотскѣ*, во время продолжительной зимы, совершенно для службы бесполезно, поѣхалъ я, съ согласія Капишана *Миницкаго*, въ Сенсябрѣ мѣсяцѣ въ *Иркутскъ*, въ намѣреніи слѣдовать до *Санктпетербурга* для подробнаго донесенія обо всемъ случившемся Г. Морскому Министру и просить его разрѣшенія на кампанію къ *Японскимъ* берегамъ, для освобожденія оставшихся въ плѣну нашихъ соотечественниковъ.

Симъ кончилась кампанія, которая стоила намъ шолкихъ трудовъ и пожертвованій, перенесенныхъ нами со всею швердосцію въ шой утѣшительной мысли, что исполнивъ волю Правительсва своего, окажемъ оному услугу распросраненіемъ новыхъ свѣдѣній объ опдаленнѣйшихъ мѣстахъ и по возвращеніи своемъ вкусимъ пріятный покой среди соошечесшвенниковъ нашихъ, но вопреки всѣмъ надеждамъ, ужасное несчастіе постигло нашего Начальника и сошоварищей!

Мнѣ надлежало въ одну зиму успѣшь совершить предполагаемую въ *Санктпетербургѣ* и обратно въ *Охотскѣ* поѣздку, и пошому я принужденъ былъ, не шеря времени въ ожиданіи зимняго пуши въ *Якутскѣ* (куда я пріѣхалъ въ исходѣ Сеншября), ѣхать опять верхомъ до самаго *Иркутска*, что мнѣ удалось исполнишь въ 56 дней. Всего разшоянія проѣхалъ я верхомъ 3000 верстѣ. Я долженъ признаться, что сія сухопущная кампанія была для меня самая шруднѣйшая изъ всѣхъ совершенныхъ мною: верпикальная шряска веръховой ѣзды для моряка, привыкшаго носиться по плавнымъ морскимъ волнамъ, мучишельнѣе всего на свѣш! Имѣя въ виду поспѣшность, я иногда опваживался проѣзжать двѣ большія въ сушки станціи, по 45 верстѣ каждая; но шогда уже не оспавалось во мнѣ ни одного сосшава безъ величайшаго разслабленія; самая даже челюсти опказывались исполнять свою должность; сверхъ сего и осенній пушь отъ *Якутска* до *Иркутска*, возможный только для верховой ѣзды, есть самый опаснѣйшій. Большою частію ѣзда совершается по шропамъ, на крушыхъ

косогорахъ, сославляющихъ берега рѣки *Лены*. Во многихъ мѣстахъ пропекающіе съ ихъ вершинъ источники, замерзающъ выпуклымъ весьма скользкимъ льдомъ, называемымъ *Ленскими* жишелями *накипень*, и какъ *Якутскія* лошади вообще не подковываются, то всегда почти, переѣзжая черезъ ледъ, падаютъ. Однажды я, не досмотрѣвъ такого опаснаго *накипеня* и ѣхавши довольно скоро, упалъ съ лошади и, не успѣвъ освободить ногъ изъ спременъ, покапился вмѣстѣ съ нею по косогору, и заплашилъ за неосмотрительность поврежденіемъ одной ноги. Раздѣлавшись сполъ дешево, я благодарилъ Провидѣніе, что не сломилъ себѣ шеи. Совѣшую всѣмъ, кого нужда заставишь ѣхать по сей ледовитой дорогѣ верхомъ, не задумываться, ибо шамошнія лошади имѣютъ дурную привычку безпрестанно забираться вверхъ по косогору, и наѣхавъ тогда при такой крутизнѣ на *накипень*, нельзя ручаться, въ случаѣ паденія вмѣстѣ съ лошадыю, за сохраненіе глубокими мыслями наполненной головы.

Прибывъ въ *Иркутскъ*, я былъ весьма ласково принятъ Г. Гражданскимъ Губернаторомъ *Николаемъ Ивановичемъ Трескинымъ*; къ которому долженъ былъ, за отсутствіемъ *Сибирскаго* Г. Генералъ - Губернатора, явиться. Онъ мнѣ объявилъ, что получивъ чрезъ *Охотскаго* Начальника мое донесеніе о приключившемся несчастіи, давно уже препроводилъ оное къ начальству вмѣстѣ съ испрашиваніемъ разрѣшенія въ отправленіи экспедиціи къ *Японскимъ* берегамъ, для выручки *Капитана Головина* и прочихъ участниковъ его бѣдъ.

ствія. Сіе неожиданное, впрочемъ для меня благопріятное обстоятельство, (ибо для сего единственно я предпринялъ многотрудную поѣздку изъ *Охотска* до *Санкт-петербурга*), заставило меня, согласно съ предположеніемъ Г. Губернатора, оспаться въ *Иркутскѣ*, въ ожиданіи рѣшенія высшаго начальства. Между тѣмъ онъ, принявши великое участіе въ злополучіи Капишана *Головнина*, занялся вмѣстѣ съ мною начертаніемъ предполагаемой экспедиціи, которое и было вскорѣ отправлено на разсмотрѣніе къ Его Высокопревосходительству Г. *Сибирскому* Генералъ-Губернатору *Ивану Борисовичу Пестелю*; но по существовавшимъ тогда весьма важнымъ политическимъ обстоятельствамъ не послѣдовало на оное Монаршаго утвержденія, мнѣ же Высочайше повелѣно было возвратиться въ *Охотскѣ*, съ разрѣшеніемъ отъ начальства отправиться со шлюпомъ *Діаной* для продолженія неоконченной нами описи, и вмѣстѣ съ симъ зайти къ острову *Кунаширу* для провѣдыванія объ участи нашихъ соотечественниковъ, захваченныхъ *Японцами*.

Въ продолженіе зимы привезенъ былъ въ *Иркутскѣ* извѣстный чижашелямъ (изъ записокъ Г. *Головнина*) *Японецъ Леонзаймо*, по особенному вызову Г. Гражданскаго Губернатора, которымъ онъ принятъ былъ весьма благосклонно. Прилагаемо было всевозможное стараніе вразумить его о пріязненномъ расположеніи нашего Правительсва къ *Японскому*. Онъ, разумѣя довольно хорошо нашъ языкъ, казался въ этомъ убѣжденнымъ и удостовѣрялъ насъ, что всѣ *Рускіе* въ *Японіи*

живы и дѣло наше кончилось миролюбиво. Съ симъ Япон-целибъ я отправился обратно въ Охотскъ, но не верхомъ уже, а въ покойныхъ зимнихъ повозкахъ по гладкой рѣкѣ Ленѣ до самаго Якутска, куда мы пріѣхали въ исходѣ Марша мѣсяца. Въ сіе время года во всѣхъ благословенныхъ природою странахъ цвѣшеть весна; но здѣсь владычествовала еще зима и столь суровая, что льдины, употребляемыя бѣдными жишелями вмѣсто стеколъ въ окнахъ, не были еще по обыкновенію замѣщены слядою съ насупленіемъ ошпепели, и дорога къ Охотску была покрыта весьма глубокимъ снѣгомъ, отъ кошораго проѣздъ на лошадяхъ былъ невозможенъ. Дожидаешься, когда спаетъ снѣгъ, ни я, ни мой Японецъ, не имѣли терпѣнія, и мы пустились верхами на оленяхъ, имѣя вожатыми ихъ хозяевъ, добрыхъ Тунгусовъ. Я долженъ отдать справедливость сему прекрасному и полезнѣйшему изъ всѣхъ въ услуженіи человека находящихся живошныхъ: верховая на немъ ѣзда гораздо покойнѣе, нежели на лошади; олень бѣжитъ плавно безъ всякой шряски, и шакъ смиренъ, что когда случалось съ него падать, онъ оставался на мѣстѣ, какъ будто вкопанный. Сему въ первые дни мы довольно часто подвергались по причинѣ чрезвычайной неловкости сидѣть на маленькомъ вершлянномъ сѣдлѣшкѣ безъ стремянъ, наложенномъ на самыхъ переднихъ лошакахъ, ибо олень весьма слабоспинъ и не терпитъ никакой на срединѣ спины стягости.

Прибывши въ Охотскъ, нашелъ я шлюпъ въ самыхъ необходимыхъ часпахъ исправленнымъ; всего же

нужнаго исправленія, по великой во многихъ отношеніяхъ неудобности рѣки *Охоты*, произвеси въ дѣйствіе не было возможности. Не взирая однакожъ на такія препятствія, при пособіи дѣятельнаго Начальника порша Г. *Миницкаго*, мы успѣли приготовить шлюпъ къ походу въ такой почно исправности, какъ бы въ лучшихъ портахъ *Россійскаго*, Государства, а потому справедливымъ почиаю при семъ случаѣ изъяснить признательность оному опличному Начальнику, много содѣйствовавшему къ предстоявшему и щасливо совершившемуся пушешествію. Для умноженія команды шлюпа *Діаны*, прибавилъ онъ еще изъ *Охотской* морской роты одного унтеръ-офицера и 10 солдатъ, и для безопаснѣйшаго плаванія оудалъ подъ мою команду одинъ изъ *Охотскихъ* транспортовъ: брикъ *Зотикъ*, на коемъ командиромъ сдѣланъ Лейтенантъ *Филатовъ*, одинъ изъ офицеровъ командуемаго мною шлюпа; кромѣ сего выбылъ изъ моей команды Лейтенантъ *Якушкинъ*, для начальствованія на другомъ *Охотскомъ* транспортѣ *Павлѣ*, шедшемъ въ *Камчатку* съ провіаншомъ.

18 Іюля 1812 года, бывъ въ совершенной гошовности къ опплытію, принялъ я на шлюпъ шесъ чловѣкъ *Японцевъ*, спасшихся съ разбишаго на *Камчатскихъ* берегахъ *Японскаго* судна для ошвозу ихъ въ опечество (1). Въ 3 часа по полудни 22 Іюля опправились мы въ пушь, въ сопровожденіи брика *Зотика*.

---

(1) Кораблекрушеніе сихъ *Японцевъ* на *Камчатскихъ* берегахъ досшойно особеннаго примѣчанія: оно случилось въ

Мое намѣреніе было идти крапчайшимъ путемъ къ *Кунаширу*, то есть *Пиковымъ* каналомъ, или, по крайней мѣрѣ, проливомъ *Дефризовымъ*. На пути нашемъ до самаго острова *Кунашира* ничего особенно примѣчательнаго не случилось, кромѣ того, что мы однажды были подвержены чрезвычайной опасности. Около полудня 27 Іюля небо отъ пасмурности очистилося такъ, что мы хорошо могли опредѣлить свое мѣсто, отъ котораго въ полдень островъ *С. Іоны* былъ къ югу въ 37 миляхъ; островъ сей открытъ Командоромъ *Биллингесомъ* во время плаванія его на суднѣ *Слава Россіи*, предпринимаго имъ изъ *Охотска* въ *Каитатку*. Географическое положеніе его по Астрономическимъ наблюденіямъ весьма вѣрно опредѣлено Капитаномъ *Крузенштерномъ*. Вообще сказать можно, что всѣ тѣ мѣста, которыя сей искусный мореплавецъ опредѣлилъ, могутъ служить почти стольже точною повѣркою хронометрамъ, какъ и *Гренвическая* обсерваторія. Посему мы ни мало не сомнѣвались въ

шомъ же году, въ кошоромъ нашихъ соотечественниковъ коварнымъ образомъ захватили на *Японскихъ* берегахъ, и что всего удивительнѣе, какъ будто опредѣленіемъ самаго Провидѣнія изъ всего экипажа *Японскаго* судна спаслось ровно то самое число людей, сколько *Японцы* захватили нашихъ. Отправляясь съ ними къ *Японскимъ* берегамъ, по *Европейскимъ* законамъ представлялось намъ сбыточнымъ дѣломъ, что хотя съ трудностію но размѣя наконецъ долженъ послѣдовать; чинашель однако въ послѣдствіи увидитъ, сколь много въ семъ случаѣ *Японскіе* законы разнствуютъ отъ нашихъ.

истинномъ положеніи своемъ отъ онаго острова, равно какъ и наше мѣсто въ полдень сего дня было определено съ довольною точностію. Почему мы и спали правильно такимъ образомъ, чтобъ миновать островъ миляхъ въ 10 разстоянія, а брига *Зотику* приказалъ я чрезъ сигналъ держаться отъ насъ въ полумили. Намѣреніе мое было, еслили погода позволишь, осмотрѣть островъ *С. Іоны*, весьма рѣдко видимый *Охотскими* транспортами и *Компанейскими* судами, такъ какъ онъ лежишь не на пущи обыкновеннаго течения изъ *Камчатки* въ *Охотскъ*.

Съ полуночи на 28 Іюня вѣтръ продолжалъ душить при густомъ туманѣ, сквозь которой въ 2 часа увидѣли мы прямо передъ собою высокій камень въ разстояніи не болѣе 20 сажень. Тогда положеніе наше было самое опасное, какое только представилъ себѣ можно: среди океана въ такомъ близкомъ разстояніи отъ опасной скалы, о которую въ минушу могло разбиться судно на мѣлкія части, нельзя было и помышлять о избавленіи. Но Провидѣнію угодно было спасти насъ отъ предстоявшаго намъ бѣдствія. Въ мгновеніе мы, отворотивъ, уменьшили ходъ шлюпа и хоша, сдѣлавъ сіе, нельзя было вовсе избѣжать близкой опасности, но можно было уменьшить вредъ, причиняемый судну ударомъ о камень или прищкновеніемъ къ мѣли. Уменьшивъ ходъ шлюпа, мы получили одинъ легкой носовою частью ударъ, и усмотрѣвъ чистой къ югу проходъ, пошли въ него и миновали вышеупомянутый камень и другіе еще открывшіеся въ туманѣ камни, небольшимъ проливомъ.

Пройдя сіи *врата*, мы опять, убавивъ ходъ, предались на произволь печенія, и вышли другимъ проливомъ, между новыми камнями, на безопасную глубину. Послѣ сего нацолнивъ паруса, удалились отъ сихъ опасныхъ камней. Бригу *Зотику*, чрезъ шуманной сигналъ, дано знать о близкой опасности; но онъ, держась у насъ навѣспрѣ, избѣгъ угрожавшаго намъ великаго бѣдствія.

Въ 4 часу шуманъ прочистился, и мы увидѣли всю великость опасности, отъ которой избавились. Весь островъ *С. Іоны*, съ окружающими его камнями, открылся очень ясно. Онъ въ окружности имѣетъ около мили и походитъ болѣе на высунувшійся изъ моря большой камень конической фигуры, нежели на островъ, повсюду утесистъ и неприступенъ. Къ востоку, въ близкомъ отъ него разстояніи, лежатъ четыре большіе камня, но между которыми изъ нихъ пронесло насъ печеніемъ загустымъ шуманомъ мы не могли примѣшить. При воззрѣніи на сіи страшныя для мореходцевъ, среди океана воздымающіяся изъ воды громады, воображеніе наше исполнилось гораздо большимъ ужасомъ, нежели каковымъ мы были объяны въ прошедшую роковую ночь: опасность, которой мы внезапно подверглись, столь быспро миновалась сдѣланнымъ въ мгновеніе отворотомъ, что не успѣла въ насъ возродиться и боязнь отъ гибели, неминуемо долженствовала вослѣдовать, когда шлюпъ, казалось, долженъ былъ о первую, во мракѣ стоявшую прямо впереди, скалу удариться и раздробиться. Но обходя оную въ такомъ близкомъ разстояніи, что можно бѣ было на нее соскочить,

вдругъ шлюпъ, прикасаясь къ мѣли, сильно при раза потрясся. Признаюсь, что сіе потрясеніе потрясло и всю мою душу. Между шѣмъ волны, о скалы ударяющія, раздирая воздухъ, спрашнымъ шумомъ заглушали всякое ошдаваемое на шлюпъ повелѣніе, и сердце мое замерло съ послѣднею мыслию, что при общемъ кораблекрушеніи погибнуть и всѣ *Японцы*, чрезъ кораблекрушеніе же намъ Провидѣніемъ посланные, какъ средство къ освобожденію въ неволѣ помящихся нашихъ сослуживцевъ. Кромѣ оспрова *С. Іоны*, во время прочислившейся погоды, мы имѣли удовольствіе видѣть бригъ *Зотикъ*, не въ дальномъ отъ насъ разстояніи. Даѣ такимъ образомъ намъ осмопрѣшься, покрылъ насъ по прежнему густой туманъ и зрѣніе наше за густошюю онаго просширалось вокругъ шокмо на нѣсколько сажень. Послѣ сего опаснаго случая, мы, кромѣ обыкновенныхъ на морѣ препяшствій отъ прошивныхъ вѣтровъ, ничего особеннаго любопытства заслуживающаго не воспрѣшили. Первую землю мы увидѣли въ прешемъ часу по полудни 12 Августа; она составляла сѣверную часть оспрова *Урупа*; прошивные вѣтры и шуманы не позволили намъ пройти *Дефризовымъ* проливомъ прежде 15 числа, и шѣже препяшствія продержали насъ у береговъ оспрововъ *Итурупа*, *Чикотана* и *Кунашира* еще 13 дней, такъ, что мы въ гавань (1) послѣдняго изъ сихъ оспрововъ не прежде вошли, какъ 28 числа Августа.

(1) Ту самую, въ кошорой, въ прошломъ году нещадные наши шоварищи взяты были *Японцами*, и кошорую мы называли заливомъ *Измѣны*.

Обозрѣвъ въ гавани всѣ укрѣпленія, и проходя мимо оныхъ не далѣ пушечнаго выстрѣла, замѣтили мы сдѣланную вновь о 14 пушкахъ въ два яруса бапарею. Скрывавшіеся въ селеніи *Японцы*, съ самой минушы нашего появленія въ заливѣ, въ насъ не палили и намъ нельзя было усмотрѣть никакого движенія. Все селеніе съ морской стороны завѣшено было полосатою шканью, чрезъ которую только видны были однѣ кровли большихъ казармъ; гребныя ихъ суда всѣ были вспащены на берегъ. По такой наружности имѣли мы причину заключить, что *Японцы* привели себя въ лучшее противу прошлогодняго оборонительное положеніе, почему и остановились мы на якорѣ въ двухъ миляхъ отъ селенія. Выше сказано, что въ числѣ *Японцевъ* былъ на *Діанѣ* одинъ, нѣсколько разумѣвшій *Руской* языкъ, по имени *Леонзаймо*. Онъ выведенъ за 6 лѣтъ предъ тѣмъ, Лейтенантомъ *Хвостовымъ*. Посредствомъ сего чело-вѣка изготовлено было на *Японскомъ* языкѣ къ главному Начальнику острова крашкое письмо, смыслъ коего извлеченъ былъ изъ доставленной ко мнѣ отъ Г. *Иркутскаго* Гражданскаго Губернатора записки (1).

-
- (1) Г. Губернаторъ, объявивъ въ запискѣ своей причины, по которымъ шлюпъ *Діана* приспалъ въ берегамъ *Японскимъ*, и описавъ измѣническій поступокъ въ захваченіи Капитана *Головина* въ плѣнъ, заключилъ слѣдующимъ:

„Не смотря на такой неожиданный и непріязненный поступокъ, бывъ обязаны исполнить въ точности Высочайшее повелѣніе Великаго Императора нашего, мы возвращаемъ всѣхъ *Японцевъ*, прешерпѣвшихъ корабли-

При переводѣ сей записки, *Леонзаймо*, на коего я возлагалъ всю надежду, въ усердномъ содѣйствіи въ пользу нашего дѣла, обнаружилъ явнымъ образомъ свое коварство. За нѣсколько дней до прихода нашего въ *Кунаширѣ*, я просилъ его заняться переводомъ; но онъ всегда опшывался, что записка проспранна и онъ перевести ее не можеть, „Я, говорилъ онъ ломанымъ *Русскимъ* языкомъ, *толкуй*, что вы мнѣ сказывай и *буду* писать коротенькое письмо, у насъ шибко *мудрено* пиши длинное письмо, Японъ манеръ не лю- *бишь* поклонъ; самый дѣла нада пиши, у насъ Ки- *шаецъ* все шакое пиши, шо пиши, со всѣмъ ума по- *шеряй*.“ Послѣ такой *Японской морали*, надобно мнѣ было согласишься, чтобъ онъ изложилъ хошя одинъ смыслъ. Въ день прибытія нашего въ *Кунаширѣ*, призвавъ его въ каюшу, я спросилъ письмо. Онъ подалъ мнѣ оное на полулистѣ, кругомъ исписанномъ. По свой-

---

крушеніе у береговъ *Калитки*, въ ихъ отечество; да послужить сіе доказательствомъ, что съ нашей стороны не было и нѣтъ ни малѣйшаго непріязненнаго намѣренія; и мы увѣрены, что взятые на островъ *Кунаширѣ* въ плѣнъ Капитанъ - Лейтенантъ *Головинъ* съ прочими также будутъ возвращены, какъ люди совершенно невинные и никакого вреда не причинившіе. Но ежели, сверхъ нашего ожиданія, длѣнные наши возвращены теперь же не будутъ, по неимѣнію ли на то разрѣшенія отъ высшаго *Японскаго* Правительства, или по другимъ какимъ причинамъ, шо для пребыванія оныхъ людей нашихъ, въ будущемъ лѣтѣ придутъ вновь корабли наши къ *Японскимъ* берегамъ.“

ству ихъ Гіероглифическаго языка, одною лишерою выражашъ цѣлое рѣченіе, оно долженствовало заключаешъ въ себѣ подробное описаніе дѣлъ, казавшихся ему важными для сообщенія своему Правительству, слѣдовательно для насъ весьма невыгодныхъ. Я потчасъ сказалъ ему, что оно очень велико для одного нашего предмета, и что вѣрно имъ много прибавлено своего; я пребоваъ, чтобы онъ прочиталъ его мнѣ, какъ можешъ, по *Руски*. Нимало не оскорбившись, онъ объяснилъ, что шущъ три письма: одно крашкое объ нашемъ дѣлѣ, другое о кораблекрушеніи въ *Каликаткѣ Японцевѣ*; прешіе о его собственныхъ въ *Россіи* испытанныхъ несчастіяхъ. На сіе объявилъ я ему, что теперь нужно послашъ одну только нашу записку, а другія письма можно оставишъ до будущаго случая. Если же онъ непременно нынѣ свои письма послашъ желашъ то, чтобы онъ оставилъ мнѣ съ оныхъ копіи. Онъ потчасъ переписалъ безъ всякой ошговорки ошдѣленіе корошкой нашей записки; на другихъ же ошановилъ, сказывая, что *шибко мудрено переписывать*. — „Какъ можешъ бышъ мудрено, когда ты самъ писалъ?“ — Онъ ошвѣчалъ, разсердившись: „нѣшъ, я лучше эшо изломаю!“ и съ эшимъ словомъ схватилъ перочинной ножъ, опрѣзалъ шу частъ листа, на кошорой написаны были два письма, положилъ его въ ротъ и съ коварнымъ и мспишельнымъ видомъ, началъ жевать и при мнѣ въ нѣсколько секундъ проглотилъ. Что въ нихъ заключалось, ошашся для насъ шайною. И сему хитрому, по видимому злобному *Японцу*, необходимость зашавляла меня себя

увѣришь! Нужно мнѣ было только увѣриться, дѣйствительно ли на оставшемся лоскуткѣ описывается наше дѣло. Въ продолженіе похода почасту занимаясь съ нимъ разговорами о разныхъ предметахъ касательно *Японіи*, записывалъ я нѣкоторые переводы словъ съ *Рускаго* на *Японской* языкъ, и любопытствовалъ знать безъ всякаго повода намѣренія, какъ пишущія по *Японски* нѣкоторые приходившія мнѣ на умъ *Рускія* фамиліи, въ томъ числѣ имя всегда присутствовавшего въ моей памяти несчастнаго *Василья Михайловича Головнина*. Я просилъ его показать мнѣ то мѣсто на запискѣ, гдѣ написана фамилія *Г. Головнина*, и сравнивъ послѣ начертаніе липеръ, съ прежде имъ написанными, совершенно удостовѣрился, что дѣло идетъ объ немъ. Сіе письмо поручилъ я одному изъ нашихъ *Японцевъ*, доставивъ лично Начальнику острова; мы высадили его на берегъ противу того мѣста, гдѣ стояли на якорѣ. *Японецъ* скорѣ встрѣченъ былъ *мохнатыми Курильцами*, кои, надобно думать, надзирали за всѣми нашими движеніями, спрятавшись въ высокой и густой травѣ. Нашъ *Японецъ* вмѣстѣ съ ними пошелъ къ селенію, и лишь только приблизился къ воротамъ, какъ съ батарей начали палить изъ пушекъ ядрами прямо въ заливъ; это были первые выстрѣлы со времени нашего прибытія. Я спросилъ у *Леонзайма*, для чего палить, когда видятъ, что одинъ только человекъ, съѣхавшій съ *Рускаго* корабля, смѣлыми шагами идетъ къ селенію? Онъ отвѣчалъ: „въ *Японіи* все такъ, такой законъ; не убей теловѣка, а палить надо.“ Сей непонятный по-

сступокъ *Японцевъ* вовсе почти испребилъ во мнѣ породившуюся было утѣшительную мысль о возможности вести съ ними переговоры. Сперва мы, обозрѣвая заливъ, подходили близко къ селенію и они по насъ не палили; но сдѣланный нашему *парламентеру* пріемъ отвергнулъ меня опять въ опчаяніе; ибо настоящую причину сихъ выстрѣловъ постигнуть было трудно: на шлюпѣ не было производимо никакихъ движеній, и нашъ каперъ, отвозившій *Японца* на берегъ, находился уже при шлюпѣ. У воротъ окружила нашего *Японца* толпа людей, и мы скоро пошеряли его изъ виду. Три дни прошло въ тщетномъ ожиданіи его возвращенія.

Во все сіе время наше занятіе состояло въ томъ, что мы съ утра до вечера смошрѣли на берегъ въ зрительныя трубы, такъ что всѣ предметы до малѣйшей пычинки, отъ мѣста, куда мы высадили своего *Японца* до самаго селенія, совершенно намъ примелькались. Не смотря однакожъ на сіе, нерѣдко воображенію нашему казались они движущимися, и обманутый такимъ призракомъ съ восторгомъ восклицалъ: идетъ нашъ *Японецъ*! Иногда же долгое время мы всѣ пребывали въ заблужденіи; сіе случалось во время восхожденія солнца при густомъ воздухѣ, когда отъ преломленія лучей всѣ предметы чрезвычайно въ странномъ видѣ увеличивающся, намъ представлялись по берегу бродящія съ распушенными крыльями вороны *Японцами* въ широкихъ ихъ халатахъ. Самъ *Леонзаймо* нѣсколько часовъ сряду не выпускалъ изъ рукъ трубы и казался сильно встревоженнымъ, видя, что никто не появляется изъ се-

ленія, которое, какъ будто превратилось для насъ въ закрытый гробъ.

При наступленіи ночи мы всегда содержали шлюпъ въ боевомъ порядкѣ. Глубокая тишина нарушаема только была оглосками сигналовъ нашихъ часовыхъ, которые, распространяясь по всему заливу, предваряли скрытыхъ враговъ нашихъ, что мы не дремлемъ. Имѣя нужду въ водѣ, я приказалъ послать къ рѣчкѣ гребныя суда съ вооруженными людьми для наливанія бочекъ водою, и въ то же время высадилъ на берегъ другаго *Японца*, чтобы онъ извѣстилъ Начальника, для чего съ *Россійскаго* корабля поѣхали суда къ берегу. Я желалъ, чтобы *Леонзаймо* написалъ крашкую о томъ записку, но онъ отказался, говоря: „когда на первое письмо не сдѣлано никакого отвѣта, то я опасаюсь по нашимъ законамъ болѣе писать;“ а совѣщавалъ мнѣ послать на *Русскоиѣ* языкѣ записку, которую могъ перетолковать опправляемый *Японецѣ*, что мною и было сдѣлано. Черезъ нѣсколько часовъ сей *Японецѣ* возвратился и объявилъ, что онъ былъ представленъ Начальнику, и отдавалъ ему мою записку, но онъ ея не принялъ; тогда нашъ *Японецѣ* пересказалъ ему на словахъ, что съ *Россійскаго* корабля съѣхали люди на берегъ наливаться у рѣчки водою, на что Начальникъ отвѣчалъ: „хорошо, пускай берутъ воду, а ты ступай назадъ!“ и болѣе не сказавъ ни слова, ушелъ. Нашъ *Японецѣ*, хотя и оставался нѣсколько времени въ кругу *мохнатыхѣ Курильцовѣ*, но по незнанію *Курильскаго* языка, не могъ ничего опъ нихъ узнать. *Японцы* же,

стоявшіе, какъ онъ намъ разсказывалъ, въ отдаленности, не смѣли къ нему приближаться, и наконецъ *Курильцы* почти насильно проводили его за ворота. По своему простодушію *Японецъ* признался мнѣ, что имѣлъ желаніе остаться на берегу, и просилъ Начальника со слезами, позволишь ему хотя одну ночь побыть въ селеніи, но ему съ гнѣвомъ было въ томъ отказано. Изъ шаковыхъ поступковъ съ нашимъ бѣднымъ *Японцемъ* мы заключили, что и перваго приняли не лучше, но онъ, вѣроятно, опасаясь, по свойственной *Японцамъ* недовѣрчивости, возвратился на шлюпъ безъ всякихъ свѣдѣній объ участи нашихъ плѣнныхъ, скрылся въ горахъ, или, можетъ быть, пробрался къ другому какому нибудь на островѣ селенію. Желая запасись водою въ одинъ день, приказалъ я въ 4 часа по полудни послать остальныхъ порожнія бочки на берегъ. *Японцы*, присматривавшіе за всѣми нашими движеніями, когда уже гребныя наши суда стали подъѣзжать къ берегу, начали съ башарей палить изъ пушекъ холостыми зарядами. Избѣгая всякаго дѣйствія, могущаго казаться имъ непріятнымъ, я тотчасъ приказалъ сдѣлать сигналъ, чтобы всѣ гребныя суда возвратились къ шлюпу. *Японцы*, примѣшивъ сіе, палить перестали. Въ продолженіе семидневнаго нашего въ заливѣ *Излѣбны* пребыванія, мы ясно видѣли, что *Японцы* во всѣхъ своихъ поступкахъ показывали величайшую къ намъ недовѣрчивость, и Начальникъ острова, по собственному ли произволу, или по предписанію вышняго Начальства, вовсе отказался имѣть съ нами

сношенія. И такъ мы были въ величайшемъ недоумѣ-
 ніи, какими бы средствами провѣдать объ участи на-
 шихъ плѣнныхъ. Прошлаго лѣта оставлены были въ
 рыбацкомъ селеніи вещи, принадлежавшія симъ неща-
 снымъ; мы желали удостовѣриться, взяты ли оныя
Японцами. Для сего приказалъ я Командиру брига *Зо-
 тика*, Лейтенанту *Филатову*, вступить подъ паруса
 и итти къ тому селенію съ вооруженными людьми для
 осмотра оставленныхъ вещей. Когда бригъ подходилъ къ
 берегу, съ башарей палили изъ пушекъ; но по дально-
 сти разстоянія, опасаться было нѣчего. Черезъ нѣ-
 сколько часовъ Лейтенантъ *Филатовъ*, исполнивъ по-
 рученное дѣло, мнѣ донесъ, что ничего изъ вещей, при-
 принадлежащихъ плѣннымъ, въ домѣ не нашелъ. Сіе пока-
 залось намъ хорошимъ признакомъ, и мысль о томъ,
 что наши соотечественники живы, всѣхъ насъ ободря-
 ла. На другой день я опять послалъ на берегъ *Японца*
 увѣдомить Начальника, для какой надобности ходилъ
Зотикъ къ рыбацкому селенію; съ нимъ же послана
 была крапкая на *Японскомъ* языкѣ записка. Мнѣ стои-
 ло величайшаго труда убѣдить *Леонзайма* написать
 ее. Въ ней заключалось предложеніе, чтобы Начальникъ
 острова выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу для переговоровъ. Въ
 той же запискѣ желалъ я еще обстоятельнѣе описать,
 съ какимъ намѣреніемъ ѣздила наша шлюпка въ рыбац-
 кое селеніе, но несносный *Леонзаймо* оставался не-
 преклоннымъ. Посланный *Японецъ* возвратился къ намъ
 на другой день рано утромъ, и чрезъ *Леонзайма* мы
 отъ него узнали, что Начальникъ принялъ записку, но

не давъ ошъ себя никакого письменнаго ошвѣща, велѣлъ только сказать: „хорошо, пускай *Руской* Капитанъ прїѣдетъ въ городъ для переговоровъ.“ Такой ошзывъ былъ поже, что и ошказъ, и пошому съ моею стороны согласиться на сіе приглашеніе было бы безразсудно. Ошносительно же извѣщенія, зачѣмъ выходили наши люди на берегъ въ рыбацкое селеніе, Начальникъ ошвѣчалъ: „какія вещи? Ихъ тогда же возвратили назадъ.“ Двусмысленной сей ошвѣщъ разспроилъ утѣшительную мысль о существованіи нашихъ плѣнныхъ. *Японца* нашего шакже приняли, какъ и прежняго: не пустили его ночевать въ селеніи, и онъ провелъ ночь въ шравѣ противъ нашего шлюпа. Продолжая шоль неудовлетворительные переговоры посредшвомъ нашихъ *Японцевъ*, незнающихъ *Рускаго* языка, оказалось вовсе безполезнымъ; на посланные ошъ насъ на *Японскомъ* языкѣ въ разные времена письма, ошъ Начальника не получили мы ни одного письменнаго ошвѣща: и шакъ, по видимому, ничего болѣе не ошсавалось намъ дѣлать, какъ ошяшъ удалиться ошъ здѣшнихъ береговъ съ мучительнымъ чувствомъ неизвѣстности. *Японца* *Леонзайма*, знающаго *Руской* языкъ, ошправить на берегъ для переговоровъ съ Начальникомъ ошрова, я не рѣшался безъ крайней необходимости, опасаясь, что ежели онъ будетъ задержанъ на ошрову, или самъ не захочетъ возвратиться оштуда, шо мы потердемъ въ немъ единственнаго переводчика, и пошому я вознамѣрился напередъ употребить слѣдующій способъ. Я призналъ возможнымъ и правильнымъ,

не нарушая мирнаго нашего къ *Японцамъ* расположе-
 нія, пристасть нечаяннымъ образомъ къ одному изъ
Японскихъ судовъ, проходящихъ по проливу, и безъ
 упошребленія оружія, схватитъ главнаго *Японца*, отъ
 коего можно было бы получить точное извѣстіе объ
 участи нашихъ плѣнныхъ, и чрезъ то освободишь себя,
 офицеровъ и команду отъ тягостнаго бездѣйственнаго
 положенія, и избавишься впораго къ оспрову *Ку-*
наширу прихода, нимаю необѣщавшаго лучшихъ ус-
 пѣховъ въ предиріятіи; ибо опытъ совершенно увѣрилъ
 насъ, что всѣ мѣры къ достиженію желаемаго конца
 были бесполезны. Къ несчастію въ продолженіе 3 дней
 ни одно судно не появлялось въ проливъ, и мы думали,
 что ихъ судоходство, по причинѣ осенняго времени,
 прекратилось. Оспавалась теперь послѣдняя неиспы-
 шанная надежда на *Леонзайма*; то есть, отправишь
 его на берегъ для полученія возможныхъ свѣдѣній, а
 дабы извѣдашь расположеніе его мыслей, я прежде объ-
 явилъ, чтообъ онъ написалъ письмо въ свой домъ, ибо
 плюпъ завтра пойдетъ въ море. Тогда онъ весь въ ли-
 цѣ измѣнился, и съ примѣтною принужденностію по-
 благодаривъ меня за увѣдомленіе, сказалъ: „хорошо!
 я напишу, только чтообъ меня домой болѣе не дожда-
 лись;“ и потомъ продолжалъ говорить съ жаромъ: „са-
 маго меня хоть убей, больше я не пойду въ море, мнѣ
 уже ничего теперь не оспается, какъ умереть между
Рускими.“ Съ такими мыслями человекъ не могъ для
 насъ быть ни въ какомъ случаѣ полезнымъ; ожесточе-
 нія его чувствованій нельзя было не признашь спра-

ведливымъ, вѣдая шестилѣтнее его въ *Россіи* спраданіе, и я даже опасался, чтобъ онъ, лишась надежды возвращишься въ свое отечество, не покусился, въ мину-пу опчаяніа, на жизнь свою, и потому долженъ былъ рѣшиться оппустить его на берегъ, дабы онъ, зная подробно всѣ обстоятельство нещаснаго съ нами происшествія, представилъ Начальнику въ настоящее видѣ шеперешній нашъ приходъ, и преклонилъ его вспупишь съ нами въ переговоры. Когда я объявилъ о семъ *Леонзаймъ*, то онъ поклялся непременно возвращишься, какія бы ни получилъ свѣденія, естли шоль-ко Начальникъ силою его не задержишь. Для такого сбшпочнаго случая, я взялъ слѣдующую осторожность: вмѣстѣ съ *Леонзаймо* я опправилъ другаго *Японца*, бывшаго уже одинъ разъ въ селеніи, и снабдилъ пер-ваго 3 билетами: на 1 написано было: „Капитанъ *Головинъ* съ прочими находится на *Кунаширѣ*.“ На 2, „Капитанъ *Головинъ* съ прочими опвезенъ въ городъ *Матсмай, Нангасаки, Еддо*.“ На 3, „Капитанъ *Головинъ* съ прочими убишь.“ Опдавая сіи билеты *Леонзайму*, я просилъ его, ежели Начальникъ не позволитъ ему къ намъ возвращишься, опдать соопвѣствующій полученнымъ свѣденіямъ билетъ, съ опмѣшкою города, или другаго примѣчанія, сопровождающему его *Японцу*.

Сенсября 4 высажены они были на берегъ; на другой день, ко всеобщей радости, увидѣли мы обоихъ ихъ возвращающихся изъ селенія, и оппчасъ послана была опъ насъ за ними шлюпка. Мы ласкались надеждою, что *Леонзаймо* доспавишь намъ наконецъ удовлетво-

ришельное свѣденіе. Не упуская ихъ изъ глазъ, въ зрительныя трубки усмотрѣли мы, что другой *Японецъ* поворотилъ въ сторону и скрылся въ густой травѣ, а на посланной шлюпкѣ пріѣхалъ къ намъ одинъ *Леонзаймо*. На вопросъ мой, куда ушелъ другой *Японецъ*, отвѣчалъ онъ, что того не знаетъ. Между тѣмъ всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали услышать привезенныя имъ вѣсти; но онъ изъявилъ желаніе сообщить мнѣ ихъ въ каютѣ, гдѣ при Лейтенантѣ *Рудаковѣ* началъ пересказывать, съ какою трудностію былъ онъ допущенъ къ Начальнику, который будто бы, не давъ ему ничего выговорить, спросилъ: „для чего Капитанъ корабля не пріѣхалъ на берегъ держать совѣтъ?“ *Леонзаймо* отвѣчалъ: „не знаю, а меня теперь онъ прислалъ къ вамъ спросить у васъ, гдѣ Капитанъ *Головинъ* съ прочими плѣнными?“ Между страхомъ и надеждою ожидали мы сдѣланнаго ему на сей вопросъ Начальникомъ отвѣта; но *Леонзаймо*, запинаясь, началъ освѣдомляться, не поступлю ли я съ нимъ худо, если онъ будетъ говорить правду; и получивъ отъ меня увѣреніе о противномъ, объявилъ намъ ужасную вѣсть въ слѣдующихъ словахъ: „Капитанъ *Головинъ* и всѣ прочіе убиты!“ Такое извѣстіе, поразившее всѣхъ насъ глубокою печалію, произвело надъ каждымъ то естественное чувство, что мы не могли долѣе взирать равнодушно на берегъ, гдѣ пролипа кровь нашихъ друзей. Не имѣя отъ Начальства никакого предписанія, какъ поступить въ такомъ случаѣ, признавалъ я законнымъ произвестъ надъ злодѣями возможное по силамъ нашимъ, и,

какъ мнѣ казалось, справедливое мщеніе, бывъ твердо увѣренъ, что наше Правительство не оставитъ безъ вниманія шакого со стороны *Японцевъ* злодѣйскаго поступка. Мнѣ надлежало только имѣть вѣрнѣйшее доказательство, нежели одни слова *Леонзайма*. Для сего я послалъ опять его на берегъ, чтобы онъ испросилъ у *Японскаго* Начальника письменное тому подтвержденіе. Присемъ *Леонзайму* и оставшимся чепыремъ *Японскими* мапрозамъ обѣщано было совершенное освобожденіе, когда мы рѣшимся дѣйствовать неприятели. Между тѣмъ приказалъ я на обоихъ судахъ быть въ готовности къ нападенію на *Японское* селеніе.

Леонзаймо хотѣлъ въ тотъ же день возвратиться, но мы его не видали. Въ слѣдующій день онъ также изъ селенія не показывался; дожидаться долѣ его возвращенія было совсѣмъ безнадежно. Дабы удостовѣриться въ ужасной истинѣ о смерти нашихъ плѣнныхъ, которая невозвращеніемъ *Леонзайма* содѣлалась, къ великому нашему утѣшенію, сомнительною, я принялъ уже швердое намѣреніе, не оставляя залива, пока не представится удобный случай захватить настоящаго *Японца* съ берегу, или съ какого нибудь судна, чтобы вывѣдать сущую правду, живы ли наши плѣнные.

6 Сенсября поутру увидѣли мы идущую *Японскую* байдару. Я послалъ на двухъ гребныхъ судахъ Лейтенанта *Рудакова* завладѣть оною, назначивъ подъ его команду двухъ офицеровъ Гг. *Среднего* и *Савельева*,

вызвавшихся добровольно къ сему первому непріятельскому дѣйствію. Посланный опрядъ нашъ вскорѣ возвратился съ байдарою, которою онъ овладѣлъ подлѣ самаго берега. Бывшіе на ней *Японцы* разбѣжались, а покмо два изъ нихъ и одинъ *мохнатый Курилецъ* пойманы были Г. Савельевымъ на берегу въ густомъ проросникѣ, опъ которыхъ однакожъ мы не могли получить никакихъ свѣденій касательно нашихъ плѣнныхъ: когда я начиналъ съ ними говорить, они потчасъ падали наколѣна и на всѣ мои вопросы отвѣчали съ шипѣніемъ *хе, хе!* Никакія ласки не могли ихъ сдѣлать *словесными животными*. Боже мой! подумалъ я, какимъ чудеснымъ образомъ возможно намъ будетъ вступитъ когда нибудь въ объясненія съ симъ непостижимымъ народомъ.

На другой день поущру усмотрѣли мы идущее съ моря прямо въ заливъ подлѣ противулежащаго опъ насъ берега большое *Японское* судно, на встрѣчу коему послалъ я гребныя наши суда съ вооруженными людьми, подъ командою Лейтенанта *Филатова*, съ спрогимъ однакожъ предписаніемъ не упошреблять оружія, а одною только оспраспкою спарашься оспановитъ судно, и привести на шлюпъ Начальника онаго. Чрезъ нѣсколько часовъ усмотрѣли мы, что наши шлюпки приспали къ *Японскому* судну безъ всякаго видимаго сопрошивленія и спали буксировать оное къ мѣсту, гдѣ мы спояли на якорѣ. Лейтенантъ *Филатовъ*, прибывши на шлюпъ, донесъ мнѣ, что приближаясь со шлюпками къ *Японскому* судну, увидѣлъ онъ на немъ

множество людей, казавшихся вооруженными; и какъ судно на дѣлаемые знаки не опускало парусовъ, то онъ принужденнымъ нашелся, выпалишь изъ нѣсколькихъ ружей на воздухъ. Тогда *Японцы* опустили потчасъ парусъ, и, по весьма близкому отъ берега разстоянію, нѣкоторые изъ нихъ бросились въ воду и пустились вплавъ къ берегу: случившееся вблизи нашихъ шлюпокъ были гребцами перехвачены, прочіе же выплыли на берегъ или потонули; на суднѣ всѣхъ *Японцевъ* было 60 человекъ. Вскорѣ привезенъ былъ на шлюпъ Начальникъ судна: богатое его шелковое плащье и сабля съ другими знаками; показывали, что онъ долженъ быть человекъ значащій; я потчасъ позвалъ его къ себѣ въ каюту; онъ, сдѣлавъ мнѣ по своему обыкновенію униженное привѣтствіе, по приглашенію моему съ спокойнымъ и веселымъ видомъ сѣлъ на стулъ. Я началъ выученными отъ *Леонзайма Японскими* словами составлялъ ему вопросы, и узналъ, что онъ называется *Такатай - Кахи*, и по *Японски* имѣетъ званіе *Синдофнамогъ*, т. е. Начальникъ и хозяинъ нѣсколькихъ судовъ; по его объявленію, у него было ихъ десять. Съ своимъ же судномъ шелъ онъ съ острова *Иту-рупа* въ гавань *Хакодаде* на островѣ *Матсмаѣ*; грузъ его состоялъ въ сушеной рыбѣ, и пропивный вѣщрь заспавилъ его спустившись въ *Кунаширской* заливъ. Дабы могъ онъ поскорѣе выразумѣшь, какое было наше судно, и для чего пришли мы къ *Кунаширу*, я далъ ему прочитавъ оставленный списокъ съ *Японскаго* письма, писаннаго *Леонзаймомъ* къ Начальнику остро-

ва. Прочитавъ письмо, сказалъ онъ вдругъ: „Капитанъ *Мурб* и 5 человекъ *Русскихъ* находясь въ городѣ *Матсуб.*“ Попомъ началъ пояснять, въ какомъ мѣсяцѣ они были вывезены изъ *Кунашира*, и чрезъ какіе города ихъ вели; исчислялъ, въ какомъ мѣсяцѣ сколько времени они проживали, и даже описывалъ ростъ и другіе ошличительные признаки *Г. Мура*; одно только обстоятельство не допускало насъ предаться съ полною довѣренностію овладѣвшему нами чувству радости, что онъ ничего не упоминалъ о *Г. Головинѣ*. Весьма естественнo, что самое положеніе попавшагося къ намъ въ руки Начальника *Японскаго* судна заставляло его говорить, что наши плѣнные живы, но какъ онъ могъ внезапно въ одну минушу выдумать сіи подробности? Съ другой стороны трудно было понять и поступокъ *Леонзайма*: что могло его понудить сказать намъ такую прискорбную для насъ ложь? Развѣ непогасшая еще въ душѣ его искра мщенія къ *Русскимъ* за причиненныя имъ *Хвостова* на *Японскихъ* берегахъ насилія? Ибо, еслили бѣ онъ опасался объявить, что наши плѣнные живы, для того только, чтобъ его самого послѣ на шлюпѣ не задержали, то онъ могъ бы отъ сего освободиться еще въ первый день, приславъ съ сопровождавшимъ его *Японцемъ* роковой билетъ, а самъ остался бы на берегу. Впрочемъ можетъ быть, злобный Начальникъ острова и дѣйствительно далъ *Леонзайму* такой отвѣтъ, что всѣ наши плѣнные убиты, и уже невозвращеніе *Леонзайма* должно было пог-

да приписать одной его боязни наших людей, озлобленных извѣщеніемъ о смерти ихъ соотечественниковъ.

Изъ всѣхъ сихъ соображеній хотя ничего извѣстнаго не представлялось, однако съ большимъ правдоподобіемъ заключать надлежало, что всѣ наши плѣнные дѣйствительно живы, и потому я не смѣлъ уже, при такихъ щастливо перемѣнившихся обстоятельствахъ, помышлять о противныхъ чувствованіямъ моимъ распоряженіяхъ, т. е. о произведеніи надъ селеніемъ мщенія; но команда, встревоженная первымъ извѣщеніемъ о смерти любимого своего Начальника, также офицеровъ и своихъ соповарищей, не могла оспаться въ покое. Нѣкоторые изъ нихъ объявили вахшенному офицеру, что въ Начальникѣ *Японскаго* судна признають они того самого Чиновника, который былъ на островѣ *Итурупъ*, гдѣ мы имѣли прошлаго лѣта первое съ *Японцами* свиданіе, куда ѣздили Гг. *Муръ* и *Новицкій*; да и сей послѣдній подтвердилъ, что находишь въ немъ великое сходство съ видѣннымъ имъ на островѣ *Итурупъ* Чиновникомъ, и помнишь весьма хорошо, что имя *Мура Японскій* Чиновникомъ было записано; слѣдовательно, говорили служители, явившіеся всѣ по моему приказанію на шканцы, „не удивительно ему знать Г. *Мура*, о коемъ онъ безпрестанно швердитъ, не упоминая ни слова о нашемъ Начальникѣ *Васильѣ Михайловичѣ*; наши плѣнные вѣрно убиты, и мы всѣ единодушно готовы пролить за нихъ нашу кровь, есѣли угодно вамъ будетъ произвести надъ злодѣями мщеніе.“ — Хотя я внутренно и одобрялъ привержен-

нось ихъ къ несчастному нашему Начальнику, но объявилъ имъ, что мы имѣемъ теперь болѣе вѣроятныхъ причинъ думать, что наши плѣнные живы, нежели воображашъ противное, а сверхъ того, естли вышнее Начальство совершенно увѣрился въ истинѣ произведеннаго злодѣянiя надъ нашими плѣнными, то безъ сомнѣнiя не упустишь доставишь намъ случай на самомъ дѣлѣ оказать каждому свое усердiе.

Съ сей минутой, рѣшась прекратить непрiятельскiя дѣйствiя, я положилъ, взявъ съ собою сего Провидѣнiемъ посланнаго намъ Японскаго Начальника (1) *Таката-Кахи*, идти въ *Каигатку* для зимованiя, надѣясь развѣдать у него основательнѣе объ участи нашихъ плѣнныхъ и о намѣренiи Японскаго Правительсва. Онъ мнѣ показался не изъ числа тѣхъ Японцевъ, копорые у насъ бывали, но высшаго состоянiя, слѣдовательно и могъ быть болѣе свѣдуещъ въ дѣлахъ своей земли, а потому я объявилъ ему, чтобъ онъ приготовился слѣдовать съ нами въ Россiю, и объяснилъ причины, побуждающiя меня такъ поступить. Онъ весьма хорошо меня выразумѣлъ, и нѣсколько разъ перебивая мои слова, когда я упоминалъ, что Капшанъ Головинъ, Муръ и прочiе по объявленiю Начальника

---

(1) Послѣ мы узнали, что онъ былъ очень богатой и почтенной купецъ; но какъ во время его плѣненiя начальствовалъ онъ своими судами и имѣлъ по Японскимъ законамъ, нѣкоторыя права наравнѣ съ Чиновниками, то мы и звали его начальникомъ и въ семъ повѣствованiи я иногда такъ его называю.

оспрова, всѣ убиты, отвѣчалъ мнѣ: „неправда, Капитанъ *Мурб* и 5 человекъ *Русскихъ* живы, здоровы и содержатся хорошо въ городѣ *Матслаб*; они пользуются свободою ходить по городу за присмотромъ только двухъ Чиновниковъ.“ На сдѣланное же ему предложеніе, слѣдовашъ съ нами въ *Россію*, съ удивительнымъ спокойствіемъ духа отвѣчалъ онъ: „хорошо, я готовъ!“ просилъ только, чтобы его въ *Россіи* не разлучали со мною, въ чемъ я его и увѣрилъ, а равно и въ томъ, что въ слѣдующее лѣто будетъ онъ возвращенъ въ свое отечество. Тогда онъ совершенно примирился съ неожиданною своею участью, а какъ оставшіеся на шлюпѣ чешыре *Японца*, незнавшіе ни слова по *Руски*, не могли бытъ для насъ полезны, и при томъ одержимы были цынготною болѣзнію, то я, опасаясь впорочнымъ зимованіемъ въ *Камчаткѣ* подвергнуть жизнь ихъ опасности, призналъ справедливымъ дославивъ имъ поже щастіе, копорымъ воспользовались ушедшіе ихъ шоварищи. Снабдя всѣмъ нужнымъ, посадилъ я ихъ на берегъ. Они, какъ я думалъ, по своему простодушію сохраняютъ чувствіе благодарности за оказанныя имъ нами благодѣянія, и распространяютъ между своими соотечественниками лучшее о *Русскихъ* мнѣніе, нежели каковое имѣли они прежде.

На мѣсто отпущенныхъ четверыхъ *Японцевъ*, я вознамѣрился взять такое же число съ *Японскаго* судна, подъ тѣмъ видомъ, яко бы они нужны для услугъ моему Начальнику и предложилъ ему, чтобы онъ приказалъ, кого ему будетъ угодно, выбрать изъ своихъ

мапрозовъ себѣ для услугъ, и выбраннымъ перебраться на шлюпъ, но онъ вмѣсто согласія, упрашивалъ меня не брать мапрозовъ, говоря, что они глупы, чрезвычайно боясь *Русскихъ* и будущъ много сокрушаться. Усильныя его прозбы немного поколебали меня въ прежней увѣренности о дѣйствительномъ пребываніи нашихъ плѣнныхъ въ городѣ *Матсмаѣ*, и пошому я рѣшишельно сказалъ ему, что мнѣ должно взять чешырехъ человекъ съ его судна. Тогда онъ просилъ уже меня только о томъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ съѣздилъ на его судно. По прибытіи нашемъ на оное, собралъ онъ всю свою команду къ себѣ въ каюшу, сѣлъ, поджавши ноги, на посланную на простомъ чистомъ махѣ длинную подушку, пригласивъ и меня сѣсть подлѣ себя. Мапразы стояли всѣ передъ нами на колѣнахъ. Онъ говорилъ имъ длинную, предварительную рѣчь, изъясняя, что нѣкоторые изъ нихъ должны слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ на *Россійскомъ* кораблѣ въ *Россію*. Тутъ открылось самое чувствительное явленіе; многіе изъ мапрозовъ приблизились къ Начальнику съ поникшими головами, что то шептали ему съ примѣшнымъ душевнымъ усиленіемъ; и у всѣхъ почти появились на глазахъ слезы; самъ онъ, доселѣ сохранявши спокойствіе и твердость духа, прослезился; и я былъ въ нерѣшимости, произвеси ли мое намѣреніе въ дѣйствіе; необходимость однакожъ преобладала исполнить оное, дабы послѣ отъ cadaго порознь опобратъ подтвержденіе о дѣйствительномъ пребываніи нашихъ плѣнныхъ въ *Матсмаѣ*. Къ немалому моему утѣшенію я не имѣлъ при-

чины раскаяваться въ послѣдствіи; ибо *Японскій Начальникъ*, по своему состоянію привыкшій къ особенному роду жизни и изнѣженный *Азіатскою* роскошью, подвергся бы великому безпокойству и нуждѣ безъ своихъ *Японцевъ*; двое изъ нихъ послѣ безъоплучно при немъ находились поочереді. Потомъ просилъ я Начальника, выразумѣвшаго, для чего я беру его съ собою въ *Россію*, и какія за нѣсколько дней до его прихода сообщены были намъ чрезъ *Леонзайма* отъ Начальника острова извѣстія объ участи соотечественниковъ нашихъ, описалъ къ нему обо всемъ съ возможною подробностію. Онъ при мнѣ же изготовилъ весьма длинное письмо, разспрося у меня подробно объ упомянутыхъ выше обстоятельствахъ, также о имени нашего судна, о времени прихода въ *Кунаширъ*, и кто шаковъ *Леонзаймо* и проч:

Послѣ сего *Такатай - Кахи* съ избранными мащрами своими началъ къ намъ перебираться, какъ будто на собственной своей корабль, а не съ видомъ плѣнника, отправляемаго въ дальнюю спрану. Всѣ возможные способы употреблены были нами, чѣмъ удостовѣрить *Японцевъ*, что мы не считаемъ ихъ за враждующій, но за миролюбивый народъ, съ которымъ доброе согласіе прервана токмо нѣкоторыми неблагопріятными обстоятельствоми. Въ сей же день по приглашенію моему, съ помянушаго судна пріѣзжала къ намъ *Японская* женщина, неразлучная спутница *Такатай - Кахи* въ его плаваніяхъ отъ города *Хакодаде*, гдѣ его жилище, до *Итурупа*. весьма любопышно было видѣть

ей шлюпъ нашъ и иностранныхъ людей, а еще болѣе, ласки непріятелей своихъ, каковыми они насъ полагали, и дружеское обращеніе наше съ ними. Не меньше и для насъ было любопытно видѣть *Японскую* женщину. По пріѣздѣ ея на шлюпъ примѣтно было, что она очень оробѣла: я тотчасъ просилъ *Кахи* ввести ее ко мнѣ въ каюшу, и самъ взялъ ее за другую руку; у дверей она хотѣла было, по *Японскому* обычаю, скинуть соломенные свои башмаки; но какъ у меня въ каюшѣ не было ни ковровъ, ни матовъ, то я знаками далъ ей разумѣть, что такая странная для насъ учтивость можешь быть оставлена. Войдя въ каюшу, она положила обѣ руки на голову ладонями вверхъ и низко намъ поклонилась; я подвелъ ее къ кресламъ, а *Кахи* указалъ ей, что надобно въ нихъ сѣсть. Для такой неожиданной посѣщительницы къ счастью случилась у насъ на фрегатѣ молодая, довольно пригожая женщина, жена нашего младшаго лекаря. *Японка*, увидѣвши ее, казалась много ободренною и сдѣлалась веселою, и онѣ тотчасъ познакомились. Привѣтливая наша *Россіянка* старалась ее занять шѣмъ, что всѣмъ почти женщинамъ нравилося: показываніемъ своихъ нарядовъ. *Японка*, по видимому была большая модница, разсматривала все съ великимъ любопытствомъ; нѣкоторыя одѣянія на себя надѣвала и изъясляла свое удивленіе пріятною улыбкою; но болѣе всего она казалась пораженною бѣлизною нашей *Россіянки*, прикасалась руками къ ея лицу, какъ будто подозрѣвая, не искусственный ли у ней цвѣтъ и улыбаясь ча-

сто повторыла: *ідой, ідой, ш. е. хороша! хороша!* Замѣшивъ, что *Японка* любуется новымъ нарядомъ, я, чтобъ угодить ей, поднесъ зеркало, какъ вдругъ взоры ея поразились прошивуположенностію ея лица со цвѣшомъ позади ея, какъ будто нарочно стоявшей нашей бѣлой *Россійнки*. Она съ искреннимъ добродушіемъ отпалкивая зеркало руками, говорила: *варій, варій, ш. е. не хороша! не хороша.* Напроставъ она довольно пріятная женщина, лице у нее было смуглое и нѣсколько продолговатое съ правильными чертами, ротъ маленькой со свѣтящимися подъ чернымъ лакомъ ровными чистыми зубами; брови узенькія, черныя, гладкія, какъ будто кистью проведенныя, лоснились надъ такого же цвѣша пламенными безъ впадинъ глазами; волосы самые черные, въ видѣ шюрбана причесанныя, безъ всякаго головнаго украшенія, кромѣ черепаховыхъ вспкнутыхъ гребенокъ. Роста она средняго, собою шонка и довольно стройна. Одѣяніе ея состояло изъ 6 шелковыхъ, на самой тонкой ватѣ, похожихъ на наши халаты, широкихъ плащей; каждое было подпоясано особымъ кушакомъ очень низко. Отъ пояса къ низу платье было въ обтяжку; каждое особливаго цвѣша, а верхнее было черное. Разговоръ ея былъ протяженъ, голосъ томный; все вмѣстѣ съ выразительною фізіогномією производило пріятное впечатлѣніе; отъ роду по видимому она не могла имѣть болѣе 18 лѣтъ. Мы ее угощали хорошимъ цвѣшочнымъ чаемъ съ пряниками; она пила и ѣла съ примѣшнымъ удовольствіемъ. При отъѣздѣ сдѣланы ей нѣкошорые подарки, кошорыми она была очень довольна.

Прощаясь, я посовѣщивалъ нашей *Россійкѣ* съ нею поцѣловаться; *Японка*, замѣтивъ ея намѣреніе, встѣпила ее поцѣлуемъ и много смѣялась. Опѣ насъ она поѣхала прямо въ селеніе на той самой байдарѣ, которая была изготовлена отвезти письмо *Кахи* къ Начальнику острова.

Я полагалъ навѣрное, что коль скоро Начальникъ острова получитъ настоящее объясненіе, съ какимъ намѣреніемъ задержано нами *Японское* судно, то пришлетъ письменный отвѣтъ, ежели не кому нѣ, по крайней мѣрѣ къ *Такатаю - Кахи*, и даже надѣялся, что самъ *Леонзаймо*; есшлы задержанъ въ селеніи, присланъ будешъ для переводовъ, о чемъ Начальникъ *Японскаго* судна написалъ особую опѣ имени моего записку; но совсѣмъ прошивныя нашимъ ожиданіямъ послѣдствіа дали намъ уразумѣть, что *Японское* Правительство запретило частнымъ своимъ Начальникамъ вступать съ нами въ переговоры, ибо вмѣсто отвѣта, на другой день въ шедшую съ берега нашу шлюпку съ водою выпалили изъ 4 пушекъ ядрами. Не смотря однакожъ на сіе, я о показаніи *Кахи* не перемѣнилъ своего мнѣнія и пустую ихъ пальбу презиралъ, рѣшившись, какъ выше сказано, итти въ *Камгату*, и узнать опѣ него обо всемъ подробно, не желая скорымъ какимъ либо предпріятіемъ испорчить въ послѣдствіи главное дѣло.

При возставшемъ благополучномъ вѣтрѣ, приказалъ я сдѣлать сигналъ сняться съ якоря. Предъ сѣю *Такатаю - Кахи* просилъ меня, чшобъ я позволилъ махро-

замъ его прїѣхашъ осмошрѣшъ нашъ корабль. Съ согла-
сія моего, они всѣ поочереды у насъ перебували, любо-
пытствовали знашъ употребленіе каждой новой для
нихъ вещи, особенно поражала ихъ наша оснастка;
смѣлые лазили на *марсы*, а отважнѣйшіе даже на *са-
лингѣ*. Я приказалъ сводить ихъ въ мою каюшу, войдя
въ нее, дѣлали они такіе же знаки почтенія, какъ бы
я самъ въ ней находился. Тамъ поднесли имъ изъ се-
ребряной чарки *Руской* водки, отъ чего они сдѣлались
еще смѣлѣе и веселѣе; начали знаками объясняшъся съ
нашими маэрозами, плѣнялись суконнымъ нашимъ одѣ-
яніемъ, свѣшлыми пуговицами и цвѣшными шейными
плашками, кошорые вымѣнивали у нашихъ маэрозовъ
на свои *Японскіа* бездѣлицы. *Такатай-Кахи*, увидѣвъ
на шканцахъ нѣсколько порожнихъ боченковъ, предло-
жилъ наполнишъ оныя водою съ своего судна; потчасъ
его маэрозы забрали всѣ наши пустые боченки и при-
везли ихъ наполненные хорошею свѣжею водою. Прїаи-
но было видѣшъ людей, почишавшихся за нѣсколько ча-
совъ нашими врагами, въ шакомъ съ нами дружесшвѣ.
Сии добрые *Японцы*, просшившись съ нами, поѣхали
на свое судно съ пѣснями.

Къ вечеру шлюпъ и брикъ *Зотикѣ* пошли въ море,
а изъ селенія потчасъ открылась со всѣхъ башарей
пальба изъ пушекъ ядрами. Тамъ вѣрояшно заключили,
что мы вступили подѣ паруса съ шѣмъ, чтобы прибли-
житься къ селенію съ непріятельскимъ намѣреніемъ.
По причинѣ весьма дальнаго разстоянія, такая пустая
пальба ничего кромѣ смѣха не могла въ насъ возбудишъ,

чему также и Японскій Чиновникъ много смѣлся, говоря: *Кунаширъ* худое мѣсто для *Русскихъ*, *Нагасаки* лучше. За проливнымъ вѣтромъ мы простояли слѣдующій день въ проливѣ на якорѣ, разспояніемъ отъ селенія не менѣе 5 миль, и нарочно смотрѣли въ зришельныя трубы, не возвратится ли къ Японскому судну посланная предъ симъ въ селеніе и шамъ задержанная байдара. Но Начальникъ судна сказалъ: пока *Россійской* корабль не уйдетъ совсѣмъ изъ виду острова, байдара будетъ оставаться задержанною въ селеніи. 11 числа Сентября оба судна снялись съ якоря и спали лавировать, взявши курсъ прямо къ полуострову *Камгаткѣ*. На семъ переходѣ мы много потерпѣли отъ жестокихъ бурь, копорыя въ такое позднее время года бывающъ здѣсь весьма опасны, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, подъ большими широтами лежащихъ; а 12 числа находились мы въ крайней опасности: одна лишь только рука Провидѣнія могла насъ избавить отъ конечной гибели. Около полудня въ тотъ день началъ душь жестокой вѣтръ, копорой въ послѣдствіи превратился въ ужасную бурю; тогда была у насъ подъ вѣтромъ гряда низменныхъ острововъ, лежащихъ между *Матсия* и *Чикотана*. Казалось, что шлюпъ хорошо выдерживалъ большіе паруса и мы имѣли изрядный ходъ; не взирая однакожъ на сіе, насъ примѣшнымъ образомъ прижимало теченіемъ къ помянушымъ островамъ; мы не надѣялись отстояться на якорѣ при великомъ волненіи, шедшемъ по направленію вѣтра съ открышаго океана, между островами *Кунаширо* и *Чикотано*,

и были въ самой крайней опасности пошерпѣть кораблекрушеніе. Съ каждою минушою видѣли, замѣчая по лоту, приближеніе свое къ опаснымъ низкимъ островамъ. Къ 3½ часамъ по полудни глубина ошъ 18 сажень уменьшилась до 13; насъ несло бокомъ къ онымъ островамъ. Въ семъ бѣдственномъ положеніи, рѣшились мы прибѣгнушъ къ послѣдному средству для ошгращенія гибели: спашъ на якорь, что мы и сдѣлали, но какъ якорь не задержалъ, то на глубинѣ, уменьшившейся еще на 2 сажени при песчаномъ съ камнями грунтѣ, бросили другой якорь. Не смотря на сіе, шлюпъ, прошивъ жеспокаго волненія стоялъ боршомъ, и якоря шацились подну. Топчасъ спустили шенги и всѣ реи на низъ; къ великому щастію нашему послѣ сего якоря забрали и шлюпъ ошановился на двухъ якоряхъ. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было во второй разъ спасти насъ ошъ очевиднаго бѣдшвія.

Начальникъ *Японскаго* судна, жившій со мною вмѣстѣ въ каютѣ, доспавлялъ мнѣ удобный случай по часту съ нимъ объясняшъся. Долго я домогался узнать ошъ него объ участи Капишана *Головнина*; онъ вслушивался со вниманіемъ въ чинъ и фамилію и всегда ошвѣчалъ: не знаю. Вѣдая, сколь мало вняшны *Рускіи* фамиліи для *Японскаго* слуха, спарался я разнымъ образомъ фамилію *Головнина* изворачивашъ, и наконецъ приведенъ былъ въ величайшую радость, когда онъ со мною повшорилъ въ восшоргѣ: *Ховоринъ*, я слышалъ, продолжалъ снѣ, что онъ также находится въ *Матсмаѣ*. *Японцы* почиташъ его *Россійскимъ Данлію*, ш. е. первоста-

шейнымъ Чиновникомъ; и послѣ добрый мой *Японецъ* спалъ описывашъ, какъ ему пересказывали видѣвшіе *Головнина Японцы*: что онъ высокаго роста, важнаго вида, не такъ, какъ Капитанъ *Муръ* веселаго, и не любилъ курить табакъ, хотя опредѣлено давалъ ему самаго лучшаго. *Муръ* же, говорилъ онъ, любилъ курить трубку и довольно хорошо разумѣлъ *Японской* языкъ. Толь совершенное описаніе опличительныхъ качествъ нашихъ соопчиковъ освободило насъ отъ всякаго сомнѣнія, и мы благодарили Провидѣніе, пославшее намъ въ *Японцѣ* семь шоль радостнаго вѣстника. Сверхъ сего восхищался я и тѣмъ, что не покусился на произведеніе опчаяннаго предпріятія прошивъ *Японцевъ*, внушеннаго мнѣ ложными и злонамѣренными объявленіями *Леонзайма* о нашихъ плѣнныхъ. Я узналъ, что плѣнникъ нашъ всякой годъ ходилъ на островъ *Итурупъ*, опвозя туда разные товары изъ *Нифона*, а опшуда возвращался съ грузомъ рыбы; но для меня весьма было удивительно, что онъ не зналъ *Леонзайма*. Полагая, что можетъ быть, неправильно произносимо было мною его имя, я показалъ ему въ записной моей книжкѣ собственною его рукою написанное его названіе и мѣсто его рожденія: городъ *Матсмай*. Онъ, прочитавъ, весьма явственно сказалъ, что купца такого имени на *Итурупѣ* никогда не бывало; что онъ знаетъ нынѣшнихъ и бывшихъ хозяевъ онаго острова, и пересказалъ мнѣ ихъ имена. Тогда вздумалъ я повторить всѣ присвоенныя *Леонзаймомъ* имена, какъ то: *Нагасема*, *Тологеро*,

Хородзи. Такатай - Кахи, остановясь наконецъ на послѣднемъ, съ удивленіемъ и смѣхомъ воскликнулъ: *Хородзія* знаю, и онъ называлъ себя въ Россіи *Олегодою* (1)? Да, отвѣчалъ я ему, мы также отъ него слышали, будто бы онъ обладалъ великимъ имѣніемъ. — Да онъ ни когда не имѣлъ и простой байдары, возразилъ мой *Японецъ*; его званіе у прежнихъ хозяевъ было *Банинъ*, т. е. смотритель за рыбными промыслами, и какъ онъ умѣлъ хорошо писать, то и опправлялъ всѣ письменныя дѣла; уроженецъ онъ Княжества *Намбу*, а не *Матсман*, и женатъ на дочери *мохнатого Курильца*. Произнеся послѣднія слова съ презрѣніемъ, онъ сдѣлалъ знакъ рукою по своей шеѣ, для показанія, что *Леонзайму* за присвоенное званіе *Японскаго Чиновника*, еопъли узнающъ въ *Японіи*, отрубяшъ голову. — Такое нечаянное открытіе о самозванцѣ *Леонзаймѣ* обнаружило мнѣ то, что посланные отъ насъ на берегъ къ Начальнику острова *Японцы* дѣйствовали вѣроятно по его коварнымъ наставленіямъ въ удовольствованіе его мщенію. Впрочемъ невозвращеніе *Японца* съ письмомъ и уходъ сопровождавшаго *Леонзайма* въ селеніе, я неправильно приписывалъ, какъ нынѣ оказывается, боязни его возвратиться на шлюпъ. По объясненію Начальника *Японскаго* судна, закономъ запрещается подданныхъ *Японіи*, бывшихъ болѣе одного года въ чужой землѣ, по какимъ бы то ни было случаямъ допускать, по возвращеніи ихъ въ отечество, къ своимъ семей-

(1) По нашему сказанью, Земскій Исправникъ или Начальникъ надъ *Курильцами*.

справятъ, а отсылаются они въ *Эддо*, для изслѣдованія ихъ поведенія, гдѣ, какъ мы полагали, и остаются большею частію на всю жизнь, лишенными всей надежды жить вмѣстѣ съ своими домашними. Наши *Японцы* пробыли въ *Камгатакѣ* одинъ только годъ, слѣдовательно уходъ ихъ надлежитъ приписать сей только одной причинѣ.

Ошплывъ отъ бурныхъ *Японскихъ* береговъ, мы на высотѣ *Курильскихъ* острововъ, находясь въ виду пролива *Буссоля*, названнаго по имени фрегата знаменитаго мореплавателя *Лаперуза*, воспользовались случившеюся ясною, довольно пріятною погодою для опредѣленія нѣкоторыхъ мѣстъ Астрономическими наблюденіями. Мы нарочно проходили симъ обширнымъ проливомъ въ *Охотское* море, и обозрѣвъ западную часть нѣсколькихъ острововъ, къ сѣверу отъ сего пролива лежащихъ, вышли опять въ восточный океанъ новымъ проходомъ между островами *Ройкоке* и *Матау*. Не находя его названія ни на какихъ морскихъ картахъ, мы наименовали его проливомъ *Головина*, въ честь нашего несчастнаго Капитана, содѣлавшагося предметомъ нашихъ плаваній по симъ морямъ.

22 Сентября открылись высокія сопки (погасшіе вулканы) *Камгатакаго* полуострова, вершины коихъ покрыты уже были снѣгомъ; но на низменныхъ мѣстахъ отпѣнялась еще пріятная для глазъ зелень и температура воздуха была довольно теплая. Нашъ *Кахи* признавался, что въ плаваніяхъ его къ островамъ *Итурупу* и *Урупу*, случалось ему видѣть въ это время года на берегахъ болѣе снѣгу, и холодъ бывалъ

ощущительнѣе. Приближаясь съ благопріятнымъ въ-
 ромъ ко входу въ *Аватинскую* губу, мы льстились на-
 деждою въ слѣдующій день войти въ *Петропавловскую*
 гавань; но перемѣнившійся вѣтръ прямо съ берегу уда-
 лилъ насъ въ море, и мы послѣ величайшихъ шрудно-
 стей, бывъ въ шрешій разъ весьма близко, въ одну
 мрачную ночь едва было не претерпѣли кораблекру-
 шенія. Не прежде 3 Октября вошли мы въ гавань;
 здѣсь нашли мы три судна: одно было *Охотскій*
 транспортъ, пришедшій изъ *Охотска* съ провіаншомъ;
 а другія два, подъ *Американскими* флагами, принадле-
 жали гражданину *Соединенныхъ Американскихъ шта-
 товъ* Г. *Добеллу*. На обоихъ сихъ судахъ грузъ, при-
 надлежащій оному же Г. *Добеллу*, положенъ былъ ча-
 стію въ *Кантонъ*, частію въ *Манилѣ*, куда онъ за-
 ходили на пуши своемъ изъ *Кантона* въ *Калитатку*.
 На одномъ изъ сихъ судовъ и самъ Г. *Добеллѣ* прибылъ
 въ званіи Капитана съ благонамѣренными видами воз-
 снаноуишь давно желанную для здѣшняго края съ *Ки-
 таемъ* и другими изобильными сосѣдственными стра-
 нами торговлю. Главная моя забота была поскорѣ свез-
 ти на берегъ нашего добраго *Японца*, казавшагося
 весьма ушомленнымъ и даже печальнымъ, какъ я ду-
 малъ, отъ безпокойствъ продолжительнаго небла-
 гопріятнаго нашего плаванія. Но объяснившись, по-
 слѣ узналъ я отъ него совсѣмъ другую причину. Когда
 мы, принимая поздравленія отъ пріѣзжавшихъ къ
 намъ на шлюпъ съ берегу офицеровъ и прочихъ
 пріиселей, вмѣстѣ съ ними радовались окончанной

кампанія, тогда нашъ *Японскій* Начальникъ началъ тревожиться о своей участи. Ему представлялось по законамъ земли своей, что и его также, подобно нашимъ въ *Японіи*, будутъ содержать въ строгомъ заключеніи. Сколь же велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ себя помѣщеннымъ не только въ одномъ со мною домѣ, но и въ однихъ покояхъ!

12 Октября, опслуживъ насълюбъ благодарственный молебенъ за проекратное спасеніе отъ гибели, казавшейся неизбѣжною, офицеры и команда перебрались на берегъ.

Такимъ образомъ окончилась первая наша къ *Японскимъ* берегамъ кампанія, предпринимаемая для освобожденія Капитана *Головнина* съ товарищами его нещастія. Плоды оной состояли въ томъ, что мы отъ взятаго въ плѣнъ и привезеннаго нами *Такатай-Кахи* узнали, что оные соотечественники наши живы. Такое полезное и радостное для насъ извѣстіе, мы считали немалымъ для себя приобрѣщеніемъ и награжденіемъ трудовъ своихъ.

Привезенной нами *Японскій* Начальникъ *Такатай-Кахи*, производя во всѣхъ поршахъ своего отечества болѣе 20 лѣтъ обширную торговлю, что подтверждалось его познаніями въ мореплаваніи, долженствовалъ быть человѣкъ извѣстный своему Правительству. Отлично благородное его обращеніе доказывало, что онъ принадлежить къ образованному классу людей. Сдѣлавшись принужденно виновникомъ настоящей его участи, не усматривалъ я въ немъ, къ утѣшенію моему, ни

малѣйшей печали или унынія. Напропивъ, въ спокойствіи духа пишался онъ шюю патріотическою мыслию, что по возвращеніи въ свое отечество, будетъ въ состояніи доказать, что со стороны нашего Правительсва никогда не было противу *Японіи* непріязненнаго намѣренія, и ручался своею жизнью, что посредствомъ посольства въ *Нагасаки* освобожденіе нашихъ плѣнныхъ неминуемо послѣдуетъ. Имѣя въ своихъ рукахъ такого просвѣщеннаго и искренно расположеннаго вспомошествовать освобожденію нашихъ плѣнныхъ *Японца*, я терзался мыслию, что не было при мнѣ переводчика *Японскаго* языка, находящагося въ *Иркутскѣ*, копорого нельзя было за опдаленностію прислать въ *Камгату* прежде будущаго лѣта. При великомъ съ обѣихъ сторонъ желаніи объяснялись, мы съ нимъ въ продолженіе зимы составили свой языкъ, на копоромъ безъ затрудненія разговаривали, иногда даже объ опвлеченныхъ предметахъ. Тогда пересказалъ я ему въ шочномъ видѣ всѣ недоразумѣнія и ошибки, бывшія причиною неудовольствія *Японцевъ*; неудачу посольства нашего въ *Нагасаки* и проч. *Такатай-Кахи* рассказалъ, что всѣ жителя *Японіи*, узнавъ о прибытіи *Русскихъ* кораблей въ *Нагасаки*, и о томъ, что съ *Россією* утверждены будущъ коммерческія связи, весьма обрадовались, но послѣдовавшій за тѣмъ крушой переломъ рѣшишельнымъ отказомъ нашему послу произвелъ во всей *Японіи* великое негодованіе на ея правленіе. — *Такатай-Кахи*, сообщая свѣденія о своемъ отечествѣ, и изъявляя желаніе, чтобы между *Японією* и *Россією*

ушвердилась торговля, неоднократно восклицалъ. „ Въ
 „, нещасіи моемъ признаю я Божій промыслъ, избравъ
 „, шій меня своимъ орудіемъ. Не имѣя никакихъ важъ
 „, ныхъ причинъ ишши въ *Кунаширскій* заливъ, по слуъ
 „, чаю, заѣхалъ я шуда, не бывавъ въ немъ болѣе пѣпи
 „, лѣшъ, и сдѣлался виновникомъ уничтоженія вашего
 „, рѣшишельнаго намѣренія напасъ на селеніе; слѣдоваъ
 „, шельно спасишелемъ жизни нѣсколькихъ десяшковъ *Русъ*
 „, *кихъ* и нѣсколькихъ сотъ *Японцевъ*. Эта мысль меъ
 „, ня оживляешъ, и я надѣюсь, при всей слабости моего
 „, здоровья, перенесъ суровость *Камгата*скаго климаъ
 „, ша. “ Вниманіе и соболѣзнованіе, которое ему опъ
 всѣхъ *Россіянъ* оказываемо было, шoliko подѣйшвововаъ
 ли надъ сердцемъ сего благороднаго челоуѣка, что онъ
 день и ночь о шомъ шолько и думалъ, какъ бы досшаъ
 вишъ опечесшву своему шакое извѣстіе о народѣ, взявъ
 шемъ его въ плѣнъ, какого не приносилъ еще никшо изъ
Японцевъ, бывшихъ въ *Россіи*. Будучи, по воспишанію
 своему и по образу мыслей, гораздо свѣдущѣ предшеъ
 ственниковъ своихъ, онъ ясно видѣлъ, что польза опечесшва
 его, о которомъ никогда не могъ равнодушно вспоъ
 минашъ, шребовала миролюбиваго окончанія вражды, возъ
 никшей между *Россією* и *Японією* опъ случаевъ непредъ
 видѣнныхъ и безъ соучастія главныхъ Правительствъ.
 Онъ понималъ, что на споронѣ любимаго его опечесшва
 будетъ вредъ опъ сей вражды, а пошому и спарался
 всемѣрно обьяснить намъ спранность *Японскихъ* неъ
 пріязненныхъ посшупковъ, которыхъ причины мы не
 посшигали; равнымъ образомъ и шо, какіе у нихъ неъ

преложные законы и обычаи, по незнанію которыхъ иностранецъ можетъ произнести о нихъ ложное сужденіе. Онъ увѣрялъ, что *Японцы*, поступая съ нами непріятельски, не имѣли и не имѣютъ въ виду заводить совсѣмъ безполезныя для нихъ ссоры съ сосѣднею и великою Имперіею; но по нѣкоторымъ чинамъ уже извѣстными законопротивнымъ поступкамъ нашихъ сопотечественниковъ, за нѣсколько годовъ на берегахъ ихъ бывшихъ, они имѣли достаточную причину заключающую о непріязненности *Россіи* къ *Японіи*, и чрезъ то принужденными нашлись почести народъ нашъ себѣ враждебнымъ, чего конечно бы не послѣдовало, естлибы *Японія*, по примѣру другихъ Государствъ, имѣла сношеніе съ сосѣдственными Правительствами. И какъ они, по законамъ земли своей сего не имѣютъ, то и нельзя имъ было узнать, по повелѣнію ли Правительства, приходившія на ихъ берега суда подъ *Рускимъ* флагомъ непріятельски дѣйствовали или совсѣмъ безъ вѣдома онаго, а пошому *Японское* Правительство рѣшилось употребить сіи насильственные мѣры, признаваемыя впрочемъ во всей *Японіи* несоотвѣтствующими правиламъ военныхъ законовъ, но основанныя на желаніи получить отъ *Россійскаго* Правительства въ сихъ происшествіяхъ объясненіе. Я увѣренъ, говорилъ онъ, что одного свидѣтельства *Иркутскаго* Губернатора въ томъ, что Правительство не участвовало въ поступкахъ *Хвостова*, довольно будетъ, для доставленія *Рускимъ* плѣннымъ освобожденія. Все, что говорилъ сей добрый и честный *Кахи*, не были одни пустяки.

слова, вымышленныя имъ для полученія себѣ свободы; въ послѣдствіи мы на опытъ увѣрились въ истинѣ оныхъ: онъ послужилъ намъ орудіемъ къ скорому и щасливому прекращенію распрей между двумя Государствами, выдачею захваченныхъ нашихъ плѣнныхъ, и къ постановленію на предбудущее время нѣкоторыхъ условій, которыя, хотя и невелики, но сдѣланы вопреки кореннымъ постановленіямъ Имперіи. Обо всѣхъ сихъ обстоятельствеяхъ писалъ я къ *Охотскому Натальнику*, представляя, чѣмъ онъ испросилъ по сему предмету офиціальное письмо отъ *Иркутскаго Губернатора* къ *Губернатору Матсмайскому*, разсчитывая зайти за симъ письмомъ въ *Охотскъ*. *Такатай-Кахи* брался лично вручить письмо сіе *Матсмайскому Губернатору* и доставивъ въ *Кунаширь* (куда обѣщано было его отвезти) рѣшительной отвѣтъ и извѣстіе объ участи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ. Таковъ былъ планъ предстоявшей кампаніи.

До половины зимы здоровье *Кахи* было въ хорошемъ состояніи, но смерть двухъ его мажорговъ произвела въ немъ большую переменѣ: онъ сдѣлался задумчивъ, угрюмъ, началъ жаловаться на слабое свое здоровье, увѣрялъ лекаря, что у него въ ногахъ цынгозная болѣзнь, и утверждалъ, что она ему будетъ спойми жизни. Но истинною причиною его печали было желаніе воропиться скорѣе въ отечество и опасеніе, чѣмъ въ *Охотскъ*, куда надлежало заходить, его не удержали. Наконецъ онъ открылъ мнѣ свое подозрѣніе. Видя, что отъ благополучнаго возвращенія *Такатай-Кахи* въ отечество зависить все, какъ

освобожденіе нашихъ, такъ, можетъ быть, и воспановленіе съ *Японією* коммерческихъ связей, я рѣшился, не дожидаясь отвѣта изъ *Иркутска*, отвезти его прямо въ *Японію*, и когда объявилъ я ему объ этомъ, онъ призвалъ къ себѣ оставшихся своихъ двухъ машеровъ, сказалъ имъ сію радостную вѣсть, и просилъ меня, чѣмъ я оставилъ его на время съ машерами. Вышедъ въ другую комнату, я полагалъ, что набожный *Такадай-Кахи* желаетъ молишься Богу, какъ обыкновенно, безъ свидѣтелей, но вмѣсто того онъ скоро вышелъ изъ своей комнаты въ парадномъ своемъ платьѣ и при саблѣ, вмѣстѣ съ своими машерами, и началъ изъяслять мнѣ свою благодарность. Будучи изумленъ симъ неожиданнымъ явленіемъ и проявляющею чувствительностію добраго *Японца*, я увѣрилъ его въ точномъ исполненіи своихъ обѣщаній.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда надлежало заниматься приговорами шлюпа къ походу, я получилъ отъ *Иркутскаго* Губернатора порученіе, приведши въ исполненіе, въ званіи *Камчатскаго* Начальника, Высочайше утвержденное новое образованіе *Камчатки*, и по случаю отправления моего къ *Японскимъ* берегамъ, довѣрилъ временное управленіе *Камчатки* Г. Лейтенанту *Рудакову* (1).

---

(1) Вмѣсто его поступилъ опять на шлюпъ Лейтенантъ *Филатовъ*, бывшій Командиромъ на брикѣ *Зотикъ*, разлучившійся съ нами въ прошлую осень во время жестокой бури у острова *Кунашира* и на переходѣ у *Кам-*

6 Мая ледъ былъ прорубленъ и шлюпъ выведенъ на рейдъ въ *Авагинскую* губу, а 23 Мая отправился изъ сей губы въ предпринимаюу пушъ. Чрезъ двадцать дней благопріятнѣйшаго плаванія прибыли мы благополучно къ оконечности острова *Кунашира*, и спали на якорѣ въ заливѣ *Изибны*, въ шакомъ же, какъ и прошлаго лѣта разстояніи отъ укрѣпленнаго *Японскаго* селенія. По совѣту *Такатая - Кахи* велѣно было двумъ его маэрозамъ, приготоуишься ѣхать на берегъ. Селеніе прежнимъ порядкомъ завѣшено было полосашою маэріею. Съ батареи изъ пушекъ по шлюпу не палили и по всему берегу невидно было никакихъ движеній.

Когда наше гребное судно, для отвоза *Японцевъ* на берегъ, было изгшовлено, тогда оба *Японца* пришли ко мнѣ въ каюшу, чшобъ изъяснить за увольненіе свое благодарностъ, и принявъ отъ своего Начальника разныя порученія къ главному Начальнику острова. При семъ случаѣ я сказалъ *Такатаю - Кахи*, что отпуская его маэрозъ на берегъ, надѣюсь, что они принесутъ отъ *Кунаширскаго* Начальника на его письмо отвѣтъ съ обстоятельнымъ извѣщеніемъ о насшоящей учасши всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, и спросилъ его, ручаешся ли онъ въ ихъ возвращеніи. Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ!“ — „Какъ нѣтъ?“ спросилъ я: „развѣ тебѣ неизвѣсны законы твоей націи?“ — „Извѣсны, да не всѣ.“ — „Когда шакъ

татскихъ береговъ претерпѣвшій кораблекрушеніе. Люди и часть груза особою дѣятельностію *Г. Филатова* были спасены.

сказалъ я, обращаясь къ его маэпрозамъ, то объявите *Кунаширскому* Начальнику оиъ моего лица, что естли онъ васъ на берегу задержитъ, и не пришлетъ ко мнѣ никакихъ извѣстій объ участи нашихъ плѣнныхъ, то я долженъ буду признаться сей поступокъ непріятельскимъ и вашего Начальника повезу съ собою въ *Охотскъ*, откуда нынѣшняго же лѣта прійдутъ сюда нѣсколько военныхъ судовъ требованіе вооруженною рукою освобожденія нашихъ плѣнныхъ. Назначаю сроку только три дня для обожданія здѣсь отвѣта.“ При сихъ словахъ *Такатай-Кахи* измѣнился въ лицѣ, однако съ довольно спокойнымъ духомъ началъ говорить: „Начальникъ Императорскаго судна! (такъ онъ величалъ меня во всѣхъ важныхъ разговорахъ) Ты объясняешься съ жаромъ, швое посланіе къ *Кунаширскому* Начальнику чрезъ моихъ маэпрозовъ заключаетъ многое, а по нашимъ законамъ малое; напрасно угрожаешь ты увезти меня въ *Охотскъ*. Ежели двухъ моихъ маэпрозовъ Начальникъ вздумаетъ на берегу удержатъ, то не два, а двѣ тысячи маэпрозовъ не могутъ меня замѣнить. Припомъ, предваряю себя, что не въ швоей будетъ власти увезти меня въ *Охотскъ*; но объ этомъ объяснимся послѣ, а шеперь скажи мнѣ, дѣйствительно ли ты рѣшился на такихъ условіяхъ опуститъ моихъ маэпрозовъ на берегъ?“ „Да!“ сказалъ я, иначе, какъ Начальникъ военного корабля, я не смѣю и подумать при такихъ шрудныхъ, на меня возложенныхъ порученіяхъ и ужасомъ скрытыхъ обстоятельстввахъ.“—„Хорошо!“ отвѣчалъ онъ, „Такъ позволь мнѣ сдѣлать, мо-

жестъ бытъ, послѣднее и весьма нужное наставленіе моимъ маэрозамъ и словесно увѣдомишь обо мнѣ *Кунаширскаго* Начальника, ибо ни общаго письма, ни какой либо записки теперь я съ ними не пошлю.“ Онъ нѣсколько оправился (1), принялъ на себя важный видъ и потомъ продолжалъ: „ты довольно разумѣешь по *Японски*, чтобъ понимать все, что я въ простыхъ словахъ буду говорить своимъ маэрозамъ. Я не хочу, чтобъ ты имѣлъ право подозрѣвать меня въ какомъ либо дурномъ намѣреніи.“ Его маэрозы, сидѣвшіе на колѣняхъ, приблизились къ нему съ поникшими головами, и внимательно слушали его слова. Сначала наставлялъ онъ ихъ въ обрядахъ, какъ должно будетъ явиться къ *Кунаширскому* Начальнику; потомъ подробно исчислилъ имъ, въ которой день привезены они были на *Россійскій* корабль, какъ были содержимы, когда прибыли въ *Камгату*, что жили въ однихъ со мною покояхъ, и получали хорошее содержаніе, что оба *Японца* и *мохнатой Курилецъ* померли, не смотря на всѣ старанія врача; что нынѣ шлютъ поспѣшно отправление въ уваженіе его болѣзни прямо въ *Японию* и пр. и пр. Онъ повторялъ имъ нѣсколько разъ, чтобъ они все сіе безошибочно пересказали *Кунаширскому* Начальнику и заключилъ величайшею обо мнѣ похвалою, упоминая, съ какою заботливостію я всегда входилъ въ ихъ положеніе, что онъ самъ, какъ на корабль, такъ и на су-

---

(1) Во время сего разговора онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, по *Японскому* обычаю.

шѣ, жилъ съ мною вмѣстѣ, и все, что только можно, по его желанію, ему было доставляемо. Наконецъ предъ своимъ образомъ въ глубокомъ молчаніи помолился онъ Богу, поручилъ болѣе имъ любимому изъ обоихъ маппрозовъ доставить свой образъ его женѣ, и опдалъ-ему же большую свою саблю, копорую называлъ *родительскою*, для того, чѣмъ ея вручить единственному его наслѣднику и сыну. По исполненіи всего этого, онъ всталъ и съ спокойнымъ, даже веселымъ видомъ попросилъ у меня водки, поподчивашъ при прощаніи своихъ маппрозовъ; выпилъ вмѣстѣ съ ними и проводилъ ихъ вверхъ, не давая имъ никакихъ болѣе порученій. На нашей шлюпкѣ отвезли ихъ на берегъ, и они безпрепятственно пошли въ селеніе.

Обряды, совершенные нашимъ *Японскимъ* Начальникомъ при его прощаніи съ маппрозами, и значительное изреченіе: не въ пивоей будешь власти увезши меня въ *Охотскъ*, привели меня въ великое смущеніе. Возвращеніе *Японскихъ* маппрозовъ казалось мнѣ совсѣмъ безнадежнымъ; я могъ удержатъ въ видѣ аманата озлобленнаго *Японскаго* Начальника, но не въ моей власти было воспрепятствовать исполненію его смѣлаго изреченія. Я долго не могъ рѣшиться опустить его на берегъ, ибо чрезъ то лишился бы всей надежды къ освобожденію нашихъ плѣнныхъ, однакожъ, сообразивъ всѣ обстоятельства, увидѣлъ я, что въ пользу нашихъ плѣнныхъ должно избрать послѣднее средство. Припомъ вознамѣрился я, естли уволенный на берегъ *Японскій* Начальникъ не ворошится, итти самъ прямо въ селеніе.

Нѣсколько зная *Японской* языкъ, не труднобѣ мнѣ было во всемъ объясниться, и припомъ я имѣлъ въ виду, что есѣли наши плѣнные живы, то участь ихъ ошъ сего не сдѣлается хуже; когда же они всѣ убиты, тогда всему дѣлу и моимъ мученіямъ конецъ. Я объявилъ о семъ намѣреніи старшему по себѣ офицеру, кошораго нужно было заблаговременно насъавивъ для пользы службы, въ исполненіи неокончанныхъ мною нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей. — Ушвердившись въ этомъ мнѣніи, сказалъ я нашему *Японскому* Начальнику, что онъ можетъ ѣхать на берегъ, когда ему угодно, ибо я во всемъ полагаюсь на его великодушіе, и прибавилъ, что его невозвращеніе будетъ стоить мнѣ жизни. — „Понимаю!“ отвѣчалъ онъ: „тебѣ безъ писменнаго свидѣтельства объ участи всѣхъ вашихъ плѣнныхъ нельзя воропиться въ *Охотскѣ*, да и мнѣ нельзя подвергнушь своей чести малѣйшему безславію, иначе какъ на щепъ моей жизни. Благодарю за твою довѣренность, но я и прежде не имѣлъ намѣренія ѣхать въ одинъ день съ своими мапрозами на берегъ; это, по нашему закону, для меня неприлично; а завтра поутру, ежели тебѣ угодно, прикажи меня отвезти поранѣе на берегъ. — „Приказываешь не нужно!“ былъ мой отвѣтъ: „я самъ отвезу тебя“ „И такъ“ сказалъ онъ съ восторгомъ: „мы опять друзья! теперь я объясню тебѣ, что значило отправление моего образа и *родительской* сабли на берегъ; но прежде выговорю тебѣ съ тою откровенностію, съ какою я шриспа дней съ тобою, какъ другъ, обо всемъ объяснялся, что

швое словесное посланіе къ *Кунаширскому* Начальнику чрезъ моихъ мапировъ для меня было чрезвычайно оскорбительно. Угрозы швы о приходѣ сюда нынѣшняго лѣта съ военными судами до меня собственно не касались; но когда ты объявилъ свое намѣреніе увезти меня съ собою въ *Охотскѣ*, то я примѣшилъ, что ты подозрѣваешь во мнѣ обманщика, подобнаго *Городзію*. Признаюсь, я едва могъ вѣришь, чтобъ сіи оскорбительныя моей чести слова были произнесены тобою. Удивительно для меня было, что ты въ шриста дней мнѣ ничего не говаривалъ въ сердцахъ, между тѣмъ, какъ я, по своей горячности, неоднократно и безъ всякой почти причины бывалъ въ жестокомъ гнѣвѣ, а въ нынѣшній день, при такомъ важномъ случаѣ, ты допустилъ гнѣву овладѣвъ своимъ разсудкомъ и чрезъ то въ нѣсколько минутъ приуготовилъ меня сдѣлаться злодѣемъ и самоубійцею. Національная наша честь не позволяешь человѣку моего званія бытъ въ чужой землѣ плѣнникомъ, каковымъ ты хотѣлъ меня сдѣлать, при объявленіи своего намѣренія увезти меня съ собою въ *Охотскѣ*. Въ *Камчатку* я съ тобою отправился согласно съ моимъ желаніемъ, о чемъ и главному нашему Правленію извѣстно, ибо я особенно писалъ въ *Кунаширѣ*, по какимъ причинамъ вооруженныя шлюпки съ *Россійскаго* военного корабля овладѣли моимъ судномъ. Одни мапировъ были тобою взяты прошивъ ихъ воли. По превосходной швоей силѣ, я находился тогда въ швоихъ рукахъ, но жизнь моя всегда была въ моей власпи. Послѣ всего этого объявлю тебѣ тайну моихъ намѣре-

ній: я твердо рѣшился, видя тебя непоколебимымъ въ твоихъ предпріятіяхъ, свершишь надъ собою убійство. Въ доказательство исполненія сего я ошрѣзалъ у себя на головѣ клокъ волосъ (1) и положилъ ихъ въ ящикъ моего образа. Сіе, по нашимъ законамъ, означаетъ, что, шѣшь, ошъ кого присланы собственныя его волосы, лишилъ себя жизни съ честию, т. е. разпоролъ себя брюхо. Надъ волосами свершается такой же обрядъ погребенія, какъ и надъ самимъ покойникомъ. Когда ты называешь меня другомъ, то я ошъ тебя ничего не скрою; озлобленіе мое дѣшло до такой степени, что я даже хотѣлъ убить тебя и твоего старшаго офицера, и потомъ имѣлъ удовольствіе объявить объ этомъ твоей командѣ! “Какія возмущительныя дѣла для *Европейца*! неясніе о чести! *Японцы* почитаютъ такое дѣло величайшимъ подвигомъ; память подобнаго героя прославляется вмѣстѣ съ уваженіемъ къ оставшемуся его семейству. Въ противномъ же случаѣ дѣти бывають преданы изгнанію изъ мѣста своего рожденія.

Вопъ съ какими ужасными замыслами жилъ въ одной со мною каютѣ человекъ, на коего я взиралъ, какъ на искренняго своего друга и засыпалъ покойно! Выслушавъ сіе съ такими движеніями чувствъ, какъ въ обыкновенно бывають при размышленіи о минувшей опасносши, я сказалъ ему, что мнѣ удивительно его ограничиваніе въ избраніи мщенія, когда въ его власти было совершить полное мщеніе надъ жизнію.

(1) Онъ показалъ на головѣ примѣнное мѣсто вырѣзанныхъ волосъ.

всѣхъ насъ зазженіемъ крющъ-камеры (1). „Да“ сказалъ онъ: „взорваніемъ всѣхъ на воздухъ? нѣтъ другъ мой, эшо я зналъ; но какая въ этомъ опважность? По моему мнѣнію такимъ пошпеннымъ образомъ испишь свойственнo малымъ, робкимъ душамъ; не думаешь ли ты, продолжалъ онъ, чшобъ я себя убилъ соннаго, почиая себя храбрымъ Начальникомъ? Я думалъ излишнимъ въ эшомъ дѣлать поясненіе; но когда ты посшавляешь великостію произвешти мщеніе взорваніемъ корабля на воздухъ, шо вѣрояшно ты подумалъ, чшо я имѣлъ намѣреніе убить тебя шайнымъ образомъ. Нѣтъ! формальнымъ вызовомъ я присшупилъ бы къ дѣлу.“ За шакое его героическое, швердое намѣреніе и искреннюю ко мнѣ откровенность, онъ сдѣлался въ глазахъ моихъ дѣйствительнo рѣдкимъ челошвомъ, и мое къ нему уваженіе возвысилось по мѣрѣ обнаружившихся новыхъ въ немъ качествъ великостіи души.

На другой день съ примирившимся со мною удивительнымъ *Японскимъ* Начальникомъ поѣхалъ я на берегъ. Приближаясь къ берегу, увидѣли мы двухъ идущихъ изъ селенія *Японцевъ*, кошорыхъ вскорѣ признали, къ общей радости, нашими *Японскими* машрозами. Присшавши къ берегу, мы ихъ дождались у рѣчки, прошиву кошорой стоялъ нашъ шлюпъ. Они увѣдомили своего Начальника, чшо въ *Кунаширѣ* главнымъ командиромъ были приняшы весьма хорошо, и на испрашиваніе мною позволенія наливатьсѣ у рѣчки водою

(1) Сшмъ имеемъ называешсѣ мѣсто, гдѣ хранишсѣ на кораблѣ порохъ.

дано согласіе на условіи, чтобы наши люди не переходили на другую сторону рѣчки противъ селенія. По случаю прихода *Россійскихъ* судовъ къ *Кунаширу*, находились въ селеніи шрое большихъ Чиновниковъ: шпаршіе два, по объявленіи *Японскими* маэрозами ихъ именъ, оказались нашему *Японцу* хорошими пріятелями. Болѣе никакихъ извѣстій они намъ не сообщили. Главный Начальникъ острова желалъ шолько поскорѣе увидѣться съ нашимъ *Японскимъ* Начальникомъ. Изъ сдѣланныхъ мною *Японскимъ* маэрозамъ подарковъ, нѣкоторыя бездѣлицы были ими взяты съ собою на берегъ; всѣ оныя безъ изъятія были *Кунаширскимъ* Начальникомъ разсмаприваемы и *Японскимъ* маэрозамъ не позволили ничего при себѣ оставить: они принесли назадъ въ особомъ узелкѣ всѣ вещи до иголки. Я называлъ это непріязненнымъ поступкомъ; но *Такатай-Кахи* меня успокоилъ, объяснивъ, что приняшіе подарковъ у нихъ запрещено закономъ.

Потомъ одинъ изъ маэрозовъ подалъ мнѣ ящикъ, препровожденный чрезъ главнаго Начальника съ бумагами изъ города *Матсмая*.—Воспоргъ неожиданной радости наполнилъ мою душу. Я мнилъ обрѣсти въ немъ письма отъ заключенныхъ въ ономъ городѣ нашихъ друзей, и спѣшилъ шунъ же на берегу открыть ящикъ; но благоразумный *Такатай-Кахи* меня остановилъ, говоря: „огради свое любопытство разсудкомъ! въ этомъ ящикѣ должны заключаться важныя бумаги отъ нашего Правительства къ вашему.“ — Взявъ отъ меня ящикъ, совершилъ онъ надъ нимъ обрядъ особаго почианія шроекрапнымъ

поднятіємъ на голову, и сказалъ: „все намъ благопрі-
 яшствуетъ; я говорю: намъ; ибо по чувствамъ моимъ, я
 вполнину *Руской*. Весьма хорошо будетъ, естли ты мнѣ
 позволишь опнесши эпомъ ящикъ обратно къ Нача-
 льнику; завтра я не замедлю съ нимъ къ тебѣ возвра-
 щиться: сего требуетъ нашъ обрядъ.“ Въ секунду воз-
 стала въ чувствахъ моихъ борьба сомнѣній, и въ секун-
 ду, не измѣняя вида, рѣшилъ я слѣдовать его совѣту.
 Тогда я распрощался съ нашимъ почтеннымъ *Япон-
 цемъ*, и отдавая ему половину разрѣзаннаго своего бѣ-
 лаго плашка, сказалъ: кто мнѣ другъ, тотъ чрезъ день,
 два и не долѣе шрехъ принесешъ ко мнѣ другую поло-
 вину моего плашка. Твердымъ и увѣрительнымъ голо-
 сомъ отвѣчалъ онъ, что одна смерть можетъ воспре-
 пятствовать ему сіе исполнить. „Не чрезъ день,“ про-
 должалъ онъ, а завтра поутру непременно возвра-
 щусь къ тебѣ на корабль, но позволю моимъ матро-
 замъ со мною опять воропиться въ селеніе.“ Я согла-
 сился на то, а самъ возвращаясь на шлюпъ, приказалъ
 содержать оный къ ночи въ настоящемъ боевомъ
 порядкѣ. — На другой день съ вахты извѣстили меня,
 что видятъ двухъ идущихъ изъ селенія *Японцевъ*, и
 что одинъ машетъ чѣмъ-то бѣлымъ. Я узналъ, что
 это нашъ добрый *Японскій* Начальникъ и немедленно
 послалъ за нимъ шлюпку, на кошорой онъ съ однимъ
 своимъ матрозомъ къ намъ пріѣхалъ и привезъ пріят-
 ния для насъ извѣстія, что по письмамъ, полученнымъ
 изъ *Матсая*, всѣ наши *Рускіе* здоровы, кромѣ *Шшур-*

мана, которой былъ въ весьма опасномъ состояніи, не допускалъ къ себѣ *Японскихъ* лекарей и десять дней не употреблялъ никакой пищи; теперь однакожъ ему сдѣлалось легче. Потомъ въ каютѣ вручилъ онъ мнѣ препровожденное отъ *Кунаширскаго* Начальника изъ *Матсмая* офиціальное письмо или листъ на *Японскомъ* языкѣ съ *Рускимъ* переводомъ, находившіеся въ вышеупомянутомъ ящикѣ. О полученіи сихъ бумагъ я послалъ съ нашимъ добрымъ *Такатаемъ - Кахи* къ главному Начальнику *Кунашира* письмо, и по его совѣту предложилъ нашу готовность итти отсюда со шлюпомъ прямо въ *Хакодаде*, если онъ согласится прислать къ намъ двухъ *Японцевъ*, посредствомъ коихъ можно было по прибытіи въ *Хакодаде* сдѣлать первое съ берегомъ сношеніе. Содержаніе сего письма, *Такатай-Кахи* взялся пересказать Начальнику *Кунашира* и къ вечеру мы его свезли на берегъ. Въ слѣдующій день, не взирая на ненастную погоду, онъ опять пріѣхалъ къ намъ на шлюпъ, и объявилъ мнѣ, что *Кунаширской* Начальникъ признаетъ мое требованіе о двухъ *Японцахъ* для слѣдованія со шлюпомъ въ *Хакодаде* справедливымъ, но не можетъ самъ на это рѣшиться, а пошлетъ объ ономъ съ нарочнымъ къ *Матсмайскому* Губернатору особое донесеніе вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, ибо онъ опровергнулъ слухъ и первое мое письмо, въ день нашего въ *Кунаширъ* прибытія; тамъ находятся, говорилъ онъ, переводчики *Рускаго* языка. Почта, по увѣренію нашего усѣрднаго друга *Такатай - Кахи*, изъ *Кунашира* въ *Матсмай* обращается въ двадцатый день.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствеяхъ я рѣшился дожидаться настоящаго разрѣшенія отъ *Матсмайскаго* Губернатора, коему безъ сомнѣнія мои письма будутъ переведены; слѣдовательно отвѣта его нельзя было не считать особенно для насъ важнымъ. Мы желали съ пользою употребить опредѣленное для ожиданія почты время, вѣрнѣйшимъ описаніемъ всего залива *Излибны*, для чего необходимо нужно было по заливу разѣзжать на гребныхъ судахъ, о чемъ я спрашивалъ у *Кунаширскаго* Начальника позволенія. Но онъ весьма учтивымъ образомъ просилъ нашего друга *Такатай-Кахи* намъ объяснить, что это будетъ прошивно предписаніямъ, и объявилъ, чтобъ наши шлюпки ни подъ какимъ видомъ никуда далѣе рѣчки не ѣздили, и то на прежнемъ условіи. Мы принуждены были остаться довольными, что по крайней мѣрѣ отказъ сдѣланъ былъ учтивымъ образомъ. Между тѣмъ почтенный *Такатай-Кахи*, искренно участвовавшій въ нашемъ положеніи, не преспавалъ навѣщать насъ чрезъ каждые три дни. Добрые его мапрозы иногда приносили намъ отъ имени его небольшое количество свѣжей рыбы, которая всегда раздѣлялась поровну на всю команду. Въ уплату за нее строго приказалъ Начальникъ никакой вещи на берегъ отъ насъ не привозить и всегда извинялся скуднымъ промысломъ; что и дѣйствительно было такъ, ибо во все время доставлено было къ намъ не болѣе семнадцати рыбъ.

Сии свиданія происходили слѣдующимъ образомъ,

и каждый его прїѣздъ почишаемъ былъ нами днемъ праздника:

Первое было 14 числа Іюля; при семъ посѣщеніи, дружески съ нимъ бесѣдуя, сказалъ я ему, что прочитавъ нѣсколько разъ со вниманіемъ *Матсмайской* листъ, весьма много удивляюсь, что въ немъ ничего не упоминается о важномъ прошлогоднемъ происшествіи, по какимъ причинамъ мы овладѣли его судномъ и самого его увезли съ собою въ *Камгатку*; въ скорости онъ отвѣчалъ, что также не менѣе моего сему удивляется, и даже называлъ такое со стороны ихъ Правительсва упущеніе чудомъ: многозначащимъ по *Японски* словомъ (*фуссинги*!) но послѣ долгаго размышленія возобновилъ разговоръ, сказавъ: „Нѣтъ! неправильно я называлъ оставленный безъ замѣчанія нашимъ Правительствомъ, прошлогодній вашъ непріятельской со мною поступокъ, *фуссинги*! По нашимъ законамъ вы въ правѣ были воински дѣйствовать, когда извѣстили васъ о смерти вашихъ плѣнныхъ; даже, еслибы вы меня и многихъ людей на суднѣ убили, то и тогда бы наше Правительсво, расположившись къ дружескому, какъ теперь, объясненію, не высказалобъ сего на видъ; при томъ же я сегодня, разговаривая объ этомъ съ главнымъ Начальникомъ, узналъ, что *Городзій* васъ такимъ извѣщеніемъ не обманулъ; а бывший прошлаго года здѣсь главный Начальникъ, который и теперь шутъ же находишься, дѣйствительно сдѣлалъ ему такой отвѣтъ, что всѣ ваши убиты, самъ же, бывъ воспаленъ гнѣвомъ и мщеніемъ за учиненныя *Хвостовымъ* оскорбленія,

непріятельскими его поступками, желалъ съ вами сразиться, и съ неперпѣніемъ ожидалъ шой минушы, когда вы сдѣлаете приступъ къ нападенію на селеніе. Весь гарнизонъ, состоявшій изъ *Японцевъ* (болѣе шрехъ сотъ человекъ) поклялся умереть подъ ружьемъ; они погребли себя заживо воинскимъ обрядомъ, отрѣзавъ каждый у себя клокъ волосъ, которые всѣ были уложены въ особой ящикъ въ бумажныхъ свипкахъ съ именемъ cadaго изъ нихъ, и въ гошовности опправить оный въ *Матсмай* при первомъ вашемъ движеніи напастъ на селеніе. Знаю и вашу рѣшимость, продолжалъ онъ, кровопролитіе было бы страшное; а превосходство вашей артиллеріи даровало бы вамъ побѣду; но побѣду кратковременную; чудеснымъ бы только промысломъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ васъ избѣжали смерти, ибо *Японцы*, узнавъ изъ опытовъ по поступкамъ людей, съ *Хвостовымъ* бывшихъ, сколь падки ваши люди къ водкѣ, приготовили положить въ оную ядъ.“

Побесѣдовавъ довольно долго, онъ объяснилъ намъ, что Начальникъ много сожалѣетъ, не имѣя прислать ничего хорошаго, употребляемаго нами въ пищу. Хотя еще не настало для рыбной ловли время, однако онъ сегодня опправилъ двѣ лодки оную промышлять; самъ *Такатай-Кахи* общался съ удачною ловлею прѣхашъ, не внимая нашимъ прозьбамъ, что это будетъ лишнее для него безпокойство. „Нелишнее, отвѣчалъ онъ, первая вещь по нашему госшепріимному обычаю доставляется лично друзьямъ, каковыми васъ я имѣю удовольствіе признавать.“ Простившись съ нами, поѣхалъ

онъ на берегъ къ рѣчкѣ, откуда ходилъ пѣшкомъ до селенія по крайней мѣрѣ версты двѣ.

На другой день, по причинѣ дурной погоды, онъ къ намъ не возвращался; за тѣмъ въ слѣдующій день 16 числа прибрелъ весьма рано ушромъ, такъ, что, часовые увидѣли его не прежде, какъ уже онъ находился у рѣчки во ожиданіи гребнаго нашего судна, что меня весьма много огорчило. По прибытіи его на шлюпъ, я передъ нимъ извинялся, что заставили его нѣкоторое время дожидаться; ибо мы никакъ не воображали, что онъ такъ мало цѣнилъ свой покой. Онъ откровенно мнѣ признался, что такая невнимательность для него была чувствительна. „Съ самаго выхода изъ селенія, говорилъ онъ, я идучи по берегу не преспаивалъ махашъ бѣлымъ плашкомъ, и естълибъ еще не много вы замедлили прислать шлюбку, я намѣренъ былъ возвратиться. — (Спарикъ былъ чрезвычайно честнлюбивъ, надобно было при немъ часовыхъ побранишь). Ты удивляешься, что я такъ рано поднялся; отъ сего также и Начальникъ меня отклонялъ, но мнѣ должно было сдержашъ свое слово; вчерашній день для меня былъ самый непріятнѣйшій. Прождавъ до самаго вечера возвращенія рыбаковъ, мнѣ уже поздно было къ вамъ идти. Я не могъ покойно спать, нарушивъ свое обѣщаніе; всталъ до свѣту, съ поспѣшностію напился одного только чаю и отправился изъ селенія со всѣмъ вчерашнимъ промысломъ, состоящимъ, какъ ты видишь, изъ 14 только рыбъ. Я буду имѣть сегодня удовольствіе

вмѣстѣ съ шобою ѣсть свѣжую рыбу, которой мнѣ еще не удавалось на берегу опрѣдѣлить.“ Какое усердіе оказывалъ намъ почтенный *Такатай-Кахи*! возблагодарить за оное я не имѣлъ способвъ, а довольствовался сказать ему: „ты мнѣ другъ и мы другъ друга разумѣемъ.“ Обѣдъ былъ изготовленъ ранѣе обыкновеннаго; ибо онъ часто поговаривалъ, что у него хорошій аппетитъ. Онъ сѣлъ съ нами вмѣстѣ за столъ: рыба съ простою *Японскою* чисто сваренною крупкою, была первымъ и послѣднимъ блюдомъ. Онъ ѣлъ необыкновенно много. Я также давно не ѣдалъ такой вкусной рыбы, приправленной, вмѣсто всѣхъ соусовъ, чистѣйшею *Японскою* дружбою достойнаго *Такатай-Кахи*; по окончаніи обѣда пили за здоровье добраго Начальника; къ вечеру прежнимъ порядкомъ опхвели его на берегъ.

18 числа онъ опять къ намъ пожаловалъ для одной только дружеской бесѣды, жалуясь на большую на берегу скуку и на худое содержаніе опъ Коммисіонера компаніи купцовъ, имѣющихъ сей островъ на опкупъ, гдѣ онъ имѣлъ кварширу. По своему независимому духу, это его чрезвычайно огорчало: онъ не могъ вытерпѣть, чтобъ не выговорить о семъ Коммисіонеру и съ нимъ поссорился; выпросилъ у Начальника 30 человекъ *Курильцовъ* и лѣсу; построилъ себѣ досчатый особый домикъ, гдѣ, по его словамъ, со своими двумя малпрозами помѣстился весьма покойно и съ великимъ торжествомъ говорилъ, что онъ теперь живетъ славно; о Коммисіонерѣ и компанейскихъ дѣлахъ пересказывалъ съ презрѣніемъ и заключилъ крашкимъ *Японскимъ* изрече-

ніемъ: *лице надлибное, а денегъ нѣтъ*. 20 Іюля извѣстили меня, что видяшъ идущаго изъ селенія нашего *Тайшо*: подѣ симъ именемъ онъ болѣе былъ извѣстенъ всѣмъ махрозамъ. На *Японскомъ* языкѣ слово: *Тайшо* означаетъ командировъ; съ самаго начала онъ меня такъ назвалъ, почему я сдѣлалъ ему такую же учтивость и съ тѣхъ по порѣ мы спали другъ друга величашъ *Тайшо*. Скорое такое прежде условнаго срока возвращеніе я приписалъ одной только его скукѣ. Я даже не изъяснилъ удивленія, что онъ такъ скоро къ намъ возвратился; мы сошли вмѣстѣ въ каюшу; онъ, сѣвши подлѣ меня на спулѣ, началъ вынимать изъ за пазухи бумагу, оговариваясь съ видомъ, непредвѣщающимъ ничего особеннаго. Сей часъ, говорилъ онъ, привезли изъ *Матсма* сіе письмо незапечатанное; на немъ, кажешся, *Руская* надпись. Лейтенантъ *Филатовъ*, подлѣ насъ стоявшій, подсматрѣвъ внизъ подписью въ рукахъ *Тайшо* обращенное письмо, съ восторгомъ воскликнулъ: рука *Василья Михайловича!*“ Сраженный столь неожиданною радостію, я въ молчаніи беру отъ друга моего *Тайшо* письмо, признаю руку *Г. Головнина*, по наружной величинѣ онаго думаю найши пространное описаніе двухъ лѣшняго его заключенія, и развернувъ вижу только три слѣдующія строки: „Мы всѣ, какъ офицеры, такъ махрозы и *Курилецъ Алексѣй*, живы и находимся въ *Матсма*. Мая 10 дня 1813 года.

Василій Головнинъ
Федоръ Муръ.

Сии радостныя спроки, освободившія насъ отъ всякаго сомнѣнія о дѣйствительномъ пребываніи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ въ *Матсмаб*, прочитаны были мною на шканцахъ всей командѣ. Къ лучшему удостовѣренію многіе изъ служителей сами читали ихъ и признали руку обожаемаго своего Начальника, за что съ восклицаніемъ изъявили искреннюю благодарность почтенному *Такатаю-Кахи*. Всей командѣ дано было выпить по цѣлой чаркѣ водки за здоровье шѣхъ друзей, которыхъ въ прошломъ лѣтѣ мы почитали убитыми, и всѣ гошопы были на шѣхъ берегахъ окончить и свою жизнь.

При семъ случаѣ *Тайшо* сообщилъ мнѣ и свою великую радость. Онъ получилъ отъ сына своего изъ *Хакодаде* письмо и вопшъ какимъ страннымъ образомъ Начальникъ ему оное доставилъ: по *Японскимъ* законамъ всякой подданной, возвратившійся изъ чужаго Государства, не можетъ ни съ кѣмъ имѣть никакого сообщенія. Начальникъ острова призвалъ его къ себѣ, отдавъ наше письмо для доставленія намъ; а его письмо, онъ, прохаживаясь по комнатамъ будпо нечаянно выронилъ изъ кармана, какъ простую бумагу и не обративаясь назадъ, далъ время и случай *Такатаю-Кали* оное поднять; умный *Тайшо* поспѣлъ догадаться и нимало не затрудняя Начальника, поднялъ письмо и положилъ къ себѣ въ карманъ. Въ ономъ письмѣ сынъ извѣщалъ его о весьма выгодныхъ пріобрѣтеніяхъ по коммерческимъ его дѣламъ. Къ числу десяти его судовъ построено еще два большихъ. Мать его и любезная *Тайши* супруга, о жизни коей въ *Каматкѣ* онъ сомнѣвался,

живы; но удрученная печалію супруга сдѣлала обѣтъ опираться на поклоненіе по всей *Японіи* къ знаменитѣйшимъ угодникамъ; въ сіе пилигримство она вскорѣ по полученіи извѣстія о несчастіи его, вступила и теперь совершаетъ. Одинъ богатый человѣкъ, вѣрный его другъ, коль скоро получилъ печальную объ немъ вѣсть, все свое имѣніе роздалъ бѣднымъ и сдѣлался нусыинникомъ, скрывшись въ отдаленныя горы. — Какой примѣръ истиннаго дружества! — Просвѣщенные *Европейцы*! Вы почитаете *Японцевъ* коварными, злыми и мстительными, чуждыми сладчайшихъ чувствъ дружества; — нѣтъ! вы заблуждаетесь. Въ *Японіи* есть люди, достойные имени человѣка во всемъ смыслѣ сего благороднаго названія, и великія національныя добродѣтели, коимъ подражаніе не сдѣлаешь намъ стыда; а паче доставишь большую похвалу. Я сказалъ доброму *Кахи*: ты, богатѣйшій человѣкъ; ибо имѣешь такого друга. — „Да, отвѣчалъ онъ, „я щасливъ, имѣя двухъ друзей.“ — Двухъ! примолвилъ я, какое множество! Сія мысль чрезвычайно ему понравилась. Въ томъ же письмѣ упомянуто, что во многихъ церквяхъ друзья его совершали нѣсколько дней особаго служенія о благополучномъ его возвращеніи. Сынъ заключаетъ свое письмо тѣмъ, что какъ онъ былъ предметомъ разговоровъ по всей почти *Японіи*, то общее мнѣніе всѣхъ было, что, ежели Богъ сохранитъ его жизнь въ *Россіи*, онъ непременно будетъ возвращенъ, и для *Японіи* послѣдуютъ ща-

спливыя перемѣны. Утверждаясь на семъ мнѣніи, онъ не сомнѣвался о его прибытіи въ *Кунаширѣ* и отправилъ заблаговременно письмо, долженствующее много его утѣшить. Этого дня былъ для меня наипріятнѣйшимъ въ жизни. При отъѣздѣ нашего *Японскаго* друга на берегъ, команда изъявила желаніе прокричать ему: ура! Что и было съ восторгомъ исполнено.

26 Іюля *Такатай - Кахи*, по приѣздѣ на шлюпкѣ, уведомилъ насъ паршикулярно, что изъ *Матсмая* пришла почта и въ отвѣтъ на наше письмо ѣдитъ сюда на Императорскомъ суднѣ первый по *Матсмайскому* Губернаторъ Начальникъ; при немъ *Курилцѣ Алексѣй* и одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ *Русскихъ*. По мнѣнію *Такатай-Кахи* нашъ *Руской* не могъ быть офицеръ, какъ мы было всѣ заключили, а вѣрно матрозъ. По времени отправления судна изъ *Матсмая*, ему должно было сегодня или завтра сюда придти. Черезъ нѣсколько часовъ было усмотрѣно, что оно приближается къ заливу *Такатай-Кахи* призналъ его, по красному шарообразному знаку на парусѣ, судномъ Императорскимъ. Корпусъ его былъ весь выкрашенъ красною краскою; борды завѣшены полосатою матеріею, на кормѣ развѣвались три флага, каждый съ особеннымъ изображеніемъ; въ кормовой же части утверждены были четыре большія пики съ какими то чернѣющими на вершинахъ перевязками (по числу такихъ пикъ въ *Японіи* познается чинъ того, передъ кѣмъ ихъ несутъ); изъ селенія на встрѣчу Императорскому судну выѣзжали

байдары подъ флагами; каждая байдара подавала особой свой буксиръ и всѣ рядомъ буксировали оное судно къ селенію. При наступленіи шемношъ нельзя намъ было замѣшить, какая на берегу сдѣлана была церемоніальная встрѣча прибывшему Начальнику. *Такатай-Кахи*, уѣзжая на берегъ, далъ вѣрное слово завтра къ намъ побывать и объявить намъ, по какой причинѣ пріѣхалъ сюда Начальникъ.

Въ слѣдующій день увидѣли мы его идущаго вдвоемъ. Самаго *Такатай-Кахи* мы пошчасъ узнали, по привязанному къ его саблѣ бѣлому плашку. Въ разсмаприваніи другаго шакже недолго запруднялись: какъ они шли рядомъ, то высокій его ростъ по временамъ совсѣмъ заслонялъ отъ нашихъ взоровъ *малорослаго* нашего; но *великаго* друга *Такатай-Кахи*. Всѣ сказали, что идетъ одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ мапировъ. Здѣсь я не могу не описать той прогашельной сцены, копорая происходила при встрѣчѣ нашихъ мапировъ съ появившимся между ими изъ *Японскаго* плѣна шоварищемъ. Въ это время часъ нашей команды у рѣчки наливала бочки водою. Нашъ плѣнный мапиръ все шелъ вмѣстѣ съ *Такатаемъ-Кахи*, но когда онъ спалъ сближашься съ усмопрѣвшими его на другой споронѣ рѣчки *Русскими*, между коими вѣрояшно началъ распознавать своихъ прежнихъ шоварищей, то сдѣлалъ къ самой рѣчкѣ шри большіе шага, какъ надобно воображать, давленіемъ сердечной пружины, и оставилъ по крайней мѣрѣ въ девяти хорошихъ *Японскихъ* шагахъ нашего *малорослаго Такатай-Кахи*. Тогда всѣ наши мапировы, на

прошивной споронъ рѣчки стоявшіе, въ изумленіи нарушили черпу нейспралишеша и бросились чрезъ рѣчку въ бродъ обнимать своего шоварища по *Христіански*. Бывшій при работѣ на берегу офицеръ меня увѣдомилъ, что долго не могли узнать нашего плѣннаго машроза: шакъ много онъ въ своемъ здоровѣ перемѣнился! Подлѣ самой уже рѣчки всѣ воскликнули: *Симоновъ!* (шакъ его звали) онъ, скинувъ шляпу, кланялся, оставался безмолвнымъ и привѣспивовалъ своихъ шоварищей крупными слезами, кашившимися изъ большихъ его глазъ. Сія прогашельная сцена была возобновлена, когда онъ пріѣхалъ на шлюпъ. Я первый, съ нимъ поздоровавшись спросилъ шольво о здоровѣ всѣхъ оставшихся нашихъ плѣнныхъ въ *Матсмаѣ*. Онъ ошвѣчалъ: „Слава Богу, живушъ, хошя не шакъ здоровы, особенно Шшурманъ опасно болѣнъ!“ Долѣ удовлетшворяшъ любопытству распрашиваніемъ о моемъ другѣ *Васильѣ Михайловичѣ Головинѣ* я не смѣлъ, видя съ какимъ нештерпніемъ команда желала его принять въ свои дружескія объятія.

Съ пріѣхавшимъ на шлюпъ почтеннымъ *Такатаемъ Каки*, сошелъ я въ каюшу. Онъ объявилъ мнѣ, что прибывшій въ *Кунаширѣ* первой по *Матсмайскому* Губернашорѣ Чиновникъ *Такахаси-Сампей* поручилъ ему сообщить мнѣ особые пункшы; вынулъ памяшную свою книжку и прочелъ слѣдующее: „*Такахаси-Сампей* свидѣшельствуетъ свое почитаніе *Камгатскому* Начальнику и извѣщаетъ его, что въ слѣдствіе полученнаго отъ него въ *Матсмаѣ* писъма, *Обуныо-Самы* (Губернашоръ) предписалъ ему поспѣшнш ошправлені-

емъ въ *Кунаширѣ*, куда прибылъ на *Россійскомъ* военномъ кораблѣ *Каматскій* Начальникъ, для изъясненія къ такому высокому званію должнаго вниманія и сообщенія предварительныхъ пунктовъ по предмету освобожденія всѣхъ *Русскихъ*. *Такахаси-Сампей*, почувшамъ своимъ, крайне сожалѣлъ, что *Японскіе* законы не позволяють ему имѣть въ здѣшнемъ мѣстѣ личныхъ съ *Каматскимъ* Начальникомъ переговоровъ. Принимая большое участіе въ трудахъ, коимъ офицеры и команда *Россійскаго* военного корабля подвергаются въоруженнымъ приходомъ къ острову *Кунаширу* для освобожденія своихъ соотечественниковъ, и соболѣзнуя о случившемся съ ними непріятномъ происшествіи, привезъ онъ съ собою, съ позволенія *Матсумайскаго*, *Обицъ*, одного изъ плѣнныхъ *Русскихъ*. Для лучшаго обо всемъ удостовѣренія своихъ соотечественниковъ, ему позволено каждодневно навѣщать *Россійской* корабль съ условіемъ возвращаться къ ночи въ селеніе. *Такахаси-Сампей* проситъ *Каматскаго* Начальника принять избраннаго для переговоровъ довѣреннаго *Таката-Кахи*, представляющимъ его лице, ибо онъ объявилъ, что свободно объясняется съ *Каматскимъ* Начальникомъ. — За симъ слѣдовали офиціальныя пункты.

г. Согласно съ нашимъ офиціальнымъ листомъ доставить *Японскому* Правленію свидѣтельство за подписаніемъ также двухъ Начальниковъ съ приложеніемъ печатей, почто ли *Хвостовъ* производилъ безъ вѣдома и согласія *Россійскаго* Правительства законопрошив-

ные поступки на *мохнатыхъ Курильскихъ* островахъ и *Сахалинѣ*.

2. Извѣстно, что *Хвостовъ*, непріязненнымъ дѣйствіемъ въ селеніяхъ нашихъ, нарушилъ спокойствіе народа, присвоивъ себѣ право воспользоваться пшеномъ и разными поварями, принадлежавшими частнымъ людямъ и все собранное имъ имущество привезъ въ *Охотскъ*; въ числѣ коихъ находилась и наша воинская аммуниція, состоявшая изъ лашъ, стрѣлъ, ружей и нѣсколькихъ пушекъ. О первыхъ вещахъ, *Хвостовымъ* взявшихъ, *Японское Правительство* заключаетъ, что онъ долговременности пришли въ совершенную негодность; но послѣднія по свойству своему не могутъ подвергнуться совершенной порчѣ и быть включены въ смыслъ такого заключенія, какъ первыя; слѣдовательно онѣ должны быть *Японскому Правительству* возвращены: ибо въ послѣдствіи времени такія вещи могутъ представлять профей, какъ будто по праву завоеванія онъ насъ *Россіи* доставшіяся; какъ оныя онъ употребленія не могутъ скоро повредиться, то можетъ быть онѣ въ самомъ *Охотскѣ* теперь и не находясь. Собравъ же ихъ изъ разныхъ мѣстъ, хотя возможно было, но по причинѣ затрудненій въ пересылкѣ изъ отдаленныхъ мѣстъ, *Японское Правительство* по скорости перепешнихъ обстоятельствъ останетъ довольнымъ, еслии онъ *Охотскаго Начальника* доставивша особое свидѣтельство, что никакихъ вещей, *Хвостовымъ* съ *Мохнатыхъ*

острововъ и *Сахалина* привезенныхъ теперь по спро-
гому изысканію въ самомъ *Охотскѣ* не находится.

Нужно здѣсь замѣтить, съ какою тонкостью и
учтивостію, *Японское* Правленіе намѣкаетъ (въ про-
стомъ даже мною предложенномъ смыслѣ, а на *Япон-
скомъ* языкѣ конечно сіе выражено въ превосходной
степени), что имъ все извѣстно о тѣхъ возвратившагося
Японца Леонзайма, какимъ образомъ поступлено съ
ихъ увезеннымъ *Хвостовымъ* имуществомъ.

3. Относительно случившагося въ прошломъ лѣтѣ
непріятнаго происшествія, упоминаемаго въ письмѣ
Камгатскаго Начальника, дается знать, что принявъ
въ уваженіе тогдашняго обстоятельства, поступокъ
Начальника *Россійскаго* военного корабля, по нашимъ
законамъ признанъ былъ о тѣхъ *Японскаго* Правленія
справедливымъ и потому въ офиціальномъ нашемъ ли-
стѣ ничего объ немъ не упоминается, а о томъ,
что *Японскій* Начальникъ судна *Такатай-Кахи* уве-
зенъ былъ въ *Камгатку* противъ его воли, *Японское*
Правленіе не знаетъ, ибо въ полученномъ тогда же
изъ *Кунашира* о тѣхъ *Фнамохъ Такатай-Кахи* письмен-
номъ объявленіи упоминается, что онъ согласно со сво-
имъ желаніемъ отправляется на *Россійскомъ* воен-
номъ кораблѣ въ *Камгатку* съ четырьмя своими маш-
розами и однимъ *мохнатымъ Курильцемъ*, копо-
рыхъ Начальникъ *Россійскаго* военного корабля взялъ
силою.

4. Въ заключеніе всего *Такахаси-Салией* на-
дѣется, что нынѣшняго же года *Россійскому* военному

кораблю возможно будетъ съ пребуемыми *Японскими* Правленіемъ свидѣтельствомъ и объясненіями, возвратишься изъ *Охотска* въ *Хакодаде*, гдѣ онъ и другой на листѣ подписавшійся Начальникъ *Коодзимо-Хіогороо* будутъ ожидать *Клигатскаго* Начальника, для принятія отъ него оныхъ свидѣтельствъ и объясненій лично, съ должными по нашимъ законамъ обрядами, увѣряя о непреложномъ нашемъ обѣщаніи просишь въ *Эддо* возвращенія всѣхъ плѣнныхъ *Русскихъ*, при изъясненіи теперъ искренняго желанія *Россійскому* военному кораблю благополучнаго плаванія и скорого въ *Хакодаде* возвращенія. Симъ окончалъ почтительный *Такатай-Кахи* возложенное на него по особой довѣренности порученіе; а я, будучи во все время провожимъ величайшимъ нешерпѣніемъ поговорилъ наединѣ съ нашимъ плѣннымъ матрозомъ, вышелъ тотчасъ въ особую каюпу, куда былъ введенъ и матрозъ. Онъ, осматрѣвшись, что насъ только двое, началъ порошъ свой воротникъ и вынулъ опшуда въ нѣсколько разъ искусно свернутый кругомъ исписанный тонкій *Японскій* листъ бумаги, подалъ мнѣ оный и сказалъ: „вошъ вамъ письмо „отъ *Василья Михайловича*, которое удалось мнѣ „скрыть отъ хитрыхъ *Японцевъ*. Въ немъ описаны „ши страданія и совѣты, какъ вамъ должно съ ними „поступать.“ Принимая отъ него сіе, казавшееся для меня одушевленнымъ, письмо, я нѣсколько разъ глазами пробѣжалъ всѣ строки; но отъ неизъяснимаго волнованія души, происходившаго часпю отъ боязни узнать что нибудь ужасное, и отъ воспора, порожден-

наго такою неожиданностію не могъ ничего прочиташъ; пущъ же приложены были маленькіе лоскутки бумагъ, удивительно, какъ мѣлко исписанные *Г. Хлббниковымъ*. Немного успокоившись, я все прочиталъ, и обрадовался усмотрѣвъ, что несчастные питаются нѣкоторою надеждою о возвращеніи въ свое отечество.

Вотъ точная копія съ письма *Г. Головинна*.

„Любезнѣйшій другъ *П. И.* Кажется *Японцы* начинаютъ понимать всю истину нашего дѣла, и увѣряются въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ нашего Правительсва, а также и въ томъ, что поступки *Хвостова* были самовольны безъ вѣдома Начальства и къ большому неудовольствію Государя; но имъ нужно на сіе формальное увѣреніе отъ начальника какой нибудь нашей Губерніи или области, съ приложеніемъ казенной печати. Есть надежда, что они, увѣрившись въ хорошемъ къ нимъ расположеніи *Россіи*, войдутъ съ нами въ торговыя связи, ибо теперь они начали понимать бездѣльные поступки *Голландцевъ*: мы имъ сказали о письмѣ, перехваченномъ *Англичанами*, въ которомъ *Голландскіе* переводчики хвастаются, что успѣли въ *Нагасаки* поссорить *Резанова* съ *Японцами*; но если станете съ *Японцами* сноситься, то будьте осторожны и не иначе переговаривайтесь, какъ на шлюпкахъ далѣе пушечнаго выстрѣла отъ берега; при томъ не огорчайтесь медленностію *Японцевъ* въ рѣшеніяхъ и отвѣсахъ; мы знаемъ, что у нихъ и свои неважныя дѣла, которыя въ *Европѣ* кончили бы въ день или въ два, шлюшся по мѣсяцу и болѣе; вообще же я вамъ совѣтую не выпускать изъ виду 4 главныхъ

вещей: имѣшь осторожность и терпѣніе, наблюдать учтивость и держаться опікровенности.

Опѣ благоразумія вашихъ поступковъ зависить непомно наше избавленіе, но и немалая польза для отечества; я надѣюсь, что шепершнее наше нещасіе можетъ возвратишь *Россіи* ту выгоду, кошорую она пошеряла опѣ бѣшенана нрава и безразсудности одного челоука; но естѣли паче чаяніа, дѣла возмуть другой оборотъ, то какъ можно вѣрнѣе, подробности и обстоятельнѣе отберише мое мнѣніе по сему предмету опѣ посланнаго мапроза и доставьше оное Правительству; обстоятельства не позволили посланнаго обременить бумагами, и пошому мнѣ самому на имя Миниспра писашъ нельзя; но звайше, гдѣ честь Государа и польза отечества шребуюшъ, шамъ я жизнь свою въ копѣйку не спавлю, а пошому и вы въ шаконъ случаѣ меня не должны щадить: умереть все равно, шеперь или лѣпѣ черезъ 10 или 20 послѣ; по моему мнѣнію также все равно, бышь убишу въ сраженіи, или опѣ злодѣйской руки; упонуть въ морѣ или покойно умереть въ постелѣ, смерть все одна смерть, шолько въ разныхъ видахъ. Прошу тебѣ, любезной другъ, написашъ за меня къ моимъ братьямъ и друзьямъ; можешъ бышь, мнѣ еще опредѣлила судьба съ ними видѣться, а можешъ бышь нѣшъ; скажи имъ чшобы въ семъ послѣднемъ случаѣ они не печалились и не жалѣли обо мнѣ, и чшо я имъ желаю здоровья и щасніа.—Еще прошу тебѣ, ради Бога, не позволяй никому къ намъ писашъ и ничего не посылай, чшобы намъ здѣсь не докучали переводами и вопросами,

а напиши ко мнѣ самъ о вашемъ рѣшеніи маленькое письмо. Посланному маэпрозу прошу тебя изъ оставшагося послѣ меня имѣнія выдать 500 рублей (1). Товарищамъ нашимъ Гг. Офицерамъ мое усерднѣйшее почтеніе, а командѣ поклонѣ; я очень много чувствую и благодарю всѣхъ васъ за великіе труды, которые вы принимаете для нашего освобожденія Прощай, любезный другъ П. И. и вы всѣ любезные друзья; можетъ быть это послѣднее мое къ вамъ письмо, будьте здоровы, покойны и счастливы, преданный вамъ

Василій Головинѣ.

Апрѣля 10 1813 года.

Въ городѣ Хакодаде

въ Японской шюрѣ.

Въ семь писемъ Г. Головинѣ совѣщывалъ мнѣ не полагаться на сомнительную искренность Японцевъ; а сверхъ того онъ наставлялъ маэроза пересказать мнѣ о всѣхъ содѣлавшихся ему извѣстными средствахъ, какъ при непріязненномъ оборотѣ дѣлъ поступать противу Японцевъ; но добродушный нашъ маэрозъ споль много былъ расстроганъ отъ восторга, увидѣвъ себя перенесеннымъ изъ шюрѣ къ своимъ сослуживцамъ, что онъ во все время казался бытъ полоумнымъ; сколько я ни старался заставить его пересказать мнѣ сдѣланное ему Г. Головинѣ наставленіе, онъ всегда ошибчалъ одно и тоже:

---

(1) Г. Головинѣ полагалъ, что Симоновѣ при семъ случаѣ совершенно будетъ освобожденъ и возвратится въ отечество.

„о чемъ вы меня спрашиваете, когда въ письмѣ *Василія Михайловича* все описано,“ и самъ, какъ ребенокъ, заливаясь слезами, безпрестанно твердилъ: „изъ *Японской* тюрьмы я вышелъ одинъ; а тамъ нашихъ 6 человѣкъ спрадаютъ. Я боюсь, продолжалъ онъ, что естли я къ нимъ скоро не возвращусь, чтобъ хитрые *Японцы* не поступили съ ними худо.“ Таковъ былъ прямо добрый, но весьма глупый нашъ вѣспникъ. Имѣя *Таката* - *Кахи* испытаннымъ въ вѣрности для нашего дѣла посредникомъ, я опираясь на благородную его грудь, какъ на твердую скалу, не имѣлъ надобности ограждать себя излишнею прошиву *Японцевъ* оспорожностію; а потому и самое письмо *Г. Голонина* мнѣ было полезно токмо въ томъ, что изъ онаго я совершенно узналъ, чего *Японское* Правительство требуетъ отъ нашего, что безъ сомнѣнія было весьма важнымъ для насъ приобрѣщеніемъ. Удовлетворивъ своему любопытству распросами о настоящемъ положеніи нашихъ все еще несчастныхъ сослуживцевъ, къ вечеру усерднаго нашего друга *Таката-Кахи* и добраго машроза свезли на берегъ. Перваго просилъ я сообщить въ отвѣтъ *Такахаси-Сампею*, что завтра же, естли позволитъ вѣпръ, *Россійской* корабль отправится въ *Охотскъ*, и что мы не замедлимъ нашимъ приходомъ нынѣшняго же лѣта въ *Ханодаде* со всѣми требуемыми *Японскими* Правленіемъ свидѣтельствами и объясненіями. Въ особенноти просилъ я его изъяснить общую нашу чувствительную призывательность *Такахаси-Сампею* за хорошее его къ намъ расположеніе, и

особенно за доставленіе свиданія съ нашимъ плѣннымъ машрозомъ.

На другой день, 9 числа Іюля, мы съ ними совсѣмъ распрощались. При семъ случаѣ *Такатй - Кахи* привезъ для команды приспа рыбъ. Мнѣ весьма было прискорбно, что онъ изъ предлагаемыхъ нами ему въ подарокъ вещей не принялъ ничего, кромѣ небольшого количества головного сахара, чаю и *Французской* водки; даже все свое, довольно дорогое имущество оставилъ онъ у насъ на моемъ попеченіи, говоря, что въ *Хакодаде* мы съ нимъ вскорѣ опять увидимся. — „Тамъ, говорилъ онъ, безъ всякаго препятствія я буду имѣть щастіе получить отъ васъ въ знакъ дружбы предлагаемые мнѣ теперь подарки, а здѣсь, по нашимъ законамъ, много мнѣ будешь затрудненія отдавать отчетъ въ каждой маловажной, отъ васъ полученной вещи.“ На это я ему отвѣчалъ: „въ принятіи подарковъ я не смѣю настаивать по законамъ вашей земли; но собственность свою ты долженъ отъ насъ взять, ибо тебѣ извѣстно, что путь моремъ подверженъ ежечасной опасности.“ „Какъ! возразилъ онъ, при такомъ явномъ посредствѣ Небесъ, можно тебѣ объ этомъ тревожиться? *Цисей, Цисей Тайшо*,“ сказалъ онъ съ весьма выразительнымъ видомъ, т. е. малодушіе, малодушіе, Начальникъ! много еще оспаривается для плаванія благопріятнаго времени, при томъ вы, продолжалъ онъ, люди мудрые, умѣете смотрѣть на небо (т. е. дѣлать Астрономическія наблюденія); о чѣмъ же ты безпокоишься? Твой видъ мнѣ не нравится; ты, какъ я вижу, озабоченъ не мо-

ею ничтожною собственностію, о которой мое намѣреніе было просить у тебя позволенія раздать теперь твоимъ мапрозамъ; но видя тебя встревоженнымъ, безъ сомнѣнія ошъ того, что ты не имѣешь надежды нынѣшняго дѣла окончатъ дѣла съ успѣхомъ, я долженъ заключить, что твои мапрозы, все еще неимѣющіе ко мнѣ полной довѣренности, дѣйствительно подумаютъ, что я раздаю имъ свои вещи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ болѣе уже съ ними не видашься, и такъ оставимъ всѣ сіи бездѣлицы до щасливаго нашего свиданія въ *Хакодаде*; *Тенѣ Тайшо!*“ Это по нашему словарю значило: надѣйся на Бога, Начальникъ. Проницательный и благородный *Кахи* дѣйствительно не ошибся въ своихъ заключеніяхъ. Читай самъ можешь постигнуть, что я имѣлъ причины тревожиться. Проводивъ его на берегъ, и не взирая на проливной вѣтръ, мы тотчасъ снялись съ якоря, чтобъ выйти въ пространство залива. Перемѣнившійся вскорѣ вѣтръ, позволилъ намъ безпрепятственно продолжатъ предпріятый путь; чрезъ 15 дней самаго пріятнаго и благополучнаго плаванія прибыли мы къ *Охотскому* порту и стали на якорь.

Объ успѣшной нашей къ *Японскимъ* берегамъ кампаніи и обо всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ извѣстилъ я *Олутскаго* портоваго Начальника. Вскорѣ получилъ я ошъ него требуемое *Японскимъ* Правительствомъ свидѣтельство и особо присланное ошъ *Г. Иркутскаго* Губернатора, дружественное письмо къ *Матсмайскому* Губернатору съ объясненіемъ всѣхъ дѣлъ, относящихся къ сему предмету. Сверхъ того, для переводовъ съ *Япон-*

скаго языка поступилъ на шлюпъ присланный изъ Иркутска Японецъ Киселевъ.

На Охотскомъ рейдѣ простояли мы 18 дней, занимаясь въ сіе время перевозкою изъ порта нужныхъ морскихъ провизій и другихъ вещей, исправленіемъ нѣкоторыхъ частей шлюпа, примѣшнымъ образомъ повредившихся. 11 Августа, бывъ совсѣмъ готовы къ отплытію въ третій разъ къ Японскимъ берегамъ, съ лестною надеждою при Божей помощи совершивъ освобожденіе нашихъ несчастныхъ сослуживцевъ, помятыхъ въ заповѣніи, отслужили мы на шлюпѣ молебенъ съ водоосвященіемъ и во время провозглашенія многолѣтія Его Императорскому Величеству, сдѣланъ былъ со шлюпа салютъ изъ всѣхъ орудій, коихъ звуки опозвались въ душѣ каждаго изъ насъ и усугубили вѣрноподданническую любовь ко Всемилостивѣйшему Монарху Благословенному Александру, опечески пекущемуся о каждомъ изъ его подданныхъ, несчастному жребію подпавшемъ, въ то время, когда успроеніе участи всей Европы было важнѣйшею его заботою (1).

Въ числѣ посѣдившихъ насъ въ сей день, предвѣстникъ нашихъ радостей былъ Начальникъ порта Г. Миницкій со своею любезною супругою Евгенією Николаевною, отважившеюся, пріемля въ нашемъ дѣлѣ ис-

---

(1) Мы узнали, что Всемилостивѣйшій Государь повелѣлъ изъ здѣшнихъ, около 10 тысячъ верстъ отстоящихъ отъ его столицы портовъ, отправить экспедицію для освобожденія Капитана Головина съ прочими.

креннѣйшее участіе, подвергнувъ себя большой опасности отъ всегдашняго движенія на зѣбнемъ открытомъ рейдѣ морскихъ волнъ, въ коихъ за годъ передъ симъ временемъ въ подобномъ перѣздѣ ея супругъ едва не погибъ; — она была первая и послѣдняя *Руская* дама, почтившая шляпъ своимъ на него прѣздомъ; а потому имѣешь полное право на торжественную нашу признашельность, которую я при семъ случаѣ съ сердечнымъ удовольствіемъ отъ имени всѣхъ офицеровъ свидѣтельствую. Во время служенія молебна коленбаніе шляпа было столь велико, что всѣ почти береговые наши гости, кромѣ сей молодой героини, подверглись страданію морской болѣзни; она же вмѣстѣ съ нами находилась при совершеніи молебна, и казалось, что молилась и за всѣхъ тѣхъ чувствительныхъ *Россіанокъ*, коихъ сердца отъ вѣсти о постигшемъ насъ несчастіи наполнялись соболѣзнованіемъ и желаніемъ освобожденія плѣнныхъ.

По отправленіи нашемъ въ предназначенный путь, противные южные вѣтры, господствовавшіе вдоль полуострова *Сахалина*, не допустили насъ прежде 20 дней придти на видъ береговъ острова *Матсмая*; а къ *Волканитескому* заливу, гдѣ находилась избранная мною безопасная гавань *Эдомо*, подошли 10 Сентября. На ближайшемъ мысу усмотрѣли мы строеніе и видѣли по берегу идущихъ людей. Шестъ часовъ благополучнаго вѣтра и мы вошли бы въ самую гавань; но на морѣ временемъ не располагають. Къ ночи противный вѣтръ усилился и наконецъ превратился въ бурю, кошорая къ ущербу насъ

удалила изъ виду береговъ. Признаки начавшейся бури удостоверили насъ, что насталъ періодъ равноденственныхъ вездѣ господствующихъ сильныхъ вѣтровъ и какъ извѣстно изъ описаній мореплавателей, свирѣпствующихъ болѣе, нежели гдѣ нибудь у сихъ береговъ. Мы начали сомнѣваться въ возможности приспастъ сею осенью къ берегамъ *Японіи*. Я рѣшился въ случаѣ неудачи не возвращаться уже въ *Камгатку*, гдѣ много теряется времени по причинѣ продолжительной зимы; а ишши для отдохновенія мѣсяца на три на *Сандвичевы* острова, пока не возстановится у сѣверныхъ *Японскихъ* береговъ свободное плаваніе, которое начинается съ Апрѣля мѣсяца. Сообщивъ сіе намѣреніе Гг. Офицерамъ, я рѣшился держаться у здѣшнихъ береговъ до 1 Октября; а потомъ уже пусшиться къ *Сандвичевымъ* островамъ; для такого продолжительнаго времени нужно было уменьшить порцію воды; всѣ на шлюпѣ весьма охотно согласились терпѣть нѣкоторой недостатокъ, лишь бы не теряя времени окончить начатое сношеніе съ *Японцами* и скорѣе избавить изъ плѣна своихъ сослуживцевъ; но къ великой нашей радости бурныя погоды продолжались только 12 дней и возстановившіеся опять тихіе переменные вѣтры заставили насъ, какъ то обыкновенно бываетъ съ мореплавателями, забыть прошедшія свирѣпыя бури. Одно только печальное происшествіе напоминаемъ возмущало наше спокойствіе. Мы имѣли нещастіе лишиться опытнаго и усерднаго мапроза, кошопрому, при убираніи въ сильный вѣтръ парусовъ, при-

ключился ударъ и когда его спустили на низъ, медицинскія яособія оказались неѣйствительными; онъ былъ уже бездыханнымъ; надлежало бѣ въ пошъ же моментъ лекарю взлѣзть на верхъ; но къ несчастію нашъ былъ изъ армейской службы, непривыкшій къ такой вертикальной прогулкѣ, впрочемъ искусный и усердный человекъ (1). Смерть сего добраго маэроза, въ горестномъ нашемъ положеніи, была для всѣхъ крайне прискорбна. По совершеніи *Христіанскаго* обряда, при опущеніи шѣла въ море не могъ я, видя всю почти команду въ слезахъ, удержашъ и своихъ слезъ: эту дань мы невольно свидѣтельствовали своему шестилѣтнему сослуживцу: и въ какой службѣ? Чишатель видѣлъ, что пушъ нашъ не розами былъ усянъ; немногіе могутъ понять, какимъ чувствомъ дружбы связуется на одномъ кораблѣ маленькое общество, ослученное на шоль долгое время отъ друзей и родственниковъ.

22 числа, входя въ пошъ же *Волжанигеской* заливъ, въ 9 часовъ утра увидѣли мы идущія къ шлюпу прибайдары. Я послалъ на шлюпкѣ встрѣпить ихъ *Лейтенанта Филатова*, который скорѣ съ оными вмѣстѣ присталъ къ борду. На байдарахъ находилось 16 человекъ *Японцевъ*. Они безбоязненно, по приглашенію нашему, вошли на палубу. Изъ отвѣтовъ ихъ на вопросы наши, гдѣ находишся гавань, узнали мы, что оная

(1) Это былъ не пошъ лекарь, который совершилъ съ нами путешествіе изъ *Кронштата*: онъ за болѣзнію отправленъ былъ въ *Петербургъ*.

лежала отъ насъ къ югу въ двухъ верстахъ, за выдавшимся мысомъ, называлась, по словамъ ихъ, *Сангарою* и имѣла глубины 20 сажень. Они пріѣхали на шлюпъ изъ одного любопытства видѣть иностранное судно. Но какъ намѣреніе наше было итти въ гавань *Эдомо*, которая была посѣщаема въ 1796 году Капитаномъ *Бртономъ*, то мы и желали, чтобъ они проводили насъ къ оной; но не имѣя конечно на сіе отъ своего начальства приказанія, они не согласились на наше требованіе и скорѣе оставили шлюпъ. Изъ описанія, сообщеннаго *Бртономъ*, мы надѣялись однако сами найти ее безъ затрудненія. При насшавшемъ отъ востока вѣтрѣ спали править въ *Эдомо*. Къ полудню увидѣли прямо по курсу довольно большое селеніе и на возвышенности батарею, завѣшанную бумажными занавѣсами. Изъ вышеупомянутаго селенія пріѣхала къ намъ *Японская* байдара, на коей было 13 человекъ *мохнатыхъ Курильцевъ*, по *Японски Айну*, называемыхъ. Съ ними гребцами пріѣхалъ *Японецъ*, по имени *Лезо*; одинъ изъ прислужниковъ *Таката-Кахи*, бывшій съ нимъ въ *Каматкѣ*, и опущенный нами въ *Кунаширъ* сего лѣта въ первое наше прибытіе къ сему острову. *Лезо* объявилъ намъ, что, въ силу соглашенія съ обѣихъ сторонъ, въ *Кунаширѣ* сдѣланнаго, онъ присланъ отъ *Матсмайскаго* Губернатора служишь на шлюпѣ доцманомъ для препровожденія онаго въ гавань *Хакодаде*. Сверхъ сего приказано ему спросить, не имѣемъ ли мы въ чемъ нужды, съ увѣреніемъ, что здѣшнее начальство получило приказаніе снабдить насъ всѣмъ

нужнымъ; но какъ мы не имѣли ни въ чемъ недоспашка, кромѣ прѣсной воды, то и воспользовались ихъ благосклонностію только въ томъ, что отправили на байдарѣ 50 пустыхъ боченковъ, прося мѣснаго Начальника, наливъ ихъ водою, доставить на шлюпъ. Пришедъ на глубину 11 сажень при иловатомъ грунтѣ, спали на якорь.

Поутру слѣдующаго дня пріѣхала изъ селенія *Эдо* таже байдара, которая пріѣзжала вчерашняго дня и съ тѣми же людьми. На ней привезли наши бочки, наливъ водою; а сверхъ сего свѣжей рыбы и рѣдки въ подарокъ отъ Начальника. Поднявъ бочки на шлюпъ, мы отправили байдару съ другими 20 бочками для прѣсной воды на берегъ, приказавъ благодарить Начальника за присланную отъ него рыбу и зелень. Къ вечеру доставлена намъ была вода на той же байдарѣ. Пользуясь ясною погодою, мы исправляли повредившійся отъ крѣпкихъ вѣтровъ, при переходѣ изъ *Охотска* до сего мѣста, шкелажъ и другія на шлюпъ оказавшіеся недоспашки.

На другой день по утру привезли *Японцы* 20 боченковъ воды и взяли съ собою 35 пустыхъ боченковъ, которые въ вечеру обратно доставлены были съ водою. Послѣ полудня на байдарѣ, привозившей воду, прислано было свѣжей рыбы и зелени такое количество, что можно было удовольствоваться всю команду. За сие *Японцы* не соглашались взять отъ насъ никакой платы не смотря на всѣ наши убѣжденія.

26 числа поутру на пріѣхавшей къ намъ съ водою

байдарѣ привезено было письмо отъ Капитана *Головнина* изъ *Хакодаде*, въ коемъ онъ увѣдомлялъ меня, что при появленіи нашемъ у помянутой гавани будетъ поднятъ на горѣ бѣлой флагъ, и присланъ къ намъ находившійся прошлаго года у насъ *Такатай - Кахи*, котораго шеперь послашь, не донеся *Матсмайскому* Губернатору, по *Японскимъ* законамъ нельзя, и что мы можемъ въ оную гавань отправиться съ его мапрозомъ *Лезо*, знающимъ лодманское дѣло. Письмо сіе было отправлено на писанное мною къ *Японскимъ* Чиновникамъ въ первый день прибытія нашего, въ которомъ я извѣщалъ сомнѣніе въ искренности желаемого *Японца* сношенія, приводя доказательствомъ, что вмѣсто обѣщаннаго при соглашеніяхъ въ *Кунаширѣ Такатай-Кахи* или другаго *Японскаго* Чиновника, для нашей встрѣчи присланъ одинъ только мапрозъ. *Японецъ Лезо*, какъ выше упомянуто, пріѣхалъ къ намъ на байдарѣ и я согласился взять его вмѣсто лодмана. Наливши здѣсь безъ всякаго затрудненія всѣ свои порожнія бочки прѣсною водою и исправя все нужное, въ 10 часу вспустили мы подъ паруса. На другой день въ 8 часовъ вечера изъ за мыса, впереди насъ находившагося, открылись во многихъ мѣстахъ по *Матсмайскому* берегу огни, изъ коихъ одинъ особенно отличался отъ прочихъ величиною и ясностію. Вскорѣ за симъ появились идущія къ намъ двѣ байдары; на одной, подъ бѣлымъ флагомъ съ двумя зажженными фонарями, пріѣхалъ къ намъ благородный и усердный *Такатай - Кахи*. Мы обрадовались чрезвычайно его прибытію, и онъ со своей

стороны не менѣе показывалъ радости, видя, что желаніе его, которое онъ нерѣдко въ бытность свою у насъ изъявлялъ, нынѣ на самомъ дѣлѣ исполняется. По повелѣнію Начальства онъ пріѣхалъ проводить шлюпъ нашъ въ *Хакодадѣйскую* гавань. Вмѣстѣ съ нимъ для сего же, прибылъ главной портовой Чиновникъ. По ихъ распоряженію, въ половинѣ 9 часа вечера спали мы на якорь, не входя еще въ *Хакодадѣйской* заливъ, въ томъ мѣстѣ, которое *Японцами* называется *Ямаси-Томиури*, то есть якорное мѣсто при восточномъ вѣтрѣ, и гдѣ обыкновенно останавливаются суда ихъ при ономъ вѣтрѣ, препятствующемъ входить въ *Хакодадѣйскую* гавань. По окончаніи необходимыхъ работъ на шлюпѣ, мы съ величайшимъ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ вступили въ разговоры съ добрымъ нашимъ *Такатаемб-Кахи*, съ которымъ мы, при помощи переводчика Г. *Киселева*, могли теперь обо всемъ объясняться съ большею простотою и удобствами. На первый нашъ вопросъ, гдѣ находятся соотечественники наши, сказалъ онъ намъ: что они живутъ здѣсь въ *Хакодадѣ*, и что для окончательныхъ переговоровъ и выдачи ихъ, прибылъ уже изъ города *Матсмая* самъ Губернаторъ *Хаттори-Бингэно-Ками*. Мы разговаривали съ нимъ дружески о многихъ другихъ обстоятельстве, заслуживавшихъ наше и его любопытство, и сообщили ему то, что послѣ нашей съ нимъ разлуки, въ *Россіи* извѣстно стало, а особливо о конечномъ пораженіи *Французовъ*. Онъ уѣхалъ отъ насъ, исполненный радости наипаче о послѣднемъ обстоятельстве, въ кошо-

ромъ онъ принималъ искреннее участіе, и давъ обѣщаніе пріѣхать на другой день, чтобы ввести шлюпъ въ гавань. Черезъ всю ночь во многихъ мѣстахъ по берегу видны были огни и одна дозорная байдара, въ близкомъ отъ насъ разстояніи на якорѣ стоявшая, не оставляла насъ до самаго отхода съ сего мѣста.

28 Сенсября поутру пріѣхалъ къ намъ *Такатай-Кахи*. Мы, снявшись съ якоря, сжали лавировать въ *Хакодадской* заливъ и чрезъ нѣсколько часовъ шлюпъ посланъ былъ, по назначенію его, въ самомъ лучшемъ мѣстѣ на якорь, разстояніемъ отъ города менѣе пушечнаго выстрѣла. Послѣ сего объяснилъ онъ мнѣ законы своей земли въ разсужденіи *Европейскихъ* судовъ: что намъ запрещается ѣздить на шлюпкахъ по гавани, что во все время нашего здѣсь пребыванія при шлюпѣ будетъ находиться день и ночь караульная лодка, и что все нужное для насъ съ берегу будетъ привозимо на особыхъ казенныхъ лодкахъ; также, что спрогимъ въ городѣ отъ Начальства объявленіемъ запрещается жителямъ ѣздить на *Россійскій* корабль.

Къ вечеру поѣхалъ онъ отъ насъ на берегъ, для подробнаго извѣщенія своего Начальства объ исполненіи возложенныхъ на него порученій въ послановленіи *Россійскаго* корабля въ опредѣленномъ мѣстѣ на якорь, обѣщаясь на другой день къ намъ пріѣхать.

Городъ *Хакодаде* (1), второй по величинѣ своей на семъ островѣ, лежитъ въ южной части онаго на

---

(1) Смори планъ.

покатости высокой круглой горы, возвышающійся на полуостровѣ, омываемомъ съ южной стороны *Сангарскимъ* проливомъ; а съ сѣверной и западной пространымъ *Хикодадейскимъ* заливомъ, весьма удобнымъ для помѣщенія большого флота (1). Съ восточной стороны полуостровъ соединяется узкимъ и низкимъ перешейкомъ, чрезъ который видно открытое море и низкая земля. По сѣверную сторону залива, простирается обширная долина, имѣющая 15 или 20 миль въ окружности, ограничиваемая съ трехъ сторонъ хребтами высокихъ горъ. Посреди сей долины лежитъ большое селеніе *Онно*, въ которомъ жилище особенно прилежатъ къ земледѣлю; въ другихъ же приморскихъ мѣстахъ главный промыселъ жителей состоитъ большею частію въ рыбной ловлѣ. О сихъ подробностяхъ узналъ я по возвращеніи нашихъ плѣнныхъ; они были ведены чрезъ помянутый горедъ, и по дорогѣ видѣли всю сію пространную долину, обработанную наилучшимъ образомъ, чего въ другихъ мѣстахъ не замѣтили. Сія гора, при которой лежитъ городъ, можетъ для приходящихъ судовъ служить самымъ лучшимъ примѣтнымъ знакомъ для входа въ заливъ, какъ по круглой своей фигурѣ, показывающейся въ отдаленности, такъ и по тому, что стоитъ совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ на довольноное разстояніе. Съ западной стороны она кончится высокими опрубами, изъ которыхъ въ одномъ есть большая пещера, издалика съ моря усматриваемая.

---

(1) Смори карту сего залива.

Съ южной и западной спороны полуострова берегъ весьма *приглубый*, не имѣетъ никакихъ отмѣлей или подводныхъ камней, и къ нему можно безопасно подходить на близкое разстояніе; съ сѣверной же спороны въ заливъ къ городу берегъ имѣетъ отмѣли и близъ онаго сшановящся только небольшія суда. Отъ выдавагоса по срединѣ города мыса идетъ почти на одну треть ширины сего залива каменной рифъ неравной глубины. Къ сѣверной и восточной споронамъ залива глубина къ берегу поспешенно уменьшается; къ западной берегъ очень приглубъ и земля кончится отрубамъ. По приближеніи мы увидѣли не весь городъ завѣшеннымъ, какъ было въ *Кунаширѣ*, но шокмо нѣкоторыя мѣста по горѣ и по окрестностямъ онаго. Съ помощію зрительныхъ трубъ, по берегу залива мы примѣтили въ шести мѣстахъ занавѣсы. Тушъ были, какъ мы послѣ узнали, *Японскія* крѣпости. Наши плѣнные, проходя мимо оныхъ, могли ихъ замѣтить, когда ихъ вели по сей дорогѣ изъ *Матсмая* въ *Хакодаде*. Сверхъ того отъ сего мѣста до города по низменному берегу вновь были построены пять крѣпостей, снабженныя досшашочнымъ гарнизономъ. Онѣ находились одна отъ другой не въ дальномъ разстояніи, на 200 или 300 сажень отъ морскаго берега. — Съ самаго прибытія нашего на сей рейдъ, мы были окружены со всѣхъ споронъ чрезвычайнымъ множествомъ гребныхъ судовъ всякаго рода и величины, наполненныхъ обоего пола людьми, пріѣхавшими изъ любопытства посмощрѣть *Европейское* судно, которое для нихъ было немалою

рѣзкостію; ибо въ семъ заливѣ, сколько мнѣ извѣстно, изъ мореплавателей прежде насъ былъ только за 22 года и то на *Охотской* транспортѣ *Екатеринѣ* командиръ *Штурманъ Ловцовъ*, сопровождавшій *Г. Лаксмана*. Слѣдовательно многіе изъ жителей никогда *Европейскихъ* судовъ, а наипаче военныхъ, не видали; и потому съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ всякому хотѣлось подойти ближе къ борду; отъ сего происходили между ими немалые споры и распри. Бывшіе у борда караульные *Досины* (*Японскіе* солдаты) для соблюденія порядка и прекращенія распрей, безпрестанно кричали имъ не приближаться къ шлюпу. Но столь было велико любопытство зрителей, что приказаніе сихъ караульныхъ, впрочетъ весьма уважаемыхъ народомъ, перялись въ великомъ шумѣ и не имѣли дѣйствія.—Для приведенія въ послушаніе шлопшагося народа, *Досины* принуждены были употреблять желѣзные палочки, обыкновенно носимыя ими за поясомъ на длинныхъ шелковыхъ снуркахъ. Они не разбирали ни состоянія, ни пола, кромѣ старости, уважаемой ими, какъ мы при семъ случаѣ замѣтили, во всѣхъ состояніяхъ; и всякаго били сими палками, кто осмѣливался нарушать приказаніе; чрезъ сіе мы избавлялись не малыхъ безпокойствъ; а иначе сколько бы людей вошло на шлюпъ, что намъ самимъ не возможно бѣ было тогда ничего дѣлать за шѣсношою, и мы нашлись бы принужденными употребить силу для согнанія ихъ, чего намъ при начавшихъ сношеніяхъ дѣлать крайне не хотѣлось. Строгость *Досиновъ* принудила всѣхъ любо-

пышствующихъ составили около насъ на определенное разстояніе кругъ, за которой ни одно судно не смѣло подходить ближе къ шлюпу. Въ такомъ положеніи покрывали они заливъ на великое пространство, и когда передніе, по удовлетвореніи своего любопытства, осматривали мѣста свои, то слѣдующіе занимали ихъ и не прежде всѣ вообще разсѣивались съ нами, какъ по наступленіи ночи. Въ сіе время никому уже къ шлюпу приближаться отъ бдительныхъ *Досиновъ* позволяемо не было, кромѣ тѣхъ, кои присылаемы къ намъ были по приказанію Начальства; но и сіи безъ предувѣдомленія о себѣ *Досиновъ* взходить на шлюпъ не смѣли.

Въ слѣдующій день поутру мы увидѣли выѣхавшую изъ города шлюпку подъ бѣлымъ флагомъ, (на шлюпѣ также всегда на передней мачтѣ поднимался, въ одно время съ кормовымъ военнымъ, бѣлой флагъ). Вскорѣ шлюпка пристала къ борду, и къ намъ на шлюпъ возшелъ почтенный нашъ *Такатай-Кахи* съ однимъ мажоромъ, бывшимъ у насъ доцманомъ. Онъ привезъ отъ себя мнѣ, офицерамъ и командѣ хорошей рыбы, зелени и арбузовъ. Его мажоръ несъ за нимъ узелокъ, въ которомъ я усмотрѣлъ плащъ. Вошедъ ко мнѣ въ каюту онъ попросилъ у меня позволенія въ прежней своей каютѣ переодѣться, сказавъ, что *Матсмайской* Губернаторъ весьма доволенъ отзывомъ объ немъ пріѣзжавшаго въ *Кунаширъ* перваго главнаго Начальника *Салиея*, и что онъ въ нынѣшнемъ важномъ случаѣ назначенъ быть переговорщикомъ, для чего, по *Японскимъ* законамъ, дана ему привиллегія; а при исполненіи такой

возложенной на него лестной обязанности долженъ онъ надѣвать особое чиновническое, церемоніальное плащѣ, во время сообщенія мнѣ переговорныхъ пунктовъ. Онъ вошелъ въ прежнюю свою каюту, чтобы переодѣться, а между тѣмъ и я надѣлъ парадной мундиръ и шпагу. *Такатай-Кахи*, сдѣлавъ по своему обычаю почтительное привѣщаніе, черезъ переводчика *Киселева* объявилъ, что онъ будетъ со мною вести переговоры не отъ самаго Губернатора, а отъ лица первыхъ двухъ по немъ Начальниковъ, отъ коихъ имѣетъ теперь порученіе просить у меня обѣщанную отъ *Охотскаго* Начальника офиціальную бумагу, для доставленія оной лично господамъ Начальникамъ. На это я ему отвѣчалъ, что хотя я самъ приглаголюся вручить имѣвшіеся при мнѣ отъ *Охотскаго* Начальника къ здѣшнимъ Начальникамъ офиціальныя бумаги, но не желая терять времени, для поспѣшнѣйшаго окончанія щастливо начавшагося дѣла, соглашаюсь ему ихъ отдать. Для сего собраны были въ каюту всѣ офицеры въ полной формѣ, и съ приличнымъ обрядомъ передано было *Такатаю-Кахи* отъ меня въ синемъ сукнѣ обернутое офиціальное письмо Начальника *Охотскаго* порша; шутъ же я объявилъ ему, что имѣю особое важное отъ Его Превосходительства Г. *Иркутскаго* Гражданскаго Губернатора къ *Вельможному Матсмайскому* Губернатору офиціальное письмо, которое должно быть отъ меня принято лично, ежели не самимъ Губернаторомъ, то, по крайней мѣрѣ, главными Начальниками, отъ лица коихъ присланъ онъ ко мнѣ для переговоровъ. Та-

катай-Кахи убѣдительно меня просилъ довѣрить ему и сіе письмо, которое, говорилъ онъ, доставитъ ему великую честь, когда въ *Японіи* сдѣлается извѣстнымъ, что онъ удостоился отъ *Вельможнаго Россійскаго Губернатора* официальное письмо церемоніально вручить въ собственныя руки *О-Буньо*; но въ этомъ я ему рѣшительно отказалъ, объяснивъ прежде, что сколь я ни уважаю его ко мнѣ дружество, но въ семъ случаѣ представляю особое лице, и не смѣю на щепъ великаго достоинства *Россійскаго Губернатора*, возвысить его званіе безъ нарушенія возложенной на меня опличной довѣренности. Мѣсто свиданія съ главными *Японскими* Начальниками я рѣшился назначить на берегу, ибо вызывать ихъ на шлюпкахъ было дѣло вовсе невозможное: естли, по словамъ *Такатай-Кахи*, во время появленія оныхъ двухъ Начальниковъ на улицахъ въ своихъ *Норимонахъ* (носилкахъ), всегда люди падаютъ на колѣна, то согласится ли такой гордый народъ на просьбъ шлюпкахъ имѣть свиданіе съ Начальникомъ судовъ чужей земли безъ всякаго церемоніала? Къ тому же я въ семъ важномъ дѣлѣ имѣлъ довѣренное письмо Губернатора, уполномоченъ былъ дѣйствовать по *Высочайшей* волѣ, и при отправленіи меня къ *Японскому* Правительству, во всемъ представлялъ лице посланника, а пошому, ежели бы и воспослѣдовало со стороны *Японцевъ* варварское вѣроломство, то могъ бытъ увѣренъ, что наше Правительство поступокъ мой не признало бы безразсудною неосторожностію, но дѣломъ національнымъ, въ исполненіи коего я желалъ

только соблюсти приличную возложеннымъ на меня
 лестнымъ обязанностямъ важность и поступать съ
 рѣшительною увѣренностію, для возстановленія и въ
Японіи уваженія къ званію Посланника, *Такатай-Кахи*,
 получивъ отъ меня офиціальное письмо Начальника
Охотскаго порта, и выразумѣвъ важность письма Гу-
 бернашорскаго, просилъ меня позабыть нескромное
 требованіе довѣрить ему оное, и пошчасъ поѣхалъ
 отъ насъ на берегъ, а на другой день возвратился
 къ намъ на шлюпъ прежнимъ порядкомъ, и перео-
 дѣвшись въ каюшѣ опять въ церемоніальное платье,
 началъ разговоръ отъ имени двухъ Начальниковъ, кошо-
 рые просили увѣдомишь ихъ, не нуждается ли въ чемъ
 нибудь экипажъ *Россійскаго* корабля, и самъ корабль
 не требуетъ ли, какъ имъ сдѣлалось извѣстнымъ, отъ
 продолжительнаго изъ *Охотска* въ позднее время года
 плаванія, исправленія? На эту спашью ошвѣщспрова-
 но отъ меня было одною благодарностію, и что кромѣ
 свѣжей рыбы, воды и зелени (и по естели имѣеши
 здѣсь въ изобиліи) ни въ чемъ не имѣемъ нужды, и ко-
 рабль исправленія не требуетъ. Потомъ сказалъ онъ
 мнѣ, что онъ съ должными по своимъ обычаямъ обря-
 дами вручилъ письмо *Охотскаго* Командира двумъ На-
 чальникамъ, которые по особой къ нему довѣренности,
 обнаружили ему свои мысли, что сдѣланныя въ ономъ
 письмѣ объясненія полны и весьма удовлетворительны,
 а предложеніе мое имѣетъ съ ними свиданіе, для вруче-
 нія письма *Иркутскаго* Губернашора, принято съ вели-
 чайшею радостію, и что теперь онъ прислалъ усло-

вишьяся со мною о церемоніальныхъ обрядахъ при моемъ съ ними свиданіи: во первыхъ о почетной спражѣ. Я объявилъ, что буду имѣть при себѣ 10 человекъ съ ружьями, кои выйдутъ на берегъ съ флагами, военнымъ и бѣлымъ переговорнымъ, несомыми двумя унтеръ-офицерами; офицеровъ не болѣе двухъ и переводчика *Японскаго* языка; ѣхашъ же на берегъ я соглашаюсь въ предлагаемой отъ Начальниковъ Губернашорской парадной шляпкѣ, въ домѣ, гдѣ назначено имѣть свиданіе; послѣ взаимныхъ привѣтствій, кошорыя съ моей стороны будутъ состоятъ по нашему извѣстному ему *Европейскому* обычаю въ однихъ поклонахъ, внесутся для меня кресла, а для офицеровъ позади меня спулья, на коихъ мы должны будемъ сидѣть. При начинаніи разговоръ отъ меня или *Японскихъ* Начальниковъ, я буду въ знакъ отличной почтительной къ особамъ симъ внимательности вставать и попомъ по прежнему садиться на свое мѣсто. На всѣ сіи требованія *Такатай - Кахи* объявилъ свое мнѣніе, что онъ безъ всякихъ затрудненій Начальниками признаются приличными, кромѣ ружей: „ибо, говорилъ онъ, нѣтъ у насъ примѣра, чтобы иностранной земли посланники, приѣзжавшіе къ намъ для объясненія какого нибудь дѣла, допускаемы были при церемоніальномъ свиданіи, съ своею свисою, вооруженною огнестрѣльнымъ оружіемъ; довольно будешь для васъ чести, въ сравненіи другихъ *Европейскихъ* пословъ, бывающихъ у насъ въ *Нангасаки*, имѣть вашей спражѣ однѣ сабли, а ружья оставить. И шашъ, продолжалъ онъ, сдѣлано немаловажное

и въ нашихъ законахъ первое еще опсупленіе, что вы съ кораблемъ впущены во внушренность нашей гавани, со всѣми имѣющимися на кораблѣ военными орудіями и порохомъ, и даже при начавшихся теперь переговорахъ не опняшы у васъ способы, ежели бы вы вздумали поступить съ нами непріятельски.“ Убѣдись въ истинѣ пріобрѣтеннаго нами преимущества, какого, сколько мнѣ изъ путешествій извѣстно, ни одинъ изъ *Европейскихъ* кораблей еще не имѣлъ, я охотно готовъ былъ уступить въ разсужденіи ружей, и просилъ *Такатай-Кахи* слегка оное право предложишь въ такомъ только видѣ, что безъ ружей спража не будетъ воинская и пошому несоотвѣтствующая носимому мною званію Начальника *Россійскаго* Императорскаго корабля: „у насъ, сказалъ я ему, ружья имѣють право носитьъ одни только военные, подобно, какъ у васъ воинъ носитъ двѣ сабли, и такъ наши ружья суть не что иное, какъ другая ваша сабля.“ Впрочемъ я повторилъ ему мою прозбу, чтобъ онъ въ случаѣ возраженія со стороны двухъ Начальниковъ, что это можетъ бытъ противно законамъ ихъ земли, оставилъ дѣло сіе безъ вниманія и нималѣйшаго не показывалъ виду, чтобъ опказъ въ ружьяхъ воспрепятствовалъ мнѣ исполнить мое намѣреніе ѣхать для свиданія на берегъ, ежели только на все прочее, какъ онъ обнадеживалъ, Начальники будутъ согласны. *Такатай-Кахи* записалъ въ книжку весь нашъ разговоръ о обрядахъ свиданія, и отправился на берегъ. Въ слѣдующій день въ обыкновенное ушреннее время, пріѣхалъ онъ на шлюпъ и съ веселымъ видомъ

сказалъ мнѣ, что два Начальника на все согласились, и даже въ ружьяхъ. — „Сначала, говорилъ онъ, они не много призадумались, но не сказали мнѣ ни слова; тогда я взялъ смѣлость объяснить имъ все то, что вы мнѣ говорили о правѣ ружья въ *Россіи*, и теперь объявляю вамъ офиціально, что завтра оба Начальника будутъ ожидать васъ на берегу въ пригошовленномъ домѣ для церемоніальнаго свиданія, гдѣ примутъ письмо *Иркутскаго* Губернатора. Въ 12 часовъ я, по приказанію Начальниковъ, приѣду за вами на парадной Губернаторской шляпкѣ. Но вотъ еще одинъ пунктъ обряда не объясненъ: не ужели вы войдете въ сапогахъ въ аудіенцъ-залу, гдѣ посланы будутъ чистые ковры, на коихъ сами главные Начальники будутъ сидѣть на колѣняхъ? Войши въ сапогахъ, противно нашимъ кореннымъ обычаямъ и почитаемся величайшею грубостію; вамъ должно будетъ въ передней комнатѣ скинуть сапоги и войши въ однихъ чулкахъ.“ Такое неожиданное, странное для *Европейцевъ* требованіе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство; ибо я, при условіи о обрядахъ, не почиталъ нужнымъ выставить, что мы будемъ въ сапогахъ; *Японцы* же, какъ это у нихъ дѣло обыкновенной, проспой даже учтивоспи, какъ я послѣ узналъ отъ Господина *Головина*, шакже не считали нужнымъ объясниться. Меня это привело въ великое затрудненіе. Наконецъ я сказалъ *Такатаю-Кати*, съ нѣкоторымъ движеніемъ, что мнѣ ни подѣ какимъ видомъ невозможно согласиться на требованіе, предшащъ въ полной формѣ со шпагою безъ сапоговъ.

„Знаю, сказалъ я, что въ вашей землѣ общая учтивость скидавать при входѣ въ покои, даже самые простыя, свою обувь. Но ты, просвѣщенной человѣкъ, изъ опышовъ теперь знаешь, что ваши обряды во многомъ совсѣмъ противоположны *Европейски*мъ: на примѣръ, у васъ всѣ ходятъ большіе и малые безъ нижняго плащя, но въ замѣну такого недостапка, для соблюденія благоприсойности, вы носите плащье, похожее на наши халапы, а въ такомъ нарядѣ у насъ въ *Европѣ* сидятъ только въ своихъ спальняхъ! Также и въ обуви у васъ неучтиво войти въ ней въ покои, а у насъ, не говоря о неучтивости, есть самое величайшее безчестіе, гдѣ нибудь явиться безъ обуви; ибо одни только Государственные преступники ходятъ безъ оной закованные въ желѣзахъ. Какъ же можно мнѣ, представляющему, какъ тебѣ извѣстно, въ званіи моемъ особое лице, пріѣхать къ вашимъ Начальникамъ безъ обуви?“ *Такатай-Кахи* не зналъ, что мнѣ на это отвѣчать, выразумѣвъ, что спашья, казавшаяся ему незначащею въ обрядахъ, оказывающаюся важною. Тогда придумалъ я ему сказать, что готовъ сдѣлать большое съ своей стороны снисхожденіе, дабы только не разрушить совсѣмъ условленнаго и съ обѣихъ сторонъ желаемого свиданія. „У насъ есть обычай, продолжалъ я, когда мы хотимъ оказать особенное уваженіе къ большому Начальнику, то, входя въ передніе покои, скидываемъ сапоги, а надѣваемъ извѣстные тебѣ башмаки.“ *Такатай-Кахи* приведенъ былъ эшимъ въ величайшую радость и сказалъ, „этого довольно, обрядъ учтиво-

стей безъ оскорбленія съ обѣихъ споронъ будетъ сохраненъ; башмаки ваши я уподоблю *Японскимъ* чулкамъ и скажу, что вы согласились скинуть сапоги и войдете въ аудіенцъ-залу въ кожаныхъ чулкахъ. — Послѣ сего поспѣшилъ онъ уѣхать на берегъ и къ не малому удивленію подѣ вечеръ возвратился извѣстивъ меня, что Начальники весьма довольны сдѣланнымъ съ моей стороны снисхожденіемъ въ разсужденіи обуви; ибо, ежелибъ я наспопашельно желалъ бытъ въ сапогахъ, то хотя свиданіе не опмѣнилось бы, но Начальники не могли бы мнѣ сдѣлать желанной учтивости, принятіемъ меня сидя на колѣняхъ; а по *Европейскому* обычаю также бы сидѣли на нарочно сдѣланныхъ стульяхъ, что въ *Японіи* почитается величайшимъ неуваженіемъ и даже грубостію. Помомъ *Така-тай-Кахи* подалъ мнѣ рисунокъ всего приготавлиаемаго въ домѣ при свиданіи церемоніала (1). Передъ домомъ изображены были солдаты, сидящіе на колѣняхъ; въ первыхъ покояхъ нижняго класса Чиновники; тамъ должно мнѣ было скинуть сапоги, надѣтъ башмаки, и иппи мимо ряду такихъ же Чиновниковъ, сидящихъ на колѣняхъ. Въ планѣ представлена была и аудіенцъ-зала: въ передней споронѣ назначены мѣста двухъ главныхъ Начальниковъ, съ лѣвой спороны посажены переводчики по правую академики, нарочно пріѣхавшіе для сдѣланія своихъ замѣчаній о *Россійской* военномъ кораблѣ и ошобранія разныхъ о *Европѣ* свѣденій. Посреди залы,

---

(2) Смотри рисунокъ.

прошивъ главныхъ Начальниковъ, назначено мѣсто мнѣ, а позади меня офицерамъ; спражъ съ ружьями и флагами опредѣлено стоятъ во фрунѣхъ передъ открытыми дверьми дома. — Устроивъ такимъ образомъ по взаимномъ согласіи, всѣ обряды для свиданія, *Такатай-Кахи*, уѣзжая отъ насъ, повторишь, что онъ, ежели погода позволитъ, завтра въ 12 часовъ непременно придетъ за мною на Губернаторской шлюпкѣ. Теперь надлежало мнѣ обратить вниманіе на участь переводчика *Киселева*, кошораго нужно мнѣ было съ собою взять на берегъ для переводовъ: небезызвѣстна мнѣ была строгость *Японскихъ* законовъ къ ихъ подданнымъ принявшимъ *Христіанскую* вѣру и вступившимъ въ службу чужой земли. Хотя *Г. Киселевъ* изъ приверженности къ *Россіи* въ переводимыхъ имъ письмахъ и проч. подписывался *Россійскимъ* урожденцемъ отъ *Японца*; но хорошее его знаніе *Японскаго* языка вскорѣ обнаружило бы его предъ хитрыми соотечественниками, и тогда послѣдствія для него могли бы быть самыя пагубныя. Я призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему, чтобы онъ основательно подумалъ, какъ онъ лучше моего знаетъ законы своей земли, можно ли ему будетъ, не подвергая себя опасности ѣхать со мною на берегъ. Онъ отвѣчалъ: „чего мнѣ бояться? развѣ васъ захватятъ, тогда и всѣхъ; а меня одного не возмутъ: я не *Японецъ*, прошу васъ взять меня на берегъ, чтобы я могъ исполнить свою должность переводчика. На берегу въ переговорахъ съ Начальниками заключается важность

всего дѣла, а здѣсь на *Діанѣ* въ разговорахъ съ *Уки-катаембъ-Кахи* я вамъ мало помогаю; ежели вы меня на берегъ не возьмете, то для чего же я переносилъ *Синъ* покойства дальнаго морскаго пути? Видя его желаніе бытъ въ нашемъ дѣлѣ полезнымъ, я съ величайшею радостію объявилъ ему, что имѣть намъ шакаго вѣрнаго переводчика весьма важно, только я не хотѣлъ поступить противъ его желанія въ шакомъ случаѣ, гдѣ предстоитъ какая либо ему опасность. За симъ приказалъ я пригѣшовиться къ отъѣзду еще двумъ офицерамъ, также изъявившимъ желаніе бытъ со мною на берегу. Около 12 часовъ въ слѣдующій день пріѣхалъ на *Діану* на Губернашорской шлюпкѣ подъ разными флагами *Такитай-Кахи*. Вошедъ въ каюшу въ полномъ парадномъ одѣяніи, объявилъ онъ мнѣ, что когда на берегу поднимешь надъ домомъ, назначеннымъ для свиданія, флагъ, тогда можно ѣхать на берегъ. Ровно въ 12 часовъ увидѣли мы сей флагъ, и немного времени спустя я съ двумя офицерами, переводчикомъ и десятию вооруженными маэрозами, вспустилъ на Губернашорскую шлюпку (1), при подняшыхъ на кормѣ между

(1) На сей шлюпкѣ было 16 отборныхъ *Японскихъ* гребцовъ, въ числѣ коихъ большая половина находилась извѣстныхъ и богатыхъ купцовъ, какъ мнѣ сказывалъ о томъ *Кахи*; они приняли на себя трудъ сей для удовольствія своему любопытству, чтобъ ближе посмотрѣть на насъ. Гребля ихъ отлична отъ *Европейской*: весель они не закидывали впередъ, какъ обыкновенно у насъ дѣлается; но по направленію почти судна повертывали оными сверху на низъ и обратно, и давали судну скорость въ ходѣ, равную нашей греблѣ.

Японскими флагами, военнымъ *Россійскимъ*, а впереди бѣлымъ переговорнымъ флагомъ, и поѣхалъ на берегъ въ сопровожденіи любопытствующаго народа, выѣхавшаго на нѣсколько ошакъ лодкахъ. Назначенный для свиданія домъ находился по близости морскаго берега, при каменной приспани. На площади передъ домомъ усмотрѣли мы сидящихъ на колѣняхъ рядами *Японскихъ* солдатъ. Первый вышелъ на берегъ *Такатай-Кихи*, и пошелъ въ домъ увѣдомишь главныхъ Начальниковъ о пріѣздѣ *Русскихъ*, и возвратившись сказалъ, что оба Начальника въ церемоніальномъ собраніи насъ ожидаютъ. Спрашивашъ, почему никто изъ *Японскихъ* чиновниковъ не выѣхалъ на встрѣчу, было не уместа и совсѣмъ бесполезно. Я приказалъ унтеръ-офицеру съ бѣлымъ флагомъ сойти на берегъ, за нимъ вооруженной стражѣ и другому унтеръ-Офицеру съ военнымъ флагомъ, за которымъ сошелъ самъ, а за мною офицеры. Построившаяся во фронтъ стража съ флагами передъ самыми открытыми дверьми дома, когда я проходилъ, сдѣлала на караулъ. Въ первое отдѣленіе дома я приказалъ съѣхавшему со мною для услугъ *Японскому* маэрозу внести кресла, чтобы перемѣнить обувь. Надѣвъ башмаки, пошелъ я съ офицерами въ аудіенцъ-залу: въ сей залъ, наполненной разнаго званія чиновниками въ воинской одеждѣ при двухъ сабляхъ, поразило меня необыкновенное глубокое молчаніе. Отличивъ двухъ главныхъ, одного подлѣ другаго на колѣняхъ сидѣвшихъ Начальниковъ, подошелъ я къ нимъ шага на три, и поклонился. Они также ошѣш-

спивовали наклоненіємъ своихъ головъ. Сдѣлавъ по поклону сидящимъ на правой и на лѣвой сторонѣ Чиновникамъ, я отошелъ назадъ къ назначенному мнѣ мѣсту, гдѣ поставлены уже были мои кресла. Глубокое молчаніе продолжалось еще съ минушу; тогда я прервалъ оное, сказавъ чрезъ переводчика *Киселева*, что нахожусь, по моему мнѣнію, въ домѣ дружескомъ. вмѣсто ошвѣща Начальники улыбнулись, а старшій изъ нихъ, пріѣзжавшій въ *Кунаширѣ*, открылъ разговоръ, обращаясь къ приближившемуся съ поникшею головою съ лѣвой стороны Чиновнику, но шакъ тихо, что *Киселевъ* ни одного слова не могъ вразумительно слышать; попомъ Чиновникъ заступилъ опять свое мѣсто, и къ великому удивленію моему, обратившись ко мнѣ съ большимъ преклоненіемъ головы въ знакъ почтительнаго, началъ говорить довольно явственно по *Руски* (1). Онъ перевелъ привѣтствіе Начальника, которое состояло въ томъ, что *Рускіе* давно переносятъ около *Японскихъ* береговъ большія безпокойства; но теперь все вскорѣ возымѣетъ щастливый конецъ. При томъ уведомилъ онъ, что объясненіе Командира *Охотскаго* порта Начальниками признано очень, очень приличнымъ. На сіе привѣтствіе я отвѣчалъ, чрезъ *Японскаго* уже переводчика *Мураками-Теске*, что чрезъ скорый и щастливый конецъ дѣлу разумѣть должно освобожденіе Г. Капитана *Головина* съ прочими *Рускими* плѣнными,

---

(1) Этимъ Чиновникъ оказался, какъ послѣ съ нимъ познакомились, переводчикомъ, обучившимся у Г. *Головина* *Рускому* языку. Имя его *Мураками-Теске*.

и потому прошедшій шрудъ, нами у *Японскихъ* береговъ перенесенный, переименуется въ пріятнѣйшее для всѣхъ офицеровъ и команды корабля *Діаны* время, на службу употребленное. Послѣ нѣкоторыхъ еще разговоровъ, состоявшихъ въ однихъ учтивыхъ привѣтствіяхъ, я сказалъ, что привезъ съ собою письмо *Иркутскаго* Губернатора, которое и подано было пріѣхавшимъ со мною *Г. Савельевымъ*, въ ящикъ, обшитомъ алымъ сукномъ. Вынувъ письмо, я прочиталъ адресъ его и подаль *Г. Саделеву*, коюрой съ ящикомъ передалъ въ руки *Японскаго* переводчика; переводчикъ приподнялъ его надъ своею головою и пошомъ подаль въ руки младшему Начальнику, копорый, приподнявъ ящикъ выше своей груди, вручилъ старшему. Старшій Начальникъ сказалъ, что шеперь же пойдетъ доставить письмо своему *Обунъо* и что на разсматриваніе его, и на изготовленіе отвѣта, по важности дѣла, попребуетъ дни два. Подарки, переданные *Г. Савельевымъ* переводчику, положены были просто предъ главнаго Начальника. Оба Начальника просили меня принять въ домъ небольшое угощеніе, встали и сдѣлавъ мнѣ поклонъ, ушли, а подарки понесли за ними. Тогда переводчикъ *Мураками-Теске* съ видомъ величайшей радости, сдѣлавъ дружеское привѣтствіе, сказалъ мнѣ на *Рускомъ* языкѣ. „шеперь, слава Богу, поздравляю васъ съ скорымъ и щасливымъ окончаніемъ: Капитанъ *Головинъ* и прочіе скоро поѣдутъ къ вамъ на корабль; шолько у насъ особый мудреный законъ, что вамъ нельзя съ ними шеперь видѣться; они всѣ здоровы.“ Тушъ

же подошли къ намъ и Академики съ такимъ же поздравленіемъ. Почтенный *Такитай-Кахи*, ополый въ церемоніалъ въ концѣ залы, также приблизился. Потомъ угощали насъ чаемъ съ разными закусками, которыя каждому подносили на особой лаковой посудѣ. Я былъ отличенъ тѣмъ, что подлѣ меня стоялъ нижняго званія Чиновникъ, который все, что было мнѣ приносимо, принималъ и подавалъ изъ своихъ уже рукъ. Часа черезъ два мы со всѣми распрощались и поѣхали обратно вмѣстѣ съ *Такатаемъ-Кахи* на той же шлюпкѣ на *Диану*. Ошѣзжая со шлюпа я, между прочими письменными приказаніями, спаршему по мнѣ офицеру, Г. Лейтенанту *Филатову*, поручилъ, коль скоро отвалимъ отъ берега, на шлюпѣ сдѣлать *разсвѣщеніе* флагами безъ всякой пальбы, которая, какъ извѣстно, вообще всѣмъ *Японцамъ* чрезвычайно не нравится. Они говорятъ: „какое въ *Европѣ* странное обыкновеніе: дѣлать почести стрѣльбою изъ пушекъ, которыхъ назначеніе убивать (1).“ Разсвѣщеніе же флагами, при случившейся тогда прекрасной погодѣ, доставило великое удовольствіе чрезвычайному стеченію всякаго званія людей, такъ, что на большое пространство, окружали шлюпъ наполненные людьми обою пола лодки. Такимъ образомъ совершенно, къ желанному съ обѣихъ сторонъ успѣху, первое съ *Японскими На-*

---

(1) Должно замѣтить, что сіе обыкновеніе не безъ исключенія: у *Князя Синдайскаго* салюты въ обыкновеніи, и онъ всегда ошѣзжаетъ изъ своего Княжества и возвращается при пушечной пальбѣ.

чальниками свиданіе съ почетными обрядами, *Россійскому Императорскому* флагу приобрьщенными, въ первый еще разъ при неціональныхъ переговорахъ развѣ-
 вавшемуся въ самой землѣ гордаго народа. Опыважная, избранная изъ команды шлюпа спража покаялась, въ случаѣ вѣроломства, не выпускашь изъ рукъ священнаго Императорскаго военного флага, развѣ по совершенномъ уже испребленіи онаго, вмѣстѣ съ своею жизнію! Справедливость повелѣваетъ сказать, что въ семъ щастливомъ случаѣ, во многомъ способствовало просвѣщенный, великодушный *Такатай - Кахи*: чрезъ него производимы были первыя и послѣднія съ *Японскими* Начальниками сношенія, и проницательный его умъ успѣлъ для общаго блага согласишь въ упорныхъ желаніяхъ два народа, имѣющихъ понятія о вещахъ совсѣмъ противуволожныя. Послѣ сего щастливаго свиданія, два дни прошли безъ всякихъ съ главными Начальниками сношеній. *Такатай-Кахи*, по прежнему навѣщалъ шлюпъ по два раза каждодневно, и съ позволенія своего Начальства привозилъ своихъ пріятелей, любопытствовавшихъ видѣть *Россійской* корабль; это для всѣхъ насъ было весьма пріятно, ибо мы имѣли случай какимъ нибудь образомъ изъяснить почтенному *Такатаю - Кахи*, сколь много чувствуемъ себя ему обязанными. Сими *Японцами* предлагаемы были подарки, но они принимали не болѣе одной, и по сущей бездѣлицы, и всегда съ позволенія *Такатай-Кахи*.

Въ третій день по утру *Такатай - Кахи*, съ радостію пріѣхавши на шлюпъ, сказалъ, что онъ полу-

челъ опѣ Начальниковъ позволеніе видѣться съ Г. Капишаномъ *Головиннымъ* и прочими *Рускими*. Эша вѣсть была для всѣхъ насъ весьма пріятна, ибо хопя до того случая свободно писали мы къ Г. *Головнину*, но опѣ него имѣли крашкія шолько записки въ полученіи писемъ. Сіе явно обнаруживало, что его записки разсматриваются *Японцами*, а пошому и надобно было наблюдать величайшую осторожность въ перепискѣ. Къ вечеру *Такатай-Кахи* привезъ вѣрное свидѣтельство, что имѣлъ съ *Рускими* свиданіе: маленькую записочку Г. *Головина*, въ которой изъяслялъ онъ чувствуемое имъ величайшее удовольствіе при свиданіи съ *Такатаемъ-Кахи*. Въ слѣдующій день почтенный сей *Японецъ* сообщалъ вѣсть еще того радостнѣе: онъ объявилъ опѣ имени главныхъ Начальниковъ, что завтра въ шомъ же домѣ, гдѣ происходили съ нами переговоры, назначается мнѣ свиданіе съ Капишаномъ *Головиннымъ* и двумя при немъ маэрозами въ присущствіи главнаго переводчика *Мураками-Теске*, Академиковъ и другихъ нижняго класса Чиновниковъ, и что за мною онъ самъ пріѣдетъ въ шой же Губернаторской шляпкѣ, съ позволеніемъ, ежели я пожелаю взять съ собою шожее число людей, по прежнему вооруженныхъ. На эшо я ошвѣчалъ ему, что какъ назначаемое свиданіе будетъ партикулярное, шо мнѣ должно будетъ ѣхать въ другомъ уже видѣ на берегъ: военный и переговорный флаги останутся поднятными на своихъ мѣстахъ на шляпкѣ; я поѣду съ однимъ своимъ офицеромъ, корабельнымъ Секретаремъ, и возьму 5 человекъ маэрозовъ безъ ру-

жей, и то для того только, чтобъ доставить имъ счастье видѣться съ своими двумя поварищами.

На другой день около 10 часовъ, прѣхалъ добрый *Такатай-Кахи* на прежней Губернапорской шлюпкѣ, и я съ назначеннымъ прежде числомъ людей, подъ переговорнымъ и военнымъ флагами поспѣшилъ на берегъ для вождѣннаго свиданія съ Капитаномъ *Головнымъ*.

Приближась къ берегу, увидѣлъ я его стоящаго у дверей дома въ богатомъ шелковомъ одѣяніи, сшитомъ на *Европейскій* покрой, при своей саблѣ. При семъ зрѣлищѣ я забылъ всѣ обряды и предосторожности и не дожидаясь выхода изъ шлюпки *Такатай-Кахи*, самъ первый выскочилъ на берегъ. По слухамъ Г. *Головина* наряду мнѣ не такъ бы легко было узнать его, еслибы долговременная служба съ нимъ и взаимное дружество не оставили глубокаго впечатлѣнія въ памяти моей его образа. Я потчасъ посреди множества *Японцевъ* его примѣшилъ и предоставляю судить читателямъ о взаимной нашей радости при семъ первомъ свиданіи: ее можно только чувствовать, а не описывать; представивъ себѣ его безнадежное состояніе, когда либо увидѣвъ свое отечество, равно и съ моей стороны безуспѣшныя въ прежнихъ годахъ къ *Японскимъ* берегамъ плаванія, къ спасенію его изъ сей непроницаемой для иностранцевъ земли дѣланныя; читатель можетъ постигнуть только ошчасти пріятнѣйшія ощущенія, родившіяся въ насъ при семъ случаѣ. *Японцы*, изъ скромности, не желая нарушить изліянія нашихъ чувствъ

ваній, оставили насъ, а сами, сѣвъ поодаль, занимались между шѣмъ собственною бесѣдою. Наши вопросы и отвѣты съ обѣихъ сторонъ сначала ни связи, ни порядка не имѣли; потомъ, удовлетворивъ стремленію взаимнаго любопытства, занялись мы предметами, до дѣла касающимися, на что имѣли достаточно времени и полную свободу со стороны скромныхъ *Японцевъ*. Капитанъ *Головнинъ* сообщилъ мнѣ въ короткихъ словахъ о спраданіяхъ своихъ во время его плѣна; а я съ своей стороны извѣстилъ его обо всемъ томъ, что зналъ о любезномъ нашемъ опечествѣ, о родныхъ и друзьяхъ его, прося его уведомить и поварищей его несчастія о томъ, что было мнѣ извѣстно о ихъ родныхъ, знакомыхъ и друзьяхъ, вѣдая сколь неперпѣливо они сего ожидали. При семъ свиданіи *Г. Головнинъ* вывелъ меня изъ великаго заблужденія, въ которое я было впалъ: худое состояніе шлюпа заставляло меня помышлять о зимованіи въ *Хакодаде*; я опасался опривитись въ такое весьма позднее время года въ *Камгатку*; но когда онъ сказалъ мнѣ, что по *Японскимъ* законамъ, будутъ содержать насъ какъ плѣнныхъ, то надлежало спарашься о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и пошому я немедленно, по совѣту *Г. Головнина*, написалъ требуемыя главными Начальниками объясненія, на извѣстные уже чипапелю пункты. Наконецъ я распрощался съ другомъ моимъ въ надеждѣ скорѣ болѣе на *Японскомъ* берегу съ нимъ не разлучаться и возвратился на шлюпъ, а *Г. Головнинъ*, въ сопровожденіи *Японцевъ*, пошелъ обратно въ мѣсто своего заключенія.

Къ вечеру я былъ обрадованъ неожиданнымъ прїѣздомъ нашего добраго *Кахи*; вошедъ ко мнѣ въ каюшу съ молодымъ человекомъ, онъ напередъ поздравивъ меня съ прїяннымъ свиданіемъ съ *Г. Головиннымъ* (1) сказалъ: „имѣю рассказать тебѣ нѣчто чудесное: вчера безъ всякаго ожиданія и помышленія, пришедъ домой, я засталъ у себя,—кого бы ты думалъ?—сына своего! Онъ только, что успѣлъ прїѣхать, присоединился къ толпѣ народа и видѣлъ насъ съѣзжавшихъ на берегъ; вотъ онъ смотри на него, похожъ ли онъ на меня? Въспомни съ сею радостію я получилъ, говорилъ примѣнно восхищенный *Кахи*, отъ моей жены прїянное и также чудесное извѣстіе. Она, совершивъ по обѣщанію поклоненіе угодникамъ, возвратилась въ добромъ здоровьѣ домой и едва успѣла, вошедши въ покои, снять съ себя дорожное одѣяніе, какъ совсѣмъ неожиданно приносящъ къ ней съ почты мое письмо отправленное по прибытіи нашемъ въ *Кунаширъ*.“ Я поздравилъ съ истиннымъ участіемъ почтеннаго *Кахи* съ такими

---

(1) Надобно знать, что *Кахи*, въ числѣ *Японскихъ* Чиновниковъ находился также въ домѣ при нашемъ свиданіи; но въ половинѣ еще разговора, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Г. Начальникъ, я не здоровъ, извини меня“ и опкланявшись оставилъ насъ, и болѣе уже не возвращался. При семъ случаѣ съѣхавшіе со мною для свиданія съ своими товарищами матрозы, все еще сомнѣвавшіеся въ искренности *Японцевъ*, испугались, увидѣвъ выходящаго изъ дома, одного *Кахи*, который, проходя мимо ихъ сказалъ: прощай. Изъ этого они заключили было, что меня навѣрно захватили.

пріятнѣйшими для чувствительнаго отца и нѣжнаго супруга новостями. Онъ былъ въ великомъ восхищеніи, что сіи радостныя происшествія совершились при спеченіи такихъ необыкновенныхъ случаевъ, убѣждавшихъ его болѣе и болѣе въ вѣрованіи Предопредѣленію, всегда его мысль занимавшему.

Послѣ сего я, поговоривъ съ любезнымъ его сыномъ, представилъ его вошедшимъ ко мнѣ въ какую офицерскую комнату; они чрезвычайно были рады съ нимъ познакомиться, и повели показывать ему нашъ шляпъ, а потомъ, посредствомъ переводчика *Киселева*, занимались съ нимъ бесѣдою. Оставшись наединѣ съ исполненнымъ удовольствія *Такагемъ-Кахи*, я услышалъ отъ него что, сдѣлалось ему извѣстнымъ о другѣ его въ пусшину удалившемся. Онъ повторилъ съ восторгомъ: „*Тайшо*, въ *Японіи* есть люди, которыхъ безъ фонаря можно видѣть (1); чѣмъ, ты думаешь, спросилъ онъ у меня, могу я на-

---

(1) Здѣсь *Кахи* разумѣлъ извѣстный *Діогеновъ* фонарь, о коемъ я ему въ *Каматскѣ* между прочими анекдотами рассказывалъ; доставляя ему тѣмъ величайшее удовольствіе; особенно плѣняли его примѣры благородства и великодушія души, подобныя поступку знаменитаго *Долгорукаго*, изорвавшаго указъ *Петра Великаго*. *Кахи*, по выслушаніи такого анекдота, всегда поднималъ руки въ знакъ почтительнаго на голову, произнося съ особеннымъ душевнымъ движеніемъ: *оки, оки*, т. е. великій! и потомъ, прижимая ихъ къ сердцу, говорилъ: *Кусыри*: т. е. лекарство; симъ словомъ онъ называлъ всякую особу ему нравящуюся пищу, чтобы въ высшей степени похвалить ее.

градишь такого человека, доказавшаго мнѣ, что онъ истинной мой другъ: Я не могъ вскорѣ собраться съ мыслями, что ему отвѣчать. *Кахи* продолжалъ; „богатство онъ презираетъ, надобно сдѣлать мнѣ что нибудь такое, что бы достойно было великой его души; ты знаешь, говорилъ онъ, что я имѣю дочь, которую за дурные ея поступки, не только, что лишилъ моего имени, но и не почишаю ее болѣе для меня существующею. Твое участіе въ ея судьбѣ было велико; я неоднократно былъ распроганъ твоими убѣжденіями къ примиренію съ нею, и можешь быть оскорбилъ твое дружество, оставшись непреклоннымъ; ибо ты пребралъ, жершвы отъ моей чести, не зная нашихъ обычаевъ (Въ *Каматкѣ* пересказалъ онъ мнѣ въ опкровенной бесѣдѣ о несчастной участи своей дочери, съ которою я спарался убѣдиль его къ примиренію; доводилъ его до слезъ и только). Теперь, обладая такимъ сокровищемъ, какимъ оказался удалившійся отъ свѣта мой истинный другъ, я хочу принести въ жертву такому рѣдкому другу уязвленное, по нашей національной чести, смертельными ранами родительское сердце: я рѣшился воззвать къ жизни мою дочь и примириться съ нею навѣки; извѣщу объ этомъ просто моего друга: онъ пойметъ мой поступокъ.“

Подъ конецъ просилъ онъ меня позволить ему теперь исполнить свое желаніе: раздашь мапрозамъ находящіяся у насъ его вещи: онъ самъ раздавалъ ихъ каждому лично, а шѣхъ, которыхъ особенно зналъ, одарилъ лучшими вещами; въ этомъ числѣ нашъ поваръ

былъ щастливѣе всѣхъ; подавая ему выбранныя вещи онъ называлъ его *нэнгоро*, т. е. пріятель (1). Окончивъ раздачу своихъ пожешковъ, коихъ былъ у него такой большой запасъ, что на каждаго человѣка досталось по особенной вещи (оныя состояли изъ бумажнаго и шелковаго платья, большихъ на вашъ одѣялъ и халатовъ), онъ просилъ меня позволюсь сего вечера нашимъ машрозамъ повеселишься, говоря: "*Тайшо! Японской и Русской* машрозъ, все равно; всѣ они любящъ пить вино; *Хакодаде* гавань безопасная." Хошя для шакого радостнаго дня и была выдана всей командѣ двойная порція водки, но усердію *Кахи* нельзя мнѣ было опказать; онъ пошчасъ опправилъ своихъ машрозовъ на берегъ за виномъ и по *Японскому* обычаю приказалъ привезши на каждаго машроза карпузъ шабаку и по шрубкѣ, а самъ сошелъ ко мнѣ въ каюшу, куда заблаговременно внесены были всѣ посольскія вещи; тогда я, обращаясь къ нему, сказалъ: шеперь долженъ ты сдѣлать намъ удовольствіе исполненіемъ своего, даннаго мнѣ въ *Кунаширѣ* обѣщанія. Выбирай, что тебѣ угодно? Или, шакъ, какъ ваши Чинovníки опказались опъ приняшія опъ насъ подарковъ, возьми все.—, Какая для меня будешъ польза, говорилъ онъ, съ дружескою опкровенноспію, взявъ у васъ сіи дорогія вещи (2), когда по

---

(1) Забавный спарикъ *Кахи*, хошя много восхищался нравспвенною моею, какъ онъ называлъ, пищею съ похвалою *Кусыри*; но не менѣ того любилъ, чтооь и насшоящая пища была для него *Кусыри*.

(2) Онъ состояли изъ фарфоровыхъ съ живописью, вазъ,

нашимъ законамъ, Правишельство у меня ихъ ѣмбе-
реть, сдѣлавъ мнѣ за оныя денежное вознагражденіе?—
Однако намъ удалось убѣдить его взявъ по крайней
мѣрѣ на удачу нѣсколько вещей. Ошобравши самъ, что
болѣе ему нравилось, въ добавокъ попросилъ онъ у меня па-
ру серебрянныхъ ложекъ, нѣсколько паръ ножей и
прочаго столоваго прибора, много понравившійся
ему *Руской* самоваръ, „чтобъ (говорилъ онъ) имѣть
мнѣ удовольствіе, въ воспоминаніе гостепріимнаго мо-
его у васъ житья, угощать иногда моихъ искреннихъ
пріятелей по *Рускому* обычаю“ (1). Пріятное наше съ
нимъ бесѣдованіе продолжалось до самой полуночи. Уѣз-
жая, онъ изъявилъ великое сожалѣніе, что не можетъ
по своимъ законамъ пригласить насъ къ себѣ въ домъ,
гдѣ, говорилъ благородный *Кахи* съ сердечнымъ выра-
женіемъ, можетъ бытъ удалось бы и мнѣ угостить
васъ пакъ, что и вы пожелали бы имѣть *хаси* и *са-
казуки* (т. е. маленькія вмѣсто вилокъ и ножей упо-
требляемыя палочки и лаковые чашки) въ память *Япон-
скаго* гостепріимства.

мраморныхъ столовыхъ досокъ, и разнаго сорша хру-
стальной посуды.

- (1) Образъ нашего житья ему весьма нравился, и хотя онъ
не могъ сидѣть съ нами за однимъ столомъ, по при-
чинѣ, какъ извѣстно, противной *Японскому* вкусу, на-
шей мясной пищи; но онъ приноравливалъ имѣть свой
обѣдъ въ одно время съ нашимъ; чай же всегда пилъ
вмѣстѣ со мною и большею частію безъ сахару; за
тѣмъ послѣ ѣлъ оный вмѣсто конфетъ цѣлыми кус-
ками.

На другой день мы были опечалены извѣстіемъ, что усердный *Такитай-Кахи*, отъ непрерывныхъ разѣздовъ, боленъ жестокою простудою. Къ вечеру, вмѣсто его, пріѣхалъ младшій переводчикъ отъ двухъ Начальниковъ съ увѣдомленіемъ, что завтра Капитанъ *Головинъ* съ прочими возвращенъ будетъ на *Россійскій* корабль. Къ подтверженію сего, доставилъ онъ отъ *Г. Головкина* письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что они всѣ были представлены Губернатору, и сей въ собраніи многихъ Чиновниковъ торжественно объявилъ имъ о возвращеніи ихъ на *Россійскій* корабль, по какому случаю главные Начальники просятъ меня пріѣхать завтра, для свиданія съ ними на берегъ и принятія всѣхъ *Русскихъ* съ окончательными бумагами. —Чтобъ доказать *Японскому* Начальству полную съ своей стороны довѣренность, я объявилъ пріѣхавшему всерадостному вѣстнику, что завтра поѣду на берегъ за *Г. Капитаномъ Головиннымъ* одинъ подъ бѣлымъ флагомъ, изъ уваженія къ здѣшнему почтенному Начальству безъ всякой спражи, дабы глупая чернь не имѣла права заключить, что *Рускіе* выручили своихъ соотечественниковъ силою, ежели я, по прежнему, съѣду на берегъ съ вооруженными людьми. Переводчикъ погостилъ у насъ съ прочими пріѣхавшими для любопытства Чиновниками довольно долго, и къ ночи уже поѣхалъ на берегъ. При прощаніи мнѣ удалось въ первой еще разъ убѣдить *Японцевъ* къ принятію подарковъ, состоявшихъ во много ими уважаемомъ сафьянѣ.

27 числа Октября былъ пошъ радостнѣйшій день,

которой увѣнчалъ вождедѣннымъ успѣхомъ наши труды и цѣль проекрашныхъ плаваній къ берегамъ *Японскимѣ*. Рано поутру на Губернашорской шляпкѣ къ величайшей нашей радости прибылъ почтенный *Такатай-Кахи*, по болѣзни одѣтый въ покойное плащѣ. Я изъяснилъ ему общее сожалѣніе о случившейся съ нимъ ошѣ принимаемыхъ имъ на себя великихъ безпокойствъ болѣзни, и сказалъ, что онъ нынѣшнимъ пріѣздомъ можетъ подвергнуть свое здоровье большой опасности. — „Напрасно, отвѣчалъ *Такатай-Кахи*, вы такъ обо мнѣ мыслише: ошѣ радостнаго случая мнѣ сдѣлалось легче, а когда увижу, прибавилъ онъ съ выраженіемъ сердечнаго удовольствія, шебя виѣшѣ съ другомъ своимъ Капитаномъ *Головиннымѣ*, возвращающагося на *Діану*, тогда буду совершенно здоровъ.“ Потомъ сказалъ онъ, что Начальники хорошо выразумѣли причину намѣренія моего съѣхашъ на берегъ безъ провожашихъ, и восхищались симъ довѣріемъ къ ихъ праводушію. Въ 12 часовъ, сѣвъ на шляпку съ Г. *Савельевымѣ* и переводчикомъ *Киселевымѣ*, безъ всякой стражи, подѣ переговорнымъ флагомъ, отправился я къ тому же дому, гдѣ и въ первые два раза имѣлъ свиданія съ Начальниками. *Японцы* не заставили насъ долго дожидаться. Вскорѣ приведены были въ пѣу же залу бывшіе у нихъ плѣнные наши: Капитанъ *Головиннѣ* съ офицерами, а матрозы и *Курилецѣ Алексѣй* оставлены были на дворѣ. Всѣ они вообще одѣты были въ шелковое плащѣ одного покроя, паншалоны и фуфайки, но различныхъ цвѣшовъ. На офицерахъ они были изъ машеріи, похожей на наши шшофы съ цвѣшами,

а на матрозахъ шафяныя; *Курилецъ* же *Алексѣй* одѣтъ былъ въ плаще изъ шелковой пестрой шкани, сшитое на манеръ *Японскаго*. Офицеры, къ умноженію странности наряда, были при своихъ сабляхъ и въ форменныхъ шляпахъ. — При обыкновенномъ случаѣ можно было бы позабавиться на щепъ такого наряда; но въ нашемъ положеніи не могли войти никому въ мысль подобныя замѣчанія. Мы смотрѣли другъ на друга съ сильными движеніями соболѣзнованія и радости, которыя выражались болѣе взглядами нежели разговорами. У всѣхъ освобождаемыхъ изъ плѣна изъ благодарности къ Провидѣнію, чудеснымъ образомъ спасающему ихъ, на глазахъ видны были слезы чувствительности, тогда только понимаемой, когда кому случится быть въ подобныхъ обстоятельствахъ. — *Японцы* и въ сіе время позволили намъ побыть однимъ нѣкоторое время, чѣмъ дасть успокоиться чувствамъ нашимъ послѣ первыхъ восторговъ. Потомъ ошъ двухъ *Гинмисаэ Такахаси - Салия* и *Кодзимото - Хіогоро* формальнымъ образомъ принялъ я своихъ соотечественниковъ. Тогда же ошданы мнѣ были съ описанною уже *Г. Головиннымъ* особою церемоніею, бумаги ошъ *Японскаго* Начальства для доставленія ихъ куда слѣдуетъ по возвращеніи въ *Россію*. Послѣ сего мы угощены были по *Японскому* обычаю.

Простившись съ *Японцами* съ изъясненіемъ сердечной благодарности, въ 2 часа по полудни оставили мы *Японскій* берегъ, прошедъ чрезъ великое множество толпящихся обоого пола зршелей на шлюпку, на кошорой, съ осво-

божденными и съ добродушнымъ *Такатаеми-Кахи*, принимавшемъ во всемъ сердечное участіе, поѣхали на шлюпъ при крѣпкомъ проливномъ вѣтрѣ; но не сморя на сіе, мы были во всю дорогу окружены великимъ множествомъ гребныхъ судовъ, наполненныхъ любопытствующими. Когда мы подѣхали къ шлюпу, разсвѣщенному флагами, поставленные по рямя люди, кричали въ честь освободившемуся изъ плѣна своему Начальнику: ура! По прибытіи нашемъ, весь экипажъ *Діаны*, увидѣвъ своего почтеннаго и любимаго Капишана и другихъ товарищей его нещасія, пришелъ въ радостный восторгъ. Многіе проливали слезы, видя щасливо возвратившихся къ нимъ шѣхъ, кои по двухъ годахъ и шрехъ мѣсяцахъ нещаснаго разлученія были предметомъ ихъ сожалѣнія и шруднаго плаванія къ берегамъ *Японскимъ*. Сіе обстоятельство, дѣлающее честь чувствительности служившихъ на шлюпѣ, навсегда останешся у меня въ памяти. Тронутый до глубины сердца Г. *Головинъ* вмѣстѣ со всѣми освободившимися предъ корабельнымъ образомъ *Св. Чудотворца Николая*, принесъ теплыя молитвы Подателю всѣхъ благъ за свое искупленіе. Вслѣдъ за нами привезли на многихъ гребныхъ судахъ великое количество прѣсной воды и дровъ, 1000 большихъ рѣдекъ, 50 мѣшковъ крупы, 30 мѣшковъ соли и другихъ съѣстныхъ припасовъ, безъ всякаго съ нашей стороны шребованія. И когда мы *Японцямъ* сказали, что сія провизія намъ ненужна, то получили въ отвѣтъ, что имъ приказано снабдить отпущенныхъ изъ плѣна *Рускихъ* по разчисленію имъ на пушечное

продовольствіе до *Камгатки*, и что они не смѣютъ не выполнитъ приказанія вышняго Начальства. Мнѣ не хотѣлось оспаривать ихъ настоянія, и потому велѣлъ я принять на шлюпъ привезенную провизію. — Мы не успѣвали по скорости всего выгружать на шлюпъ. Многие изъ *Японцевъ*, которыми въ сіе время отъ каравельныхъ *Досиновъ* всходили къ намъ воспрещено не было, пособляли добровольно нашимъ людямъ производить перегрузку, съ такимъ усердіемъ, что не лзя было рѣшить, чему болѣе удивляться: дѣштельному ли трудолюбію нашихъ матрозовъ, которые никогда еще съ такою веселостію и усердіемъ не работали, или доброхотному содѣйствію *Японцевъ*. Казалось, что люди, разныяіеся безпредѣльно по своему образу мыслей, воспитанію и странѣ рожденія, отстоящіе одинъ отъ другаго на цѣлую половину земнаго шара, составляли тогда одинъ и тотъ же народъ. Взаимная ласковость, веселость, шушки и вспомошествованіе оживляли каждого. Наши матрозы, многихъ *Японцевъ*, которые имъ больше нравились, подчивали заслуженною своею водкою и закусками, а *Японцы* въ свою очередь также просили ихъ выпить своего напѣтка *саги*; и хотя осмальная часть дня проведена была въ безпрерывныхъ работахъ, но цѣлый день вообще можетъ почтеться великимъ праздникомъ изъясненія чувствованій пріязни двухъ сосѣдственныхъ народовъ. Вскорѣ послѣ нашего прѣзда на шлюпъ прибыли для посѣщенія нѣсколько *Японскихъ* Чиновниковъ, *Штояговъ*, въ томъ числѣ два переводчика *Рускаго* языка: *Штоягу Мура-*

ками-Теске и *Зайджу Куладжеро*. Первый изъ нихъ несравненно лучше говорилъ по *Руски* и по воспитанію своему гораздо свѣдущѣ послѣдняго. Съ ними вмѣстѣ пріѣхали Академикъ и переводчикъ *Голландскаго* языка. Послѣдній изъ нихъ былъ въ *Нагасаки*, когда *Г. Крузенштернъ* съ посломъ *Г. Резановымъ* тамъ находился, посѣщалъ корабль *Надежду* и помнитъ имена многихъ *Рускихъ* офицеровъ. Онъ говорилъ также нѣсколько по *Руски* и разумѣеть по *Французски*. Всѣ сіи чиновные люди приглашаемы были мною въ каюшу, и угощаемы по *Европейскому* обыкновенію тѣмъ, что у насъ случилось.—Послѣ сдѣланныхъ намъ съ окончаніемъ дѣла поздравленій, какъ опъ себя, такъ и опъ имени бывшихъ при переговорахъ Начальниковъ, они пожелали видѣть расположеніе нашего шлюна, кошорой и осматривали во всѣхъ частяхъ съ великимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Къ вечеру прибыло такое множество любопытствующихъ зрителей одного шолько мужскаго пола (ибо женщины, къ великому сожалѣнію нашему, исключены были изъ сей привиллегіи, не смотря на большее желаніе ихъ и прозъбы), что опъ тѣсношы трудно было сдѣлать нѣсколько шаговъ на палубѣ. По сей причинѣ караульные *Досины* нашлись принужденными вынуть изъ за пояса свои желѣзные палки и согнавъ большую часть *Японцевъ* на гребныя суда, спали впускать на шлюпъ малое число людей. Женщины завистливо смотрѣли съ гребныхъ судовъ своихъ на преимущество, оказанное мужчинамъ. Видя сіе мы въ утѣшеніе дарили ихъ чрезъ *Досиновъ* мѣлочными веща-

ми, за что и получали изъявленія благодарности въ самыхъ выразительныхъ знакахъ. Раздѣлявшіе съ нами съ видомъ непришворной искренности всеобщую радость *Японскіе* Чиновники пробыли на шлюпѣ до самой ночи. При отъѣздѣ предложены были имъ разные подарки изъ числа вещей, доставшихся намъ въ *Каматкѣ* отъ бывшаго на кораблѣ *Надеждѣ* посольства; они, какъ и прежде, ни одной изъ оныхъ не приняли, кромѣ нѣсколькихъ картинокъ и портретовъ *Русскихъ* героевъ, опличившихся въ кампаніи 1812 года, какъ произведенія искусства, и по съ позволенія Начальства, безъ рамъ и спеколъ. Оныя, по всей вѣроятности, опосланы были въ столицу *Эддо* съ объявленіемъ, кого они изображали и чѣмъ сіи полководцы опличились. Октября 10 числа, когда окончены были всѣ работы и мы запаслись водою, съ берегу доставлено было отъ Начальства для команды большое количество зелени, свѣжей и соленой рыбы. При возсавшемъ благопріятномъ вѣтрѣ сигналомъ дали мы знать о намѣреніи вступить подъ паруса. Тогда выѣхалъ почтенной *Такатай-Кахи* со множествомъ лодокъ, буксировать шлюпъ изъ внутренней гавани въ пространство губы. Вскорѣ пріѣхали на большой шлюпкѣ старшій переводчикъ съ другими знакомыми *Г. Головинцу* Чиновниками, и до самаго выхода изъ губы сопровождали шлюпъ. Тамъ, при прощаніи, команда кричала *ура!* и потомъ, съ особеннымъ усердіемъ всею командою, великодушному, просвѣщенному *Такатаю-Кахи*, также возглашено было, въ изъявленіе благодарности и почтенія, шроевраш-

но: *Тайшо, ура!* Усердный нашъ другъ *Кахи*, вставъ со своими машрозами на самое высокое мѣсто своей шлюпки, кричалъ сколько есть силы: *Ура, Діана!* съ движеніями, и поднятіемъ рукъ къ небу, которыя явно обнаруживали великую радость его о щастливо совершившемся нашемъ дѣлѣ, и печаль о разлукѣ.

По выходѣ изъ *Хакодаде* наступилъ насть у *Японскихъ* береговъ ужасный ураганъ, продолжавшійся 6 часовъ. Состояніе шлюба было самое гибельное. Ночь была мрачная съ проливнымъ дождемъ; вода, печью умножившаяся въ шлюпѣ до 40 дюймовъ, при непрерывномъ выливаніи, оставалась въ одной степени. Ежеминутно ожидали гибели. Наконецъ буря утихла, и мы 3 Ноября со снѣгомъ прибыли благополучно въ *Петропавловскую* гавань.

6 Ноября, отслуживъ въ послѣдній разъ на шлюпѣ благодарственный Господу Богу молебенъ за милосердное покровительство во всѣхъ трудныхъ путешествіяхъ и предпріятіяхъ нашихъ, офицеры и команда перебрались въ хижины, кои были занимаемы нами въ прошлую зиму, съ утѣшительною однако же нынѣ мыслию приговляясь къ возвращенію къ своимъ друзьямъ и родственникамъ, съ коими были разлучены со времени отправления нашего изъ *С. Петербурга* въ теченіе семи лѣтъ.

Симъ кончилась шрешья и послѣдняя кампанія, продолжавшаяся болѣе шести мѣсяцовъ и предпринятая единственно для освобожденія Начальника нашего и соповарищей, раздѣлявшихъ съ нимъ всѣ горести долго-

временнаго и томительнаго плѣна между народами, до сего времени бывшимъ для насъ мало извѣстнымъ и кошорой, по спеченію обстоятельствъ и внушеніямъ корысплюбивыми *Голландцами* невыгоднаго о *Россіи* мнѣнія, подавалъ весьма сильныя причины опасаться всякихъ отъ него жестокостей къ несчастнымъ плѣннымъ нашимъ, на счетъ самой даже ихъ жизни. Но милосердый Промыслъ сохранилъ ихъ, и злощастіе, надъ ними совершившееся, благоволилъ употребить орудіемъ къ шѣмъ важнымъ событіямъ, коихъ со всею человѣческою мудростію произвестъ казалось невозможнымъ. Двѣ великія Имперіи, не имѣвшія доселѣ никакого между собою сношенія, сдѣлали чрезъ сіе великій къ тому шагъ; ибо можно шеперь льстишься пріятнѣйшею надеждою, что онѣя, познавъ себя въ истинномъ видѣ съ разсѣяніемъ закоренѣлыхъ со стороны *Японскаго* Государства предубѣжденій, начнутъ время отъ времени болѣе сближаться и достигнутъ наконецъ той важной цѣли, къ кошорой рука Божія направляетъ человѣческій родъ: къ дружественнымъ связямъ, на взаимныхъ пользахъ и выгодахъ ушверждающимся. Опасаясь, чтобъ обвѣщанный нашъ шлюпъ не погрязъ въ водахъ *Петропавловской* гавани, подобно потонувшему здѣсь казенному судну, кошорое употреблялось въ экспедиціи Капитана *Биллингса*, мы въ самую большую воду пришланули его, сколько можно ближе къ берегу и прочно ушановили на отмыли. Шлюпъ *Диана*, пришедъ въ несостояніе болѣе бороться съ океанскими волнами, будетъ съ

пользою еще служишь здѣсь хорошимъ магазиномъ и останешься памяникомъ для грядущихъ временъ. Стань-ся можешь, что сей прославленный въ страннопрім-ствѣ спутниками безсмертнаго *Кука* и несчастнаго *Лаперуза* край, со временемъ, по выгодному своему для коммерціи Географическому положенію, содѣлается бо-лѣ извѣстнымъ сосѣдственнымъ *Азіатскимъ* народамъ, и будешь посѣщаемъ мореплавателями изъ отдален-ныхъ странъ. — Тогда, можешь быть, примѣрное бѣд-ствіе нашихъ соотечественниковъ и чудесное избавле-ніе отъ онаго, займешь вниманіе просвѣщеннаго наблю-дателя хода человѣческихъ дѣлъ и несчастій.

Удовлетворивъ любопытству читателя описаніемъ происшествій, служащихъ дополненіемъ къ Запискамъ Капитана *Головина*, я заключаю мое простое повѣство-ваніе возобновленіемъ въ душѣ сострадашельнаго чита-теля тѣхъ чувствъ прискорбія и соболизнованія, ко-торыя при чтеніи плачевной исторіи несчастнаго *Г. Мура* исполняли его сердце.

Со дня нашего прибытія въ *Петропавловскую* га-вань, въ кругу нашего маленькаго общества послѣ-шакихъ трудовъ и опасныхъ походовъ, совершеннымъ успѣхомъ увѣнчанныхъ, все дышало радостію; но сія радость нарушена была опчаяннымъ поступкомъ не-щастнаго *Мура*, который, какъ то изъ описанія Ка-питана *Головина* видно, впалъ въ преступленіе, — не отъ дурнаго сердца или съ умысла измѣнить опече-ству, но отъ заблужденія, лишаась надежды когда ли-бо освободишься изъ ужаснаго заключенія, и льсшаясь

мыслию о возможности получить отъ непроницаемыхъ Японцевъ свободу, нечувствительно соврапился съ истиннаго пуши чести. Неожиданно перемѣнившіяся обстоятельства, ввергали его въ заблужденіе болѣе и болѣе; и наконецъ онъ предался совершенному опчаянію. Обыкновенный человѣкъ могъ бы вскорѣ забыть подобныя заблужденія, но памѣ, гдѣ чувствіе благородства глубоко пушило свои корни, одно безъ умысла совершенное преступленіе навѣки возмущаетъ душу. Сіе печальнымъ и спрашнымъ опытомъ доказалъ, всякаго сожалѣнія достойный несчастный *Мурѣ*, ужасная кончина коего подробно описана въ запискахъ Г. *Головнина*; я не могу однакожъ не упомянуть объ одномъ сильно меня поразившемъ его поступкѣ. Когда онъ по освобожденіи взшелъ къ намъ на шлюпъ, я въ восторгъ, принимая всѣхъ въ дружескія мои объятія, приступилъ и къ нему; тогда несчастный *Мурѣ*, устранившись, снялъ съ себя саблю и подавая мнѣ оную, печальнымъ голосомъ сказалъ: „я недостойнъ, я недостойнъ, прикажите мнѣ занять на шлюпѣ то мѣсто, гдѣ содержатся преступники.“ Предоставляю чисташелю судить о ихъ чувствахъ, которыя вдругъ стѣснили, радости исполненное мое сердце, но чѣмъ скорѣе прекрашшь и скрышь отъ низшихъ служителей сію сцену, я взялъ отъ него саблю, сказавъ: принимаю ее въ знакъ памяти сего щастливаго для насъ дня, и повелъ его въ каюшу. За мною вошли и всѣ офицеры; тогда Капитанъ *Головнинъ* и Штурманъ *Хлѣбниковъ* начали благодарить ихъ за труды, подъяшыя для ихъ

избавленія (1). Г. Мурѣ сдѣлалъ тоже съ выраженіемъ большой чувствительности, но обращаясь ко мнѣ, безпрерывно повторялъ: „Я недостойнъ.“ Г. Головинѣ старался удостовѣрить его, что предастъ все забвенію и просилъ его убѣдительноше, не воспоминашь никогда о шѣхъ непріятностяхъ, которыя во время ихъ несчастія произошли отъ его опчаянія. Осужденный своею совѣстію несчастный Мурѣ большею частію молчалъ, и слова, казалось, не имѣли ни какого почти надъ нимъ впечатлѣнія. Прочіе его поступки читателю уже извѣ-

-
- (1) При семъ случаѣ, Капитанъ Головинѣ подарилъ мнѣ достопамятную свою саблю, которую во время его плѣна любопытствовалъ видѣть Японскій Императоръ. Сей драгоценный для меня памятникъ, по чувствамъ моимъ всегда почитаться будетъ истинною для меня наградой. Г. Головинѣ также, въ память своего избавленія, подарилъ всѣмъ офицерамъ шляпа зрительныя свои трубы, астрономическіе инструменты и пистолеты; присемъ не могу я умолчать о благодарности, изъявленной имъ нижнимъ чинамъ. Изъ денегъ вырученныхъ за проданное въ Охотскѣ съ аукціона, послѣ взятія въ плѣнъ, его имуществу, далъ онъ старшимъ унтеръ-офицерамъ по 100 рб. младшимъ по 75 рб., а рядовымъ по 25 рб.; мапрозамъ же, бывшимъ съ нимъ въ плѣну, по 500 рб. а сверхъ того Макарову, который оказалъ ему въ плѣну извѣстныя уже читателю услуги, назначилъ получать ежегодно полное количество морскаго провіанта, какое слѣдуетъ по регламенту мапрозу на корабляхъ, изъ деревни его въ Рязанской губерніи, близъ которой находится родина Макарова. Курильцу Алексію, Г. Головинѣ подарилъ плотничныхъ инструментовъ, винтовку, пороху, свинцу и шабу на 250 рублей.

стны. Г. Мурѣ былъ молодой человѣкъ съ талантами, по службѣ всегда былъ извѣстенъ съ хорошей стороны; къ познаніямъ опличнаго морскаго офицера присоеди- нялъ онъ свѣденія въ другихъ наукахъ, разумѣлъ нѣсколь- ко иностранныхъ языковъ и на двухъ свободно изъ- яснялся. При такихъ познаніяхъ съ благородною душою, чувствительнымъ сердцемъ и любезными свой- ствами, онъ не могъ не быть уважаемъ и любимъ; и я увѣренъ, что не одни мы, его сослуживцы, пораженные ужасною кончиною, оплакиваемъ участь его, но и всѣ знавшіе его, раздѣляющъ съ нами сіе горестное чув- ство.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Слрок.	Напечатано	Читай
15	7	<i>Россійскаго</i> , Государ- ства	<i>Россійскаго</i> Государ- ства
33	15	народомъ.	народомъ?
34	12	знаками; показывали	знаками показывали
—	24	рыбъ,	рыбъ.
—	—	и прошивной	Прошивной
40	24	прервана	прервано
104	29	прислалъ	присланъ

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Справщикъ.

Взятіе *Японцами* Капитана *Головина* при островѣ *Кунаширъ*. Шлюпъ снимается съ якоря и подходитъ къ крѣпости. *Японцы* начинаютъ стрѣлять въ насъ изъ пушекъ; мы имъ отвѣчаемъ, сбиваемъ одну бапарею, но главной крѣпости не могли никакого вреда причинить. Покушенія наши объяснились съ *Японцами*, но безъ успѣха. Хищность ими употребленная для завладѣнія нашею шлюпкою. Мы оставляемъ на берегу письмо и нѣкоторыя вещи для плѣнныхъ нашихъ соотечественниковъ и отплываемъ къ *Охотскъ*. Прибытіе въ *Охотскъ* и отправление мое въ *Иркутскъ*; трудности и опасности пути сего. Весною я возвращаюсь опять въ *Охотскъ* съ *Японцемъ Леонзаймомъ*. Приготовленіе шлюпа къ походу, на которой я беру привезенныхъ изъ *Камчатки* 6 чловѣкъ *Японцевъ* и отправляюсь къ острову *Кунаширъ*. Опасность угрожавшая намъ кораблекрушеніемъ при островѣ *Св. Іоны*. Прибытіе въ заливъ *Избны*. Безуспѣшныя наши покушенія открыть переговоры съ *Японцами*. Упрямство и злость *Леонзайма*, и объявленіе его, что наши плѣнные убиты. Я отпускаю привезенныхъ на шлюпѣ *Японцевъ* на берегъ и беру съ *Японскаго* судна другихъ людей, въ томъ числѣ Начальника онаго, отъ котораго мы узнаемъ, что наши живы. Отправление наше со взятыми *Японцами* изъ *Кунашира* и благополучное прибытіе въ *Камчатку* . . . . . 1.

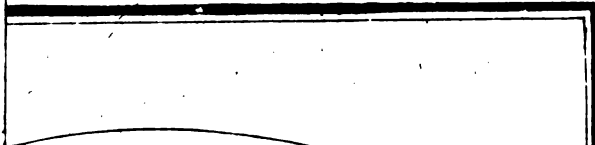
Зимованіе въ *Камчаткѣ*. Нравъ, поступки и обращеніе плѣннаго нами *Японца* по имени *Таката-Кахи*. Свѣдѣнія полученныя отъ него о нашихъ плѣнныхъ и о *Японіи*. Отправление шлюпа изъ *Камчатки* и прибытіе къ *Кунаширу*. Справной поступокъ *Таката-Кахи*, и понятіе *Японцевъ* о чести. Расположеніе Начальника крѣпости вступить съ нами въ переговоры. Я посылаю одного изъ *Японцевъ* на берегъ; онъ возвращается и до-

справляетъ мнѣ официальную бумагу отъ *Японскихъ* Чиновниковъ. *Кахи* отправляется на берегъ и возвращается съ пріятнымъ извѣстіемъ, что *Японцы* рѣшились начать съ нами переговоры. Доставка къ намъ своеручной записки Капитана *Головина*, изъ коей узнали мы, что они всѣ живы. Прибытіе изъ *Матсмая* значащихъ Чиновниковъ для переговоровъ съ нами, копорые и производились посредствомъ *Таката-Хахи*. Свиданіе съ однимъ изъ плѣнныхъ нашихъ маэрозъ, копорой доставляетъ мнѣ письмо отъ *Г. Головина*, тайно отъ *Японцевъ* симъ маэрозомъ привезенное. Требованія *Японскаго* Правительства; согласіе мое удовлетворить онымъ, на каковой конецъ я отправляюсь въ *Охотскъ*. Прибытіе въ сей портъ, занятія наши въ ономъ, и приготовленія къ предъему походу предпринимаему нами для освобожденія нашихъ плѣнныхъ . . . . .

51.

Отправление шлюпа изъ *Охотска*. Прибытіе на видъ *Японскихъ* береговъ. Продолжительныя бури и противныя вѣтры, насъ встрѣтившіе. Мы достигаемъ порта *Эдомо*, получаемъ тамъ лоцмана и отправляемся въ *Хакодаде*. Приемъ, одѣланный намъ *Японцами*. Переговоры съ ними посредствомъ *Таката-Кахи*. Свиданіе мое съ *Японскими* Чиновниками на берегу. Потомъ свиданіе съ *Г. Головинымъ*. Объясненіе нѣкоторыхъ спашей, заключающихся въ требованіи *Японскаго* Правительства. *Японцы* рѣшаются освободить нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ и назначаютъ для сего день, въ копорой я въѣжаю на берегъ, и возвращаюсь на шлюпъ съ освобожденными нашими плѣнными. Учтивости и привѣтствія *Японскихъ* Чиновниковъ посѣпившихъ шлюпъ. Мы отправляемся въ путь, терпимъ въ море ужасную бурю, и достигаемъ наконецъ благополучно *Петропавловской* гавани. Нещасная участь, постигшая *Г. Мура* . . . . .

90.

ПРО.

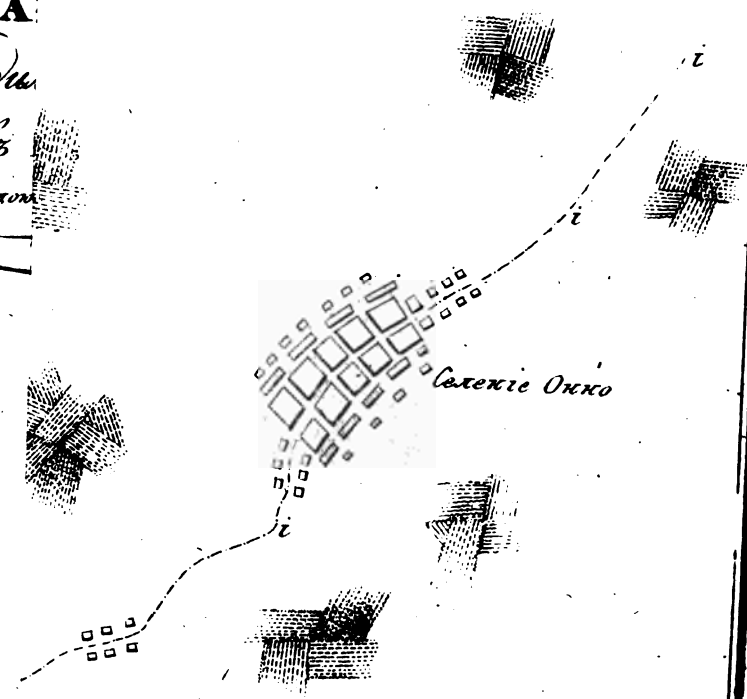
Мисс Эдмунд

Къ Запискамъ Капитана Рикорда

П
ПОРТА
Куда заходит
в
подъ Канаклом

в которой живет Градоначальникъ.
хотъ Тисеймейстера, въ которомъ жили Рускіе павники
и павники Рускіе въ 1811 году.
и островъ съ Якобскою Церковью.
на, построенная въ 1811 году.
Крепостей, построенныхъ въ 1813 году.
и берегамъ.
и въ томъ, какъ происходили переговоры съ Русскими въ —
Русскихъ павникахъ изъ Кукашера въ Каколате въ 1811 году.
и въ Каколате въ Натскай въ 1811 и обратно въ —

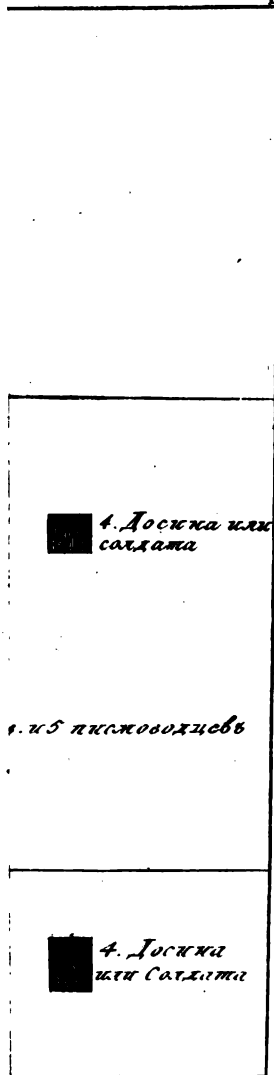

ПРО

Мессъ Эаржъ
къ Запискамъ Капитана Рикорда

није стѣна противъ
двери

и 5 писмовооцевъ

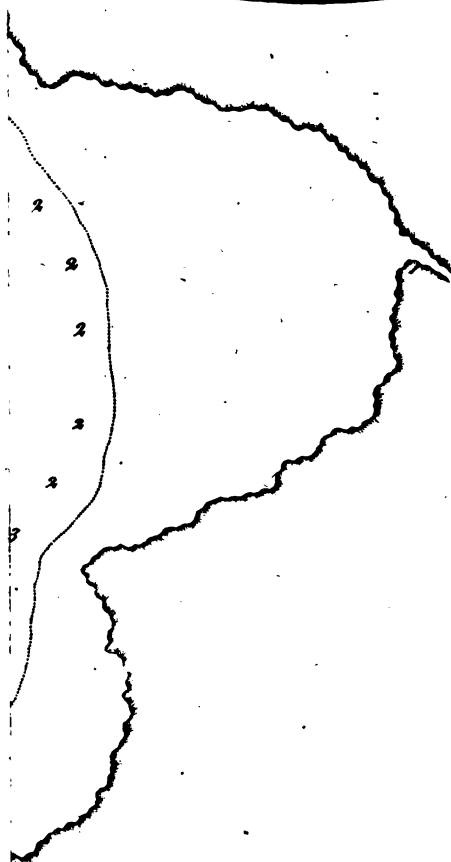
АВ. А
бужа
аааа
бббб

скажъ Капитана Рижора

ПЛАНЪ
ПОРТА ЭДЕРМО,
 изываемаго Японцами ЭДОМО,
 находящагося въ NW-сторонѣ
ВОЛКАНИЧЕСКАГО ЗАЛИВА.

*Въ сѣмъ портѣ стоялъ на якорѣ, въ 1813 году
 Императорскій флотъ Дайма, подъ
 командою Капитана Рикорда.*

о юста Шир. N° 42. 21. 15. Долг. O° 146. 56.

къ Записи

